БИБЛИОТЕКА ЛАВКРАФТА

Чарльз Брокден Браун

Эдгар Хантли, или Мемуары сомнамбулы

КЛАССИКА ХОРРОРА ОТ «ОТЦА АМЕРИКАНСКОГО РОМАНА»

Эдгар Хантли, или Мемуары сомнамбулы

Чарльз Брокден Браун

Аннотация
Чарльз Брокден Браун. Эдгар Хантли, или Мемуары сомнамбулы
Чарльз Брокден Браун, «Отец американского романа»
К читателю
Глава I
Глава II
Глава III
Глава IV
Глава V
Глава VI
Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV

Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Глава XXIII
Глава XXIV
Глава XXV
Глава XXVI
Глава XXVII

Аннотация

Великий Чарльз Брокден Браун – «отец американского романа» и живописец «подлинной американской жизни» со всеми ее отталкивающими и шокирующими сторонами, автор известнейшего «Виланда» и любимец десятков мэтров литературы в США и Великобритании, среди которых – Мэри Шелли, Эдгар По и Оскар Уайльд. «Эдгар Хантли…» считается самым загадочным, кровавым и психологически глубоким из его произведений: тема пугающей двойственности человеческой натуры подана писателем через метафору лунатизма…

Чарльз Брокден Браун
Эдгар Хантли, или Мемуары сомнамбулы

БИБЛИОТЕКА ЛАВКРАФТА

Charles Brockden Brown
Edgar Huntly; or, Memoirs of a Sleep-Walker

Перевод с английского языка и вступительная

статья Е. О. Пучковой

© Пучкова Е. О., вступительная статья, перевод на русский язык, 2023

© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2023

© Оформление. Т8 Издательские технологии,2023

Чарльз Брокден Браун, «Отец американского романа»

Не может быть счастлив по-настоящему тот, кто не изведал ужаса.

Торнтон Уайлдер. «День Восьмой»

Настоящий ужас – это когда видишь что-то знакомое, но настолько измененное, что едва его узнаешь.

Рэй Брэдбери. «Октябрьская страна»

…мы не можем не принести дань нашей признательности тому, кто умеет вызвать в нас столь сильные чувства, как страх и сострадание.

Вальтер Скотт

Чарльза Брокдена Брауна, наименее известного в нашей стране из всех знаменитых писателей США, историки литературы называют «отцом американского романа», а Натаниэль Готорн в рассказе «Чертог Фантазии» *(The Hall of Fantasy,* 1842), описывая галерею, в которой находятся статуи и бюсты «повелителей и полубогов воображения», наряду с великими писателями

прошлого — Эзопом, Гомером, Данте, Сервантесом, Шекспиром — помещает туда и бюст Брауна, автора первых американских романов, имевших признание не только в США, но и в Европе, родоначальника психологической линии американской прозы (Эдгар По, Натаниэль Готорн, Герман Мелвилл, Уильям Фолкнер и др.) и массовой «психопатологической» беллетристики XX века (Стивен Кинг).

Чарльз Брокден Браун родился 17 января 1771 года в многодетной семье (дочь и пять сыновей) зажиточного купца-квакера в Филадельфии — крупном центре колонизации Америки и одном из наиболее значительных очагов сопротивления англичанам в годы войны за независимость.

До шестнадцати лет будущий писатель посещал квакерскую школу, где получил хорошее гуманитарное образование, овладел греческим и латынью, а также впитал такие постулаты квакеров, как религиозная терпимость, равенство всех людей перед богом, уважение к человеческой личности. Все это оказало сильное влияние на его взгляды. Будучи мальчиком хрупким и болезненным, он сторонился игр сверстников и все свободное время посвящал книгам: «Кентерберийские рассказы» Чосера, «Смерть

Артура» Томаса Мэлори, пьесы Шекспира (потом в его произведениях будут возникать мотивы и аллюзии на них), произведения, в которых рассказывалось об утопиях, вымышленных странах с идеальным общественным устройством… Они сформировали у Брауна широкий круг интересов: кроме художественной литературы, он полюбил архитектуру, географию, сам рисовал карты — в том числе придуманных им земель. В пятнадцать лет Чарльз начал писать стихи, подражая, по его собственному признанию, Александру Попу.

Юность Брауна пришлась на драматическое время. Он принадлежит к тому поколению американцев, чье становление происходило после революции, когда уже появилось осознание того, что в процессе нового исторического опыта происходит существенная трансформация категорий и принципов Просвещения. Для американского Просвещения победа в войне за независимость, длившейся с 1776 по 1783 год, стала торжеством идеалов, воплощенных впоследствии в тексте Декларации независимости: «Мы считаем очевидными следующие истины: все люди сотворены равными и все они одарены своим Создателем некоторыми неотчуждаемыми правами, к числу которых принадлежат жизнь,

свобода и стремление к счастью».

Воодушевленный патриотическими настроениями, Браун задумывает написать три эпические поэмы, собираясь посвятить каждую из них эпохальному событию в истории Нового Света: открытию Америки Колумбом, покорению испанцами Мексики, покорению Перу.

Однако родители не одобряли желание сына заниматься литературой и после окончания школы отправили его в адвокатскую контору Александра Уилкокса получать профессию, способную, по их мнению, обеспечить солидное материальное и общественное положение. Там он работает с 1787 по 1792 год, пока не решает оставить профессию юриста, не приносившую ему удовлетворения. Мысль о том, что в адвокатской практике придется идти против своих нравственных принципов и стать «неразборчивым защитником правых и виноватых», угнетала его. И он решает отныне посвятить жизнь литературе.

Литературная карьера Чарльза Брокдена Брауна началась в 1789 году, когда с августа по ноябрь он опубликовал в филадельфийском «Коламбиан мэгэзин» серию эссе под общим названием «Рапсодист», написанных под очевидным влиянием публицистики Стила и Аддисона. В «Рапсодисте»

Браун впервые сформулировал свою литературную задачу: «…завладеть вниманием и очаровать душу тех, кто обдумывает и размышляет».

В эти же годы Браун становится членом литературного клуба «Бел-Летр», где знакомится с Элией Хаббардом Смитом, изучавшим в то время медицину в Филадельфии, который впоследствии станет его близким другом и окажет большое влияние на его мировоззрение.

Решение столь радикально изменить свою судьбу далось Брауну нелегко, как и переезд во время эпидемии желтой лихорадки в 1793 году из Филадельфии в Нью-Йорк, чтобы там, в литературной Мекке Америки, добиться успеха. К тому времени он был уже вхож в литературные круги, общался с близкими ему по духу и интересам людьми (в частности, с драматургом Уильямом Данлэпом, ставшим автором первой биографии Брауна). Тогда же он начал печататься.

В 1794 году Браун пишет поэму «Преданность» и вскоре приступает к работе над «Филадельфийским романом», который литературоведы считают прообразом завязки романа, вышедшего в светлишь в 1799 году под названием «Артур Мервин, или Воспоминания о 1793 годе».

А в 1798 году он публикует трактат «Алкуин»,

замысел которого был навеян идеями Мери Уолстонкрафт, жены видного английского мыслителя, прозаика и публициста Уильяма Годвина и матери Мери Шелли (автора знаменитого «Франкенштейна»), став одним из первых американских писателей, выступивших в поддержку равноправия женщин.

Годы, прошедшие между публикациями «Рапсодиста» и первой частью «Алкуина» (вторая часть вышла после смерти писателя), были для Брауна периодом активной публицистической работы и интеллектуального роста. Круг его общения ширится, он знакомится с оказавшимися в Америке непосредственными участниками революционных событий во Франции, занимается французским, читает Вольтера, Монтескье, Руссо, Дидро. И, конечно же, внимательно следит за современной американской литературой. Ее состояние во многом определял начавшийся в Европе кризис просветительства, о чем свидетельствовало появление сентименталистского романа, приобретшего популярность во многом благодаря Сэмюэлю Ричардсону.

Не менее популярен был в Америке и готический роман, своим появлением на свет также обязанный Англии. В значительной степени

он возник в результате возрождения в стране интереса к культуре Средневековья и нового отношения к готике. Одновременно растет сомнение во всемогуществе просветительского «царства разума», а в эстетике категория «прекрасного», основанная на рационалистской четкости и ясности, уступает место категории «возвышенного», которое апеллирует к чувству и воображению.

Новые научные теории и философские идеи, перемены в художественном сознании отозвались в прозе Брауна интересом к странным, болезненным состояниям психики, к нарушению привычного порядка во внутреннем мире человека.

Рационалистская картина мира менялась, и вместо убежденности в понятности и познаваемости окружающего возникало понимание, что действительность полна непознанного, пугающего, трансцендентного, а также росла и убежденность в том, что человеческую душу нельзя понять, человеческие поступки невозможно предугадать — они иррациональны.

Готический роман (называемый также «романом ужасов» или «черным романом») как никакая другая литературная форма отвечал

новым общественным потребностям — показать бессилие человека перед лицом могучих таинственных и злых сил. Как правило, для готического романа характерны средневековая тематика, фантастические и таинственные сюжеты, мрачный колорит, способные вызвать одну из самых сильных человеческих эмоций — страх, страх перед непонятным и необъяснимым.

Исследователи выделяют две школы европейского готического романа, которые отличаются трактовкой природы сверхъестественного. Писатели, относящиеся к первой школе (Хорэс Уолпол, Клара Рив, Мэтью Грегори Льюис), описывали сверхъестественное как результат действия сил, сущность которых недоступна человеческому разуму. Писатели же второй школы (Анна Радклиф, Шарлотта Смит) утверждали, что миром управляют разум и законы природы, а то, что вызывает страх, возникает лишь в сознании человека. Брауну ближе была позиция писателей второй школы.

Готических романов в то время выходило очень много, но в подавляющем большинстве это были книги эпигонов признанных мастеров жанра: такие произведения не отличались ни талантом, ни силой воображения. В статье «О причинах по-

пулярности романа» Браун иронически замечает, что многие современные романы «переполнены убийствами, привидениями, звякающими цепями, трупами, скелетами, старыми замками и сырыми темницами». Критикуя ремесленников от литературы, нещадно эксплуатировавших приемы готического романа, Браун не отрицал его эстетику и неоднократно обращался к ней в своем творчестве. В готическом романе Брауна привлекал повышенный драматизм, достигавшийся благодаря введению элемента таинственного в произведение. Но он дает таинственному рационалистическое объяснение. По словам исследователя творчества писателя, «мир, с которым сталкиваются его герои, — это по преимуществу мир естественный, и ощущение тайны и ужаса определяется не столько самим внешним миром, сколько внутренними движениями души героев».

С 1798 по 1801 год Браун публикует шесть романов: в сентябре 1798 года выходит «Виланд, или Превращение» *(Wieland; om, the Transformation),* в следующем году были опубликованы «Ормонд, или Тайный свидетель» *(Ormond; or, the Secret Witness),* первая часть романа «Артур Мервин, или Воспоминание о 1793 годе» *(Arthur Mervyn;*

or, Memoirs of the Year 1793) и «Эдгар Хантли, или Мемуары сомнамбулы» *(Edgar Huntly; or, Memoirs of a Sleep-Walker).* В том же 1799 году он начинает издавать два литературных журнала — «Манели мэгэзин» и «Америкой ревью». Романный период творчества Брауна заканчивается в 1801 году публикациями романов «Клара Ховард» *(ClaraHoward,* 1800) и «Джейн Тальбот» *(Jane Talbot,* 1801), в которых писатель обращается к проблемам современного брака, но два последних романа слабее четырех первых, на которых и зиждется репутация Брауна.

Первый и самый известный его роман «Виланд» вышел, когда писателю было 27 лет. В предисловии к роману Браун подчеркивает, что его цель — не корысть или «быстротечная слава», а желание «наглядно представить некоторые важные явления нравственной природы человека».

Роман основан на реальном происшествии — истории фермера из штата Нью-Йорк, убившего свою семью в приступе религиозного фанатизма.

«Виланд» открывается рассказом о пожаре, в котором гибнет отец Теодора и Клары Виланд. Злодей Карвин, используя дар чревовещания, расстраивает свадьбу Клары и доводит до умопомешательства Теодора, которому кажется, что он

слышит «голос свыше», повелевающий убивать (очевидная отсылка к «Макбету»). Теодор убивает жену, детей, пытается убить сестру, от ее криков разум возвращается к нему, но лишь для того, чтобы он смог осознать ужас содеянного. Смерть становится для него избавлением. Роман написан в эпистолярной форме, повествование ведется от лица Клары Виланд, сестры Теодора.

Главный злодей романа, сеятель зла и разрушения Карвин, соблазняет служанку Клары, становится причиной гибели семьи Виланда и его самого, он преследует и терроризирует Клару, настраивает ее против жениха. Все, что делает Карвин, — для него игра, забава; он испытывает удовольствие, подобно кукловоду, «дергая» всех за «ниточки» и заставляя играть ту роль, какую ему захочется. Исследователи считают, что в образе Карвина есть черты Дон Жуана и одновременно — злодея из готического романа (как, например, героев А. Радклиф).

Следующим Браун задумывал роман «Карвин». Однако замысел остался нереализованным — были написаны и опубликованы лишь в 1805 году несколько отрывков из предполагаемой книги «Воспоминания Карвина, чревовещателя». По замыслу автора, новый роман должен был

предшествовать «Виланду», показывая предысторию Карвина — его молодость, проведенную в Ирландии.

Роман «Ормонд, или Тайный свидетель» представляет собой послание Софии Куртланд, подруги героини романа, Констанции Дадли, некоему господину Розенбергу в Германию. Сама София в описываемых ею событиях практически не участвует (она появляется лишь в самом конце), и с ее письмом, дополненным оценками и комментариями Констанции и некоторых других действующих лиц, читатель знакомится в изложении Констанции.

В основе сюжета — идея соблазнения. За Ормондом тянется шлейф историй о его любовных победах, имеющих нередко трагические последствия (его любовница, которую он бросил ради Констанции, кончает жизнь самоубийством). Но Констанция — вовсе не Кларисса Ричардсона, невинная девушка, оказавшаяся жертвой злодея: это «новая женщина», чей образ создан Брауном под влиянием идей просветителей и прежде всего Мери Уолстонкрафт. Отец Констанции, Стивен Дадли, дал дочери прекрасное образование, недоступное женщинам в те годы. Идеалы разума, привитые Констанции отцом, стали ей опорой

в нелегких жизненных ситуациях, которых на ее долю выпало немало. Научившись стоически выносить удары судьбы, Констанция не ожесточилась, не озлобилась, она продолжает верить, что с помощью разума можно преодолеть любые тяготы и беды, осмысляя их и находя выход из любой, самой сложной ситуации.

Вера в неограниченные возможности разума сближает Констанцию с Ормондом, наделенным блестящими способностями и мощным интеллектом. В образе этого героя Браун показывает, какую опасную форму может приобрести теория «разумного эгоизма», получившая распространение во второй половине XVIII века. Воспылав страстью к Констанции, Ормонд решает добиться ее любым способом, вплоть до убийства ее отца, в котором видит главное препятствие для своего союза с ней. Талант перевоплощения помогает ему творить злодеяния. Меняя обличье и голос, он проникает в тайны людей, а затем использует это им во вред, и они беззащитны против его дьявольского ума.

Браун, таким образом, представляет в Ормонде и Констанции две ипостаси разума, который, в зависимости от нравственного содержания, выступает то как орудие добра, то как орудие зла,

выявляя, в сущности, кризис просветительского мировоззрения.

В герое романа «Артур Мервин, или Воспоминания о 1793 годе» Браун предпринял попытку изобразить двойственность человеческой натуры, сочетающей в себе и добро, и зло. Подзаголовок романа отсылает читателя не к Великой французской революции, а к событиям 1793 года, когда в Филадельфии разразилась эпидемия желтой лихорадки, жертвами которой стали около двух с половиной тысяч человек, что чрезвычайно много для того времени.

Самые сильные страницы романа — описание людей, охваченных страхом, в городе, где, казалось, сам воздух был пропитан кошмарным сладковатым запахом смерти (мертвецов жгли на улицах, запах отбивал только табак, и даже дети не выходили на улицу без сигар…). Все это передано Брауном с удивительной, подчас пугающей психологической выразительностью, заставляющей вспомнить «Дневник чумного года» Д. Дефо.

Картины эпидемии и человеческого отчаяния подчеркивают противоречивость характера главного героя — Артура Мервина. Он родился в сельской местности и обладал от рождения чистой и наивной душой. Однако суровая ре-

альность жизни изменила его. В результате жизненных испытаний он отступает от высших нравственных принципов, не согласующихся с корыстными побуждениями, которые становятся доминирующей чертой его характера.

С новой стороны открылась американская действительность в романе Брауна «Эдгар Хантли, или Мемуары сомнамбулы». В предисловии к роману Браун подчеркивает, что главное направление художественного поиска для него — «подлинная американская жизнь». «Во всяком случае, автор вправе вменить себе в заслугу стремление заинтересовать читателя и привлечь его симпатии средствами совсем иными, нежели те, которыми пользовались предшественники, — утверждает он. — Наивные суеверия, давно изжившие себя нравы, готические замки, несбыточные фантазии и вызывающие манеры — все эти атрибуты уходящего века пусть остаются в прошлом. Ведь нам куда ближе противостояние с индейцами и всевозможные опасности, подстерегающие путника на Диком Западе, — для уроженца Америки было бы непростительно обойти это своим вниманием. Сей живительный источник и вдохновил автора снова взяться за перо, дабы ярко и достоверно изложить на бума-

ге мысли и чувства, навеянные нашим новым миром».

В романе Браун вновь обращается к своей излюбленной теме раздвоенности человеческой психологии (на этот раз имеющей форму сомнамбулизма). Формально детективный роман выстроен как тонкий психологический этюд: ужас нагнетается описанием череды таинственных трагических событий, органично вплетенных в реалии современной автору Америки.

Действие романа относится к 1787 году, когда вокруг западных земель разгорелась острейшая борьба, сопровождавшаяся истреблением и оттеснением на запад индейских племен. Пытаясь найти убийцу друга, главный герой оказывается вовлеченным в невероятную цепь событий и стечения обстоятельств. Неподдельный ужас смещенного сознания сомнамбулы, борющегося с наваждениями, а также чувства и мысли смертельно испуганного человека переданы в романе особенно впечатляюще.

Совершенное владение искусством создавать и поддерживать нужное настроение придает ужасам Брауна пугающую правдоподобность. Несколько зловещих штрихов — и читатель погружается в атмосферу присутствия потусто-

ронних сил, которую ощущает почти физически. Эстетика произведения ориентирована главным образом на эмоциональное воздействие. Моральные, социальные и психологические размышления трансформируются у Брауна в новую разновидность готики — психологический готический роман, вызывающий *horror к* сознании и в душе человека.

Ни в какой другой книге Брауна нет столь запутанного сюжета, как в «Эдгаре Хантли». Ни в какой другой книге Брауна нет так много убийств, загадочности и тайн — недаром исследователи называют это произведение самым характерным готическим романом писателя: даже «Виланд» оттесняется на второе место по психологической глубине и убедительности. «Эдгар Хантли» — не просто роман в некогда модной манере: здесь типичные приемы готического романа использованы в новом антураже, с новой целью, и проложен мостик от готики в духе Уолпола и Радклиф к психологической готике Готорна и По.

Романы «Клара Хоуэрд, или Энтузиазм любви» и «Джейн Тэлботт» во многом не похожи на предыдущие книги Брауна: здесь есть счастливый конец и они лишены драматизма, присущего более ранним романам.

В 1804 году Браун женился, пытался заняться бизнесом, а в 1810 году скончался от туберкулеза. По одной из легенд, которые сопровождали Брауна всю жизнь, за несколько лет до смерти он написал трагедию, которую потом сжег, а пепел хранил в табакерке на письменном столе…

Влияние творчества Ч.Б. Брауна на развитие американской готической традиции невозможно переоценить.

Будучи настоящим художником, Браун всегда стремился наиболее полно выразить и показать идею, мысль, чувство, настроение, образ, внутреннее состояние человека, используя достижения предшественников и одновременно трансформируя традиции английского готического романа.

Браун творчески соединяет поэтику готического романа с проблемами современной ему Америки, одновременно достигая высокого уровня генерализации, что вызывало восхищение его современников и писателей более позднего времени как в Европе, так и в самой Америке.

Прозой Брауна восхищались его соотечественники: Роберт Берд и Джордж Липпард, Натаниэл Готорн и Джон Уиттьер, Эдгар По и Говард Лавкрафт. В рассказе «Колодец и маятник» По делает

отсылку к одной из глав романа «Эдгар Хантли», а в рассказах «Маска Красной Смерти» и «Король Чума» ощутимо влияние «Артура Мервина». Не менее тепло приняли Брауна в Великобритании. О нем восторженно отзывались Уильям Годвин и Джон Китс, Вальтер Скотт и Уильям Хэзлитт, Мери Шелли признавала зависимость «Франкенштейна» от книг Брауна. Томас Лав Пикок рассказывал, что Перси Биши Шелли в список из шести самых любимых своих книг внес, вместе с «Фаустом» Гёте и «Разбойниками» Шиллера, «Виланда», «Ормонда», «Эдгара Хантли» и «Артура Мервина». Именно с Брауна, по мнению М. Белла, «начинается история американской литературы, история ее настоящего развития как серьезной формы художественного творчества».

Елена Пучкова,
кандидат филологических наук,
член СП России,
член Гильдии «Мастера литературного перевода»

ЭДГАР ХАНТЛИ, ИЛИ МЕМУАРЫ СОМНАМБУЛЫ

К читателю

Весьма лестные отзывы, коими общественность удостоила «Артура Мервина»[1], побудили автора продолжить диалог с читателем и представить миру еще одно свое творение.

Америка открыла новые перспективы естествоиспытателям и политикам, но «певцы человеческих душ» пока редко обращаются к американской тематике. Наша страна, сильно отличающаяся от старушки Европы, способна дать пытливому уму немало пищи для размышлений, достаточно проявить лишь толику любопытства. Этот разнообразный и неистощимый источник насыщает фантазию и воспитывает душу, а потому автор решил описать ряд приключений, возможных только в условиях нашей страны и связанных с весьма распространенным, но пока неразгаданным психическим недугом.

Во всяком случае, автор вправе вменить себе в заслугу стремление заинтересовать читателя

---

[1] Примечания: 1

«Артур Мервин» (1799–1800) — роман Чарльза Брокдена Брауна в двух томах, исследующий дуализм человеческой натуры, в которой добро соседствует со злом. — *Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, — примеч. переводчика.*

и привлечь его симпатии средствами совсем иными, нежели те, которыми пользовались предшественники. Наивные суеверия, давно изжившие себя нравы, готические замки, несбыточные фантазии и вызывающие манеры — все эти атрибуты уходящего века пусть остаются в прошлом. Ведь нам куда ближе противостояние с индейцами и всевозможные опасности, подстерегающие путника на Диком Западе, — для уроженца Америки было бы непростительно обойти это своим вниманием. Сей живительный источник и вдохновил автора снова взяться за перо, дабы ярко и достоверно изложить на бумаге мысли и чувства, навеянные нашим новым миром, а насколько удалось это сделать, предоставляю судить свободомыслящему и беспристрастному читателю.

Ч.Б. Б.

Глава I

Итак, мой друг, я приступаю. Преодолев волну неуверенности и шквал удивления, я готов исполнить свое обещание. Теперь я свободен от беспокойства и внутренней дрожи. Драма подошла к подобию развязки, и события, отвлекавшие меня, дали мне передышку.

До сих пор я просто не смог бы совладать с пером, не сумел бы справиться со своими чувствами и абстрагироваться от сцены, перманентно маячившей перед моим мысленным взором. А пытаясь забежать вперед, я бы лишь удалялся от того, что составляло предмет моих опасений и надежд.

Но даже и теперь могу ли я поручиться, что волнение не помешает мне осуществить задуманное? Что я способен восстановить последовательность событий, избежав неясностей и путаницы? Что история, которую я собираюсь рассказать, снова не захлестнет меня и эмоции не затуманят повествование, дабы оно оставалось свободным и связным? И все-таки лучшего момента, чтобы начать, у меня не будет, я знаю.

Возможно, время умерит мою горячность, вернет мне покой и равновесие, но для этого придется пожертвовать частью воспоминаний. Чем большую власть я обрету над словами, тем меньше смогу контролировать свои чувства. Чем более плавно и неторопливо поведу рассказ, тем труднее мне будет вспомнить все детали и изложить события в их взаимосвязи с необходимой ясностью и точностью.

О, почему мы так далеко друг от друга?! Будь вы рядом со мной, я отложил бы бездушное перо в сторону и поведал бы вам обо всем из уст в уста. Фразам, запечатленным на бумаге, недостает жизни, а в непосредственной беседе я восполнил бы жестами и взглядами то, что не в силах выразить слова. Увы, я знаю, что это невозможно. Заполнить лакуну живого общения мне не дано. Но и оставить вас в неведении было бы оскорбительно по отношению к вам. А потому придется довериться перу и почтовой службе, ибо только так я могу общаться с вами.

Вроде бы и расстались мы совсем недавно, но какое смятение, сколько волнений я претерпел за это время! Какое просветление осенило меня, позволив осознать мое собственное невежество по отношению к другим и к самому себе! Какой

решительный и резкий переход от неуверенности к знанию!

Однако позвольте мне собраться с мыслями. Позвольте совладать с собой, чтобы рука моя была тверда, когда я начну писать. Позвольте выстроить по порядку события, которые лягут в основу повествования. Нет нужды просить о вашем внимании. Уолдгрейв был дорог нам обоим, и его загадочная гибель одинаково мучительна для нас. Эта кровавая драма пробуждает одновременно и печаль, и желание мести, и любопытство. Читая сие послание, вы испытаете леденящий ужас и проникнетесь глубоким состраданием. Вы будете содрогаться вместе со мной в предчувствии беды, будете плакать моими слезами, я проведу вас через все испытания и опасности. Кому как не вам, сестре моего друга, удостоившей меня своим расположением, могу я адресовать эти строки.

Не стоит вспоминать, с каким нежеланием я покинул вас. Добраться домой к вечеру я мог, лишь отправившись в путь на рассвете, но общение с вами было так драгоценно для меня, что я наслаждался им до последнего момента. Необходимость требовала, чтобы я вернулся во вторник после восхода солнца. Ночное путешествие не

причинило мне сколько-нибудь значительных неудобств. Воздух был морозный, но для идущего быстрым шагом путника это не помеха. В силу своего характера я предпочитал идти не при свете дня, а под покровом ночи, когда на дороге безлюдно и все вокруг овеяно романтикой.

С наступлением сумерек я был в десяти милях от дядиного дома. Темнота все сгущалась, а я продолжал свой путь, постепенно погружаясь в меланхолию. Окрестные пейзажи и время суток вызвали в памяти образ утраченного друга. Я вспоминал его черты, тембр голоса, жесты и с непередаваемым трепетом размышлял над обстоятельствами его гибели.

Все это вновь наполнило меня терзаниями и недоумением. В который раз я задавался вопросом: кто убийца? Мог ли сам Уолдгрейв чем-то спровоцировать его на такое деяние? Нет, только не Уолдгрейв. Он сочетал в себе множество истинных добродетелей. Был благочестив, всегда стремился помогать ближним. Все, кому довелось пересекаться с ним, не раз отмечали его добрую, деятельную волю. Друзей у него было немного, ибо жил он скромно и замкнуто, но представить, что кто-то враждовал с ним, совершенно невозможно.

Я припомнил подробности нашей последней беседы: свое беспокойство, настоятельные уговоры отложить злосчастное путешествие до утра, его необъяснимое упрямство, решимость отправиться пешком на ночь глядя, в непогоду, — и к какой ужасной беде это все привело.

Первое сообщение о трагедии, безумная жажда мести и неуемное горе, владевшие мною, бесплодные поиски виновного, мои полночные блуждания и грезы под сенью рокового вяза, — все было пережито вновь и наполнило меня болью. Я слышал пистолетный выстрел, видел тревогу Инглфилда и суетящихся слуг, которые с зажженными факелами сбежались на зов. Я смотрел на моего мертвенно-бледного друга, распростертого на земле, на его смертельную рану, а рядом с ним не было никаких зримых следов убийцы, никаких знаков того, куда тот мог бы скрыться, никакого орудия преступления, и ничто не указывало на возможные мотивы вражды.

Я склонился над умирающим, он был без сознания и не мог ни узнать меня, ни открыть причину произошедшего. Сопроводив останки моего друга к месту погребения, я потом не раз размышлял у его могилы о поисках убийцы, для чего готов был

сделать все возможное. Но мои усилия по-прежнему не давали никакого результата.

Нет нужды напоминать вам о прошлом. Рассудок и время, казалось, разрушили магическую стену, из-за которой я был глух к велениям долга и призывам благоразумия. Агония воспоминаний, провоцировавших меня на необдуманные поступки, прекратилась, я уже больше не вынашивал кровавые планы. Мрак почти рассеялся, и в душе моей воцарился свет, дарующий радость, какую я не испытывал прежде.

Однако теперь, владевшее мной в тот горестный период уныние, отразившись в моих воспоминаниях, вновь вернуло меня к тем трагическим событиям. Я опять преисполнился уверенностью, что установить, кто поднял руку на моего друга, еще возможно и что преступник должен за это ответить. Воздержаться от поисков или отказаться от возмездия — значит не выполнить мой долг перед Богом и людьми. Во мне постепенно созрело намерение снова побывать у вяза — еще раз осмотреть землю, внимательно изучить ствол. Но что я надеялся найти? Ведь все уже сто раз изучено и осмотрено. Разве не облазил я соседние рощицы, не обследовал близлежащие ручьи и речушки, обрывы и расселины

— все, что располагалось рядом с местом кровавой трагедии?

Позже я со стыдом и раскаянием вспоминал о своем поведении, но тогда мой растерянный разум побуждал меня продолжать поиски — я считал это благоразумным. Времени, прошедшего со дня моего отъезда, было достаточно, чтобы многое изменилось. То, что раньше казалось бесполезным, теперь могло бы привести меня к вожделенной цели. В отсутствие мстителя убийца, прежде державшийся подальше от места преступления, теперь мог безбоязненно наведаться к роковому вязу. Не ожидая и не опасаясь моего возвращения, он с немалой долей вероятности даже в этот самый момент мог быть там, где совершил свое черное дело.

Этому рецидиву моего безумия нет оправданий. И все же, вернувшись после продолжительного отсутствия туда, где мне довелось стать невольным участником трагических событий и испить полную чашу душевных мук, я разбередил незажившую рану. Ночь, мерцание звезд, все вокруг окутано кромешной тьмой, не позволявшей мне отвлечься от образов, которые рождались в моем воображении, — наверное, этим в какой-то степени можно объяснить воскрешение чувств

и намерений, овладевших мной после смерти Уолдгрейва и покинувших меня на то время, что я был с вами.

Роковой вяз, как вы знаете, находится посреди уединенной дороги на границе с Норуолком, рядом с домом Инглфилдов и в трех милях пути от имения моего дяди. Ведомый необъяснимой потребностью вновь побывать на месте трагедии, я петлял по полям, путешествие затягивалось, но это, как и скорое приближение утра, меня нисколько не волновало — все равно возвращаться домой до восхода солнца не было нужды.

Я шел быстрым шагом, хотя время позволяло мне немного умерить пыл и предаться трезвому размышлению. Так, следуя намеченным путем, я несколько раз притормаживал, чтобы обдумать в обволакивающей темноте события, которые были столь важны для меня и в разгадке которых я мог обрести счастье, это давало мне удовлетворение — правда, с оттенком скорби. Несмотря на бездорожье и многочисленные препятствия, я, хорошо зная эти места, продолжал идти вперед, взбирался по уступам, продирался сквозь заросли ежевики, перескакивал через ручьи и плетни, чтобы не отклониться от курса, пока не достиг прячущейся в темноте скал тропинки, которая

вела к дому Инглфилда.

Вскоре я различил в полумраке обширную крону вяза. Как ни плохо было видно, я в этом не сомневался. Месторасположение, внушительные размеры, форма ствола, полукруглый шатер из раскидистых ветвей делали дерево заметным издалека. Чем ближе я подходил, тем сильнее билось сердце.

Я старался разглядеть ствол и землю под сенью ветвей. Постепенно они вырисовывались все отчетливее. Но не только это попало в поле моего зрения. Что-то еще — какое-то мимолетное движение — бросилось мне в глаза. Я вздрогнул и остановился.

Случайный наблюдатель не обратил бы внимания на такую мелочь. А для меня все наполнилось огромным смыслом. Сразу вернулись мои догадки и подозрения. То было движение человека, который имел отношение к судьбе Уолдгрейва и мог привести меня к таинственному вершителю этой судьбы! Но как мне себя вести? Неосторожным приближением я встревожил бы его. Он мгновенно обратился бы в бегство и уже навсегда оказался бы вне моей досягаемости.

Я неслышно сошел с дороги на обочину. Бесплодная земля была усеяна камнями, разбросан-

ными среди карликовых дубов и кедров, — символов ее плачевного состояния. За ними я мог, оставаясь незамеченным, наблюдать и даже приблизиться настолько, чтобы хорошо рассмотреть человека, которого заметил у вяза.

Заходящая луна, уже почти достигшая горизонта, неожиданно пришла мне на помощь, озарив землю прощальным светом. Теперь я смог отчетливо увидеть мужчину, высокого и крепкого. Приглядевшись, я понял, что он копает землю. Закрученная вокруг талии и ниспадавшая до середины бедер фланелевая ткань прикрывала его наготу. Остальное тело было обнажено. Он, определенно, не принадлежал к числу тех, кого я знал.

Вид незнакомца, сильного и необычного, к тому же полуголого и занятого столь странным делом в такое время и в таком месте, потряс меня до глубины души. Это было непонятно и загадочно. Уж не разрывал ли он чью-то могилу? Какую цель он преследовал: хотел что-то найти или пытался спрятать? И как поступить мне: следить за ним издалека, не выдавая себя, или направиться прямо к нему и силой либо угрозами заставить все объяснить?

Прежде чем я пришел к какому-то решению,

он перестал копать — отбросил лопату и сел на землю в вырытой яме. Казалось, он погрузился в размышления, но ненадолго, ибо вскоре ночную тишину нарушили его безудержные рыдания, сначала редкие и приглушенные, потом все более громкие и неистовые. Какая сердечная мука могла вызвать столь безутешную печаль? Никогда мне не доводилось видеть такого душераздирающего проявления безудержного горя и отчаяния.

Что я должен был думать? На какое-то время, изумленный, я застыл в оцепенении. Искренние чувства всегда глубоко трогали меня. Каждый новый выплеск его скорби отдавался болью в моем сердце и слезами, навернувшимися на глаза. Я немного продвинулся вперед и затаился под покровом ночи. Благоразумие покинуло меня, я проникся состраданием к человеку, которого долг велел мне преследовать, и уже готов был броситься к нему.

Но тут его стенания прекратились, и я замер на месте. Он снова взял лопату, вскочил на ноги и стал усердно и расторопно забрасывать яму землей, как будто почувствовал, что за ним наблюдают, и хотел что-то скрыть от постороннего взгляда. Что было делать: обнаружить свое присутствие и, приблизившись, схватить его за

руку? Однако, не зная его намерений и опасаясь возможной реакции на мое неожиданное появление, я заколебался. Не осмеливаясь подойти к нему, я все же решился его окликнуть.

— Эй! — закричал я. — Кто здесь? Что вы тут делаете?

Он остолбенел, уронил лопату и, чуть пригнувшись, устремил взгляд в мою сторону. Теперь разговора и объяснений было не избежать. Я собрал все свое мужество, чтобы выйти из укрытия и начать расспросы.

С минуту он, судя по его позе, прислушивался и присматривался. Хотя я находился прямо перед ним, он вел себя так, словно не видит меня. А потом опять взялся за лопату и с еще большим усердием принялся засыпать яму. Я был удивлен его странным поведением и слегка растерялся. Мне ничего не оставалось, как просто молча стоять рядом и следить за тем, что он делает.

Засыпав яму, он опять опустился на землю, огласив окрестности еще более горькими рыданиями, чем прежде. Спустя короткое время этот новый приступ его неуемной скорби, казалось, закончился. Он поднялся, подхватил лопату и направился прямо ко мне.

Я уже собрался заговорить с ним, но он прошел

мимо, похоже, не заметив меня, хотя едва не задел мою руку. Взгляд его блуждал непонятно где. Вблизи своим ростом и мускулистостью он производил еще более внушительное впечатление, однако почти полное отсутствие на нем одежды, полумрак и мои путаные мысли не позволяли мне рассмотреть его получше. Он сделал несколько быстрых шагов вдоль дороги, а затем, внезапно метнувшись в сторону, исчез среди камней и кустарников.

Я не мог двинуться с места, как будто врос в землю, и лишь провожал его взглядом, пока он был в пределах видимости. Мои выводы оказались поспешными и не соответствующими действительности. Давно уже следовало догадаться, что человек этот пребывал в состоянии сна. Я знал о подобных явлениях от очевидцев и из книг, но сам никогда прежде не встречался с людьми, подверженными сомнамбулизму, тогда как теперь видел это воочию, да еще и в подозрительных обстоятельствах, которые давали новый импульс расследованию. Задерживаться здесь дольше не имело смысла, и я направился к имению дяди.

Глава II

Пищи для размышлений было хоть отбавляй. Мысли стремительно сменяли одна другую, и в такт им, как обычно в таких случаях, непроизвольно ускоряя шаг, я подошел к воротам дядиного дома, когда этого совсем не ожидал, полагая, что очертания вяза еще не скрылись из виду. Однако передо мной и впрямь был хорошо знакомый дом. Я не мог смириться с тем, что мои размышления прервутся так быстро, а потому миновал ворота и, не останавливаясь, поднялся на ближайший пригорок, поросший каштанами и тополями.

Здесь я более обстоятельно обдумал свои впечатления. Вывод напрашивался только один: полуголый человек с лопатой действовал во сне. Но что побудило его к этому? Какое скорбное видение вызвало его рыдания, ввергнув в такое отчаяние? Что он искал или что пытался спрятать в том роковом месте? Подобного рода отклонения, нарушающие нормальный сон, свидетельствуют о болезненном состоянии сознания и поврежденной психике. В периоды сомнамбу-

лизма даже самые отъявленные преступники невольно раскрывали свои страшные тайны. Мысли, которые они из соображений безопасности подавляли или утаивали, пока бодрствовали, зачастую выходили наружу во время сна, когда мозг был неспособен адекватно воспринимать реальность и верно оценивать происходящее, и, не контролируя свои действия, они, вопреки собственному желанию, выдавали себя.

Этот человек, безусловно, виновен в гибели моего друга. Кто, если не убийца Уолдгрейва, мог среди ночи явиться к месту трагедии? А то, чем он был занят, когда я его увидел, — часть какой-то фантастической драмы, овладевшей больным сознанием. Чтобы постичь ее, необходимо проникнуть в потаенные глубины его души. Лишь одно не подлежало сомнению: он не до конца понимает свою роль в преступлении, и это магическим образом притягивает его к роковому месту. И именно это переполняет его сердце горечью и не дает высохнуть слезам.

Но откуда он взялся? Ведь не появился же он из-под земли и не возник из воздуха. У него наверняка есть имя, и он должен где-то жить — вероятно, не очень далеко от злополучного вяза. Ближе всего дом Инглфилда. Что, если он

живет там? Я не узнал его, но, возможно, из-за призрачного света луны и необычного наряда этого человека. Инглфилд держал двух слуг, один из которых — местный уроженец, глубоко верующий, простодушный и бесхитростный, — был неспособен ни на какое насилие. Он не мог совершить преступление.

Второй же обладал натурой противоречивой. Этот ирландский иммигрант состоял на службе у моего друга всего шесть месяцев, неизменно являя собой образец умеренности и обходительности. Для слуги он казался чересчур умным. Имея хорошие природные задатки, он всячески их культивировал и развивал. Был сдержан, задумчив и склонен к состраданию. Набожен, но без фанатизма, а с оттенком тоски и печали.

На первый взгляд не было никаких оснований подозревать его. В здешних густонаселенных окрестностях претендентов на роль преступника хватало. И все же, перебирая в уме всех знакомых, я не мог не учитывать, что он, Клитеро, единственный среди нас чужестранец. Наш образ жизни сугубо патриархальный. Каждый фермер живет в окружении сыновей и прочих родственников. А он — исключение из правил. Клитеро — чужак; каким он был и что делал до появления

у нас — никому не известно. Вяз находится во владениях его хозяина. Убийцу надо искать здесь, и Клитеро более других подходит на эту роль.

Причины его меланхолии и замкнутости были скрыты от нас, ибо возникли, когда он еще жил в Ирландии, откуда вынужденно уехал на чужбину, выбрав род деятельности, явно не соответствующий его интеллектуальному уровню. Чем дольше я размышлял об этом, тем больше подозрений он у меня вызывал. И раньше, теряясь в догадках о возможном преступнике, я не раз подумывал о нем, но повседневное поведение Клитеро, казавшееся абсолютно безвредным, ставило его в один ряд с другими и развеивало мои сомнения. До сих пор я не придавал особого значения тому, что он появился у нас недавно, а его происхождение и прежняя жизнь были окутаны мраком неизвестности. Однако теперь все эти соображения предстали совсем в ином свете, я осознал их важность, и они почти убедили меня в его виновности.

Но как перейти от сомнений к полной уверенности? Отныне этот человек должен был стать объектом моего пристального изучения. Я решил разузнать о нем все, расспросив людей, которые видели его постоянно и могли рассказать, каков

он в обыденной жизни. Для тщательного расследования необходимо было опросить всех, кого только возможно. А собрав нужные сведения и проанализировав его поведение, пообещал я себе, мне удастся разрешить свои сомнения.

Разработанная мною тактика на первых порах выглядела вполне приемлемой. Казалось, что я нашел выход из лабиринта. Скоро откроется, кто замыслил и осуществил убийство моего друга.

Но потом меня снова начали одолевать сомнения: а с какой целью я собираюсь проводить это расследование? Что мне даст обнаружение преступника? Какую пользу я из этого смогу извлечь? Что я должен делать, когда найду убийцу? Прежде меня волновало, постигнет ли злодея возмездие, но жажда мести рано или поздно проходит. Теперь я с отвращением вспоминал о тех кровавых планах, которые еще недавно вынашивал. И все же я опасался своей опрометчивой ярости и ужасался, представляя, к каким последствиям может привести мое столкновение с преступником, — стоит хотя бы однажды сотворить зло, и этого уже никогда не исправит время и не искупит покаяние.

Но почему бы, убеждал я себя, мне не проявить твердость? Ведь продиктованная рассудительно-

стью осознанная выдержка — лучшая защита от искушений и предостережение против вспыльчивости. Я извлек урок из предыдущего опыта. Понял, в чем силен, а в чем слаб. Мои прежние редуты недостаточно надежны перед лицом врага? Что ж, я способен учиться на своих ошибках и знаю, что предпринять. Так почему бы мне не взяться задело и не укрепить ненадежные позиции?

Как бы там ни было, одна только осторожность не может до конца обезопасить меня в этом деле. Разумно ли вступать на путь, не сулящий никакой выгоды, но чреватый большими потерями? Любопытство — порок, если идти к своей цели без должной дисциплины ума и чувств, направляемых волей, если не руководствоваться соображениями пользы.

Тем не менее отказываться от намеченного пути я не собирался. Любопытство, как и добродетель, вознаграждает себя уже тем, что оно есть. Знание ценно само по себе, ибо дарует удовольствие в процессе постижения истины вне зависимости от предмета изучения. Оно дорогого стоит, даже когда никак не связано с нравственными исканиями или сердечными привязанностями, а то знание, к которому стремился я, должно было

пробудить невероятно сложные чувства в моей душе и разжечь бушующее пламя в моем сердце.

Час проходил за часом, а я все еще пребывал в раздумьях, пока наконец не почувствовал усталость. Вернувшись домой, я, чтобы никого не потревожить, постарался незаметно проскользнуть к себе в комнату. Двери нашего дома, как вы знаете, всегда открыты, в любое время суток.

Спал я беспокойно и потому был рад, когда утренний свет позволил мне продолжить прерванные размышления. День пролетел незаметно, и как недавно я радовался приходу утра, так теперь с теми же чувствами приветствовал приближение ночи.

Дядя и сестры уже почивали, а я, вместо того чтобы последовать их примеру, отправился на холм Честнат-Хилл. Приходить сюда, прятаться среди камней или созерцать широкую, простирающуюся вдаль панораму всегда было для меня наслаждением. Теперь, на досуге, я мог спокойно восстановить в памяти сцену, свидетелем которой стал прошлой ночью, мог попытаться связать увиденное с судьбой Уолдгрейва и наметить возможные пути для постижения скрывавшейся за всем этим тайны.

Вскоре я начал беспокоиться, не слишком ли

медлю, оттягивая развязку. Ухищрения и уловки бывают полезны, но сильно изматывают и редко приводят к успешному решению задачи. Почему я должен действовать как заговорщик? Разве я планирую причинить вред этому человеку? Впрочем, благородная цель вполне может служить оправданием некоторых моих хитростей. Есть два способа раскрытия чужих тайн: один — прямой и очевидный, другой — путаный и окольный. Почему бы не избрать первый способ? Почему бы не сопоставить имеющиеся факты, не изложить свои сомнения и не разрешить их путем, достойным благородной цели? Почему бы не поспешить к вязу? Может, в этот самый момент под сенью его ветвей странный полуголый человек предается своему таинственному занятию? Я понаблюдаю за ним и, возможно, сумею узнать, кто он, если не по внешнему облику, то преследуя его, когда он отправится восвояси.

Размышляя таким образом, я наметил план действий, который со всем рвением и принялся осуществлять. Опрометью сбежав с холма, я устремил свой путь к вязу. По мере приближения к дереву сердце у меня колотилось все сильнее, хоть я и замедлил шаг. Не зная, оправдаются ли мои ожидания, я с беспокойством огляделся.

Ствол вяза скрывала густая тень. Я подкрался к нему почти вплотную. Никого не было видно, но это меня не расстроило. Вероятно, время появления незнакомца еще не пришло. Я затаился поблизости за оградой, по правую сторону.

Прошел час, прежде чем мое терпение было вознаграждено. Переводя взгляд с одного мысленно очерченного квадрата окрестностей на другой, я наконец вновь посмотрел на дерево. Человек, описанный ранее, сидел на земле. Я заметил его только теперь, и мне было совершенно неведомо, как он сюда попал. Создавалось впечатление, что он просто материализовался — без какого-либо физического передвижения, а одним лишь усилием воли. Крайнее смятение незнакомца и тьма, окутавшая все вокруг, не давали мне, как и прежде, различить какие-то особенности в его фигуре или выражении лица.

Я продолжал молча наблюдать. Картина, представшая передо мной, в точности повторяла ту, очевидцем которой я стал в прошлый раз, разве что теперь странный полуголый человек не копал землю, однако так же сидел под деревом, будто о чем-то размышляя, а потом принялся вздыхать и горестно рыдать.

Истощив стенания, он поднялся, собираясь уй-

ти. Походка его была горделиво-торжественной и неторопливой. Я решил следовать за ним, по возможности не отставая и не упуская его из виду, чтобы узнать, куда он меня приведет.

Вопреки моему ожиданию, он направился не к дому Инглфилда, а в противоположную сторону. Перед шлагбаумом он остановился, осторожно приподнял деревянную стрелу и, пройдя, опустил на место. А затем зашагал по неприметной тропинке, пересекавшей стерню на пути к лесу. Тропинка терялась где-то в глухой чащобе, но он быстро свернул с нее и углубился, как мне показалось, наобум, в густые заросли кустарников и вереска.

Поначалу я опасался, что, продираясь вслед за ним между ветвей и наступая на сучья, произвожу слишком много шума — как бы это не насторожило его; но он ничего не слышал и не замечал. Удивительным образом ему постоянно удавалось выбирать самый трудный путь, так что порой преодоление препятствий требовало недюжинной силы. Он вел меня то по дну ущелий между отвесных скал, на которые едва ли можно было забраться; то заводил в болото, где, чтобы сделать шаг, приходилось бороться с засасывающей трясиной; то вынуждал по пояс в воде

переходить вброд ручьи.

Долгое время я сохранял решимость и присутствие духа, полагая, что смогу бесстрашно пройти все заросли и лощины, которые легко одолевал мой проводник. Однако он без конца менял направление. Я не имел ни малейшего понятия о том, где мы находимся по отношению к отправной точке.

В конце концов я совсем выбился из сил. У меня появилось опасение, что он знает о моем присутствии и таким длительным путешествием хочет измотать того, кто идет следом, чтобы потом сбежать. Но я преисполнился решимости расстроить его планы. Хотя воздух был морозный, я истекал потом и не чувствовал своих ног, не привыкших к такой нагрузке. И тем не менее, согнувшись в три погибели, я упрямо продолжал преследование.

Вскоре еще одна мысль пришла мне в голову. Поняв, что я неутомим в погоне, этот человек мог прибегнуть к более изощренной игре в прятки. Впрочем, чего мне бояться? Я предельно осторожен и бдителен. Схватка один на один меня не пугала, напротив, была желательна.

Мы оказались на краю высокого обрыва. Мой проводник ступал по самой кромке. С высоты хорошо просматривалась бесплодная долина,

поросшая голыми в это время года кустарниками и загроможденная булыжниками и острыми камнями. Теперь я смог сообразить, где мы находимся. Это был Норуолк — пустынный тракт, о котором я не раз говорил вам и который когда-то из любопытства прошел вдоль и поперек. В высшей степени опасное, живописное и безлюдное место. Хотя мне никогда раньше не доводилось видеть долину при лунном свете, я сразу узнал ее, ибо уже бывал здесь. И, если я не ошибался, дом Инглфилда находился совсем рядом. Где же, спрашивал я себя, конец этого необычного путешествия?

Продолжая размышлять, я старался не упустить незнакомца из виду. Он спустился по утесу в долину. Затем нырнул в густые заросли. Через четверть часа я увидел его у выступа нависавшей над землей скалы, которая словно ограждала долину с этой стороны. Пригнувшись, он принялся раздвигать кусты, скрывавшие, как я понял, вход в пещеру. А потом исчез во мраке, и спустя мгновение я перестал различать звук его шагов.

До этого момента мужество не оставляло меня, но тут я пал духом. Если этот человек — убийца, то, хорошо зная все закоулки грота, он, воспользовавшись темнотой, непременно расправится

со своим преследователем, то есть со мной, тем более что я обнаружил его потайное убежище. А может, он просто помешанный или лунатик, блуждающий во сне? Но кем бы он ни был, идти в пещеру следом за ним я не рискнул. К тому же рано или поздно ему все равно придется выбраться наружу, если только с ним не случится беды.

Я сел перед входом в пещеру с намерением терпеливо ждать, когда он надумает появиться. После утомительного путешествия передышка была очень кстати. Пульс у меня уже не зашкаливал, пот не стекал градом, а приятная прохлада, которой я поначалу наслаждался, постепенно пробрала меня до костей, так что мне пришлось все время менять позу, чтобы окончательно не замерзнуть.

Протоптав тропинку перед входом в пещеру и убрав все, что его загораживало, я стал прохаживаться взад-вперед, наблюдая, как луна опускается все ниже и ниже, пока она совсем не исчезла. Темнота, поглощая все вокруг, меняла облик окрестностей. Передо мной расстилалась узкая долина, окаймленная со всех сторон крутыми высокими утесами. Мрак сгущался по мере того, как луна клонилась к горизонту, и, если бы не тускло мерцавшие звезды, от моих органов

чувств не было бы никакого проку.

Я подошел поближе к расселине, в которой скрылся таинственный незнакомец. На всякий случай я расставил руки, чтобы он незаметно не выбрался из своего логова. Впрочем, его шаги должны были вызвать эхо, поскольку, окруженная горами, долина лежала будто на дне глубокого колодца. Так я прождал до утра, ни на минуту не ослабляя внимания, чтобы не прозевать момент, когда человек, которого я преследовал, снова покинет пещеру.

И тут я услышал какое-то шуршание, и мне показалось, что звук этот исходит из чрева грота. Решив, что лунатик собрался наконец выйти наружу, я приготовился захватить его. Укоряя себя за то, что однажды уже упустил представившуюся возможность, и дав себе слово на этот раз не сплоховать, я не отрывал взгляда от входа. Шуршание усилилось, и внезапно огромный диковинный зверь — ничего подобного мне никогда не приходилось видеть — выскочил из пещеры и промчался мимо меня куда-то вдаль. Я был потрясен и разочарован. Тем не менее, собрав волю в кулак, я продолжил ждать, но тщетно. Светало быстро. Солнце уже поднялось высоко, заливая лучами склоны утесов, а ближе к вершинам чах-

лая бурая трава была припорошена инеем. Я уже почти не верил в успех и тем не менее не хотел сдаваться, пока во мне еще теплилась надежда, что странный незнакомец все-таки появится. Он мог затаиться в глубине грота, мог прятаться у входа, выжидая, пока я не уйду, мог выбраться наружу через какой-то дальний, неизвестный мне лаз.

В конце концов, уставший и подавленный, я смирился с очередной неудачей и решил идти напрямик, не выискивая тропинок и не обращая внимания на препятствия, которыми изобилова-ла эта дикая местность. Я был уверен, что дома никто не тревожился по поводу моего отсутствия, поскольку никого не поставил в известность о своем намерении провести ночь, преследуя по-дозреваемого в убийстве. Однако приключения этой ночи не увенчались успехом.

Глава III

На следующий день я чувствовал себя абсолютно разбитым и большую часть времени провел в постели, периодически забываясь беспокойным сном. Мысли непрестанно возвращались к событиям минувшей ночи. Мой план не сработал. Можно ли было надеяться, что незнакомец снова придет к вязу? А если придет и мне посчастливится его там застать, осмелюсь ли я еще на одно преследование, чреватое очередной неудачей или даже бедой? И где доказательства, что он будет действовать так же, да и вообще еще жив, а не сгинул в своем логове? Но если он все-таки вернется, тем самым убедив меня, что пещера не опасна и оттуда можно выбраться, не рискуя жизнью, значит ли это, что я должен войти в нее вслед за ним? И чем привлекла его эта подземная обитель, что он избрал ее для своего убежища?

В здешних краях преобладает известняк — осадочная порода, легко образующая расселины и впадины, которые можно встретить даже там, где этого совсем не ждешь. Меня неоднократно настораживал гулкий звук моих шагов, когда я,

прогуливаясь, случайно оказывался над такой пустой полостью, из чего можно было сделать вывод, что подо мной — подземная пещера. Эти величественные горы с их гротами, ущельями, грохотом невидимого водопада всегда были дороги мне и питали мое юношеское воображение. Таких романтических мест немало в окрестностях Норуолка.

Я был намерен продолжить расследование. Объект моего наблюдения ускользнул от меня, но я решил возобновить поиски и первым делом вернуться к вязу, только на этот раз с лопатой, чтобы посмотреть, что пытался там откопать или, наоборот, зарыть таинственный незнакомец. Вдруг мне удастся обнаружить что-то проливающее свет на его странные действия? Я дождался ночи и в урочный час уже подходил к дереву. Незнакомец тоже появился, но он меня опередил, поэтому идея с лопатой, на которую я возлагал определенные надежды, полностью провалилась — не мог же я копать при нем.

Вместо того чтобы наброситься на него, учинить допрос, чего мне так хотелось, я опять не воспользовался моментом, а предпочел проследить за ним, куда бы он ни направился. Почти сразу стало ясно, что он ведет меня совсем другим

маршрутом, чем в прошлый раз. Путь, который он избрал, был похож на лабиринт — запутанный, кружной, с подъемами и спусками. Только в Солсбери с его пестрым ландшафтом, где пригорки чередуются с ямами и ручьями, а скалистые горы с лесами, можно встретить такие места. Казалось, что цель незнакомца — сбить меня с толку и лишить сил, пока я буду покорять вслед за ним самые непроходимые чащи и самые глубокие впадины, взбираться на самые крутые утесы и балансировать на краю самых головокружительных пропастей.

Меня не прельщала перспектива быть поверженным в этом состязании. Все опасности казались мне ничтожными, все трудности преодолимыми. Я спускался в такие бездны, справлялся с такими препятствиями, при одной мысли о которых прежде содрогнулся бы в ужасе. Когда очередной коварный участок оставался позади, я не мог вспомнить о нем без душевного трепета.

Наконец мой проводник зашагал по тропинке, довольно ровной и, главное, безопасной по сравнению с предыдущим бездорожьем. Она вывела нас на край пустоши, и вскоре мы подошли к открытой поляне, откуда был виден жилой дом, принадлежавший Инглфилдам, что я понял, едва

заметив его. Мои предположения начали сбываться. Незнакомец направился к сараю и открыл небольшую дверь.

Последние сомнения в мгновение ока рассеялись! Да, передо мной был не кто иной, как Клитеро Эдни. Ничто не противоречило этому заключению. В сарае он жил вместе со вторым слугой. Поняв, что поставленная задача почти решена и самое трудное позади, я устроился в тени под навесом, чтобы как следует отдохнуть после невероятного путешествия, но все же полностью расслабиться себе не позволил, поскольку еще предстояло придумать новые ходы для дальнейшего расследования.

Теперь можно было взяться за Клитеро всерьез: напомнить ему события тех двух ночей, когда я за ним наблюдал, высказать мои догадки и подозрения, убедить в честности моих намерений и заставить, насколько он способен, рассказать мне, что ему известно об обстоятельствах гибели Уолдгрейва.

С этой целью я решил позвать Клитеро к нам, в дядино имение, чтобы он там выполнил под моим надзором кое-какую работу. Я оставил бы его ночевать, а утром приступил бы к дознанию.

Требовалось тщательно и неторопливо об-

думать мою роль в предстоящем разговоре. Я прислушивался к чувствам, которые пробуждались во мне по мере приближения к истине. В последнее время я научился владеть собой и мог положиться на свое самообладание.

Раскаяние, думал я, уже достаточное искупление вины. Что нужно мстителю, как не заставить преступника страдать? Если удается этого добиться, то можно считать, что возмездие свершилось. Лишь самый жестокий, самый закоренелый злодей достоин нашего бесконечного негодования. Но жалость способна смягчить даже столь сильные чувства. Когда жаждущий мщения человек пресыщается зрелищем мук, которые он в наказание заставил испытать преступника, когда его охваченный безумием горя разум наконец удовлетворяет свой звериный голод, воинственные мысли отступают.

Вечером следующего дня я нанес визит Инглфилду. Мне не терпелось поделиться с ним своими умозаключениями, хотелось послушать, что он об этом думает и что ему и членам его семьи известно о поведении Клитеро.

Как обычно, меня приняли очень радушно. Вы знаете, какой человек Инглфилд, знаете, с каким отеческим участием этот старик всегда относился

ко мне, как своевременно замечал заблуждения моего ума и вспышки страсти, увещевал и направлял меня. Помните вы и то, как он пытался спасти жизнь вашего брата, сколько долгих часов провел у постели умирающего и потом, когда помогал установить причину его смерти, преподав мне бесценный урок покаяния и верности долгу.

Мы немного поговорили на общие темы, без обсуждения которых не обходятся подобные встречи, а затем я сразу перешел к тому, что теперь занимало все мои мысли. Вкратце сообщив ему о двух ночных происшествиях, я поделился с ним своими выводами.

Он сказал, что после моего последнего визита у него появились аналогичные подозрения, чему немало поспособствовали наблюдения хозяйки дома за Клитеро.

Характер ирландца с самого начала насторожил пожилую женщину. Она заметила, как он вдруг погружался в задумчивость или предавался меланхолии. Какие только ухищрения она не использовала, чтобы побольше узнать о его прежней жизни, и особенно почему он был вынужден эмигрировать в Америку. Но даже с помощью самых изощренных уловок ей ничего не удалось выяснить. Он не прятался и не избегал ее — про-

сто оставался глух ко всем намекам, а если она задавала прямой вопрос, отвечал, что не может сообщить о себе ничего достойного внимания.

В течение дня он старательно работал. Вечера проводил в безмолвном уединении. По воскресеньям неизменно отправлялся бродить — неизвестно куда, один, без спутников. Я уже отмечал, что он делил сарай с другим слугой, которого звали Амброз. Мисс Инглфилд решила расспросить компаньона Клитеро и обнаружила, что он гораздо общительнее ирландца.

Амброз путано и невразумительно стал жаловаться, что, с тех пор как они живут вместе, Клитеро без конца ворочается и разговаривает во сне, мешая ему спать. Его речь, как правило, бессвязна, но тон — слезно-протестующий, словно он молит о спасении от какой-то неминуемой беды. Выражения вроде «пожалейте», «будьте милосердны» перемежаются стонами и сопровождаются рыданиями. Иногда кажется, что он с кем-то беседует, и этот «кто-то» сулит ему нечто весьма заманчивое в обмен на услугу в каком-то опасном деле. Но у Клитеро все, что предлагает искуситель, вызывает лишь отчаянное возмущение и ярость.

Амброз, однако, не отличался любопытством.

Клитеро не давал ему нормально выспаться, и он будил его, прерывая эти непонятные препирательства с несуществующим собеседником. Клитеро просыпался встревоженным и подавленным. Амброз пытался рассказать, что тот говорил во сне, но по отдельным ничего не значащим словам, которые ему удалось припомнить, трудно было что-то понять — слишком уж он дорожил каждой минутой своего покоя, чтобы обращать внимание на какие-то бессвязные речи.

А потом то ли Клитеро перестал разговаривать во сне, то ли Амброз привык к его стенаниям, во всяком случае, беспокойный сосед больше не мешал ему отдыхать после напряженного трудового дня.

Гибель Уолдгрейва, казалось, потрясла Клитеро до глубины души, отчего он снова впал в уныние. Никто не переживал эту трагедию так зримо. Все в доме заметили, в каком смятении он пребывает, но только мисс Ингфилд осмелилась сказать ему об этом и спросить, не случилось ли с ним чего. У Амброза опять начались тревожные ночи. Как-то раз он не обнаружил Клитеро в постели. Будучи человеком черствым и нелюбопытным, он со спокойной совестью продолжил спать, а утром, увидев его в сарае целым и невредимым, решил

выкинуть из головы ночной инцидент.

После того как Клитеро отсутствовал несколько ночей кряду, Амброз наконец счел это странным и поинтересовался, что происходит. Клитеро, выразив полное недоумение, забросал Амброза вопросами, но тот не помог прояснить ситуацию, ибо ничто не способно было вывести его из состояния холодного равнодушия. С тех пор печаль Клитеро стала еще более явственной. Он целыми днями молчал, чело его окутал беспросветный мрак.

Как-то вечером — мне этот случай, о котором рассказала хозяйка, показался очень важным — к дому подъехал незнакомый всадник. С видом собственной значимости он принялся так громко стучать в ворота, словно требуя, чтобы к нему сбежались все домочадцы. Мисс Инглфилд, возившаяся в это время на кухне, отворила окно и знаками показала непрошеному гостю, что сейчас кого-нибудь пришлет. Поблизости был Клитеро, и она велела ему выяснить, чего хочет незнакомец. Клитеро оставил работу и пошел к воротам. Он отсутствовал более пяти минут. Мисс Инглфилд удивилась, о чем можно так долго разговаривать, и, бросив то, чем в этот момент занималась, решила понаблюдать за ними. Ко-

нечно, особых поводов для оживленной беседы не требуется, но обычно из Клитеро и слова не вытянешь.

Наконец незнакомец ускакал, а Клитеро вернулся взволнованным и потерянным, никогда прежде мисс Инглфилд его таким не видела. Он не был похож сам на себя, каждый мускул его искаженного лица дрожал. Не поднимая глаз, Клитеро возобновил прерванную работу, но руки ему не повиновались. На хозяйку он старался не смотреть, его нелепые, несообразные движения выдавали крайнюю степень отчаяния. Спустя какое-то время ему почти удалось совладать с собой, и, тем не менее, ни от кого не укрылась произошедшая с ним перемена.

Большую часть подробностей этой истории мне сообщил Инглфилд. Кое-что добавила хозяйка дома. Вывод из всего, что я теперь знал, напрашивался только один: лунатик, за которым я бродил по бездорожью две ночи подряд, не кто иной, как Клитеро. А человек, подъезжавший к воротам, был, похоже, тесно с ним связан. О чем они говорили? На расспросы мисс Инглфилд Клитеро отвечал, что всадника интересовало, куда ведет путь, ответвляющийся от главной дороги рядом с их домом. Однако, судя по тому, как долго они

беседовали, вряд ли была затронута одна лишь эта тема.

Новая информация еще больше укрепила меня в желании пообщаться с загадочным слугой с глазу на глаз. Инглфилд пошел мне навстречу, согласившись день-другой обойтись без ирландца. Не теряя времени, я тут же обратился к Клитеро с просьбой помочь мне наладить кое-какое оборудование, поскольку сам я *с* этим не справлюсь, а о его сноровке, аккуратности и мастерстве наслышан. Он с готовностью откликнулся на мою просьбу и утром следующего дня уже был у нас. Вопреки ожиданиям к вечеру он засобирался домой. Я уговаривал его остаться на ночь, но тщетно, он продолжал упрямо твердить, что должен вернуться сегодня, мол, так ему удобнее и так будет правильно.

Меня столь неожиданный поворот событий застал врасплох, хотя, конечно, следовало предвидеть, что, сознавая свой недуг, он постарается сделать все, чтобы посторонние люди ни о чем не узнали. Поначалу я расстроился, однако потом сообразил, что, составив ему компанию, смогу по дороге приступить к осуществлению своего замысла. Что ж, сказал я, раз он не хочет оставаться и мне не нужно заботиться о нем, то у меня есть

важное дело, и я, пожалуй, прогуляюсь вместе с ним. Молча и без видимой досады он согласился на это, и мы отправились в путь. Настал критический момент. Пора было положить конец неопределенности. Но каким образом подступиться к столь важной и необычной теме? Я совершенно не располагал опытом, как вести себя в подобных случаях. Клитеро был печален, рассеян и молчалив, пресекал любую попытку завязать с ним разговор. При этом он выглядел совершенно спокойным, тогда как я сильно нервничал, подавленный хаосом в мыслях, и не мог произнести ни слова.

А ведь мне предстояло инкриминировать ему самое страшное преступление. Я должен был обвинить своего спутника не в чем-нибудь, а в убийстве. Должен был потребовать от него признания вины. Должен был высказать ему свои подозрения, чтобы он либо подтвердил, либо опроверг их. Меня подстегивало любопытство. Да, я не собирался облагодетельствовать его, но, по крайней мере, и причинить ему зла тоже не хотел. Я убеждал себя, что смогу изгнать из сердца все кровавые, мстительные порывы и, как бы далеко ни зашла наша беседа, сумею сохранить хладнокровие.

Я перебирал в уме всевозможные темы, чтобы начать разговор. Отметал одну, хватался за другую. И тут же снова возражал сам себе, не в силах ни на чем остановиться. Неуверенность сковала мои мысли, не давая мне сосредоточиться.

Пребывая в растерянности, я потерял так много времени, что с трудом поверил своим глазам, когда впереди замаячили очертания вяза. Вид рокового дерева подействовал на меня как холодный душ. Я резко остановился и схватил Клитеро за руку. Он находился во власти собственных мыслей, и до моего смятения, которое не могло не отразиться у меня на лице, ему не было никакого дела. Когда же я вывел его из задумчивости, он увидел, в каком я состоянии, и решил, что мне неожиданно стало плохо.

— Что с вами? — встревожился Клитеро. — Вам нехорошо?

— Нет, все в порядке… Но погодите. Я должен вам кое-что сказать.

— Мне? — спросил он недоуменно.

— Да, — ответил я. — Давайте свернем на эту тропинку. — Я решил провести его той дорогой, по которой мы шли прошлой ночью.

Мое волнение передалось ему.

— Что-то важное? — поинтересовался он с со-

мнением в голосе и остановился.

— Да, — подтвердил я. — В высшей степени важное. Пойдемте сюда, здесь нам никто не помешает.

Клитеро молчал в нерешительности, но, глядя, как я преодолеваю препятствия на нашем пути, следовал за мной. Мы оба не проронили ни звука, пока не вступили в лес. На мой взгляд, это был вполне подходящий момент. Я уже слишком далеко зашел, чтобы теперь идти на попятную, и необходимость действовать подсказала мне нужные слова.

— Вот замечательное место. Вам, наверное, интересно, почему я решил поговорить с вами именно здесь. Что ж, не буду держать вас в неведении. С этим местом связана одна история, которая имеет отношение к вам, и мне бы хотелось, чтобы вы внимательно выслушали ее. За этим я и привел вас сюда. Итак…

Я пересказал ему приключения двух предыдущих ночей, ничего не добавляя и не утаивая. Он слушал меня молча, погруженный в себя. Каждый новый поворот описываемых событий усиливал его тревогу. Он то и дело прикладывал к лицу платок и глубоко вздыхал. Я делал вид, что ничего не замечаю, поскольку считал своим

долгом сдерживать эмоции. Когда же я заключил, что он и есть тот человек, о котором идет речь, Клитеро не выказал никакого удивления. Затем я сообщил ему то, что узнал от Инглфилдов, после чего продолжил:

— Вы можете спросить, зачем мне понадобилось подвергать себя таким неприятностям. Согласитесь, однако, что таинственная сцена у вяза произвела бы впечатление на любого мало-мальски любознательного человека. Даже случайный прохожий повел бы себя так же, как я. А у меня вдобавок были веские причины. Должен ли я напоминать вам о недавней трагедии? И о том, что она произошла как раз под тем самым деревом? Разве не оправданно, что ваше поведение послужило основанием для моих выводов? Каких именно, предоставляю судить вам. Ваша задача теперь опровергнуть или подтвердить их. Для этого я вас сюда и привел. Мои подозрения слишком серьезны. Но может ли быть иначе? Прошу вас, скажите, так ли это?

Появившаяся на небе луна освещала место, где мы стояли, а вокруг царила кромешная тьма. Я хорошо видел Клитеро. Безвольно повисшие руки, застывшая в глазах печаль. Он был абсолютно неподвижен, как статуя. Последние мои слова, по-

хоже, не произвели на него особого впечатления. Мне не пришлось подавлять в себе жажду мести. Меня переполняло сострадание. Какое-то время я продолжал наблюдать за ним, но не улавливал никаких изменений в его настроении.

Не в силах больше сдерживаться, я не мог не выразить свое беспокойство по поводу его состояния.

— Возьмите себя в руки. Я не буду вас торопить. Понимаю, это трудно, но постарайтесь вести себя как мужчина.

Звук моего голоса странным образом подействовал на него. Он отпрянул, выпрямился, потом уставился на меня с выражением ужаса на лице и задрожал всем телом, как будто увидел привидение.

Я уже начал раскаиваться в своей затее. Мне никак не удавалось подобрать подобающие обстоятельствам слова, я был бессилен в этой ситуации, а потому мог лишь молча наблюдать, ожидая, пока он придет в себя. Когда ему стало чуть лучше, я продолжил:

— Сочувствую вам. Поверьте, мне не доставляет удовольствия созерцание чужих страданий. Я прошу у вас лишь объяснений, причем это не только в моих, но и в ваших интересах. Вы не

чужой человек тем людям, что окружали моего покойного друга. Вы знаете, какое горе причинила им его гибель, какие усилия я приложил, чтобы раскрыть тайну преступления и наказать убийцу. Вы слышали, как, охваченный ненавистью, я исторгал проклятия и клялся, что не успокоюсь, пока не свершится праведная месть. Вероятно, у вас сложилось впечатление, что, обнаружив убийцу, я добьюсь его осуждения и казни. Но вы ошибаетесь. Искренним покаянием можно искупить вину. Я вижу, как вы мучаетесь, как предаетесь глубокому, безнадежному отчаянию, которым охвачен ваш воспаленный рассудок и от которого не спасает даже сон. Я знаю, насколько чудовищно ваше злодеяние, но мне неизвестны мотивы. Однако, каковы бы они ни были, я вижу, как содеянное сказалось на вас. Ваше странное поведение вызвано безграничным раскаянием, что, в свою очередь, свидетельствует о вине. Вы уже достаточно наказаны. Должны ли наши прегрешения преследовать нас до конца жизни? Стоит ли отворачиваться от того, кто готов даровать утешение? По крайней мере, мы вправе просить властителя судеб дать нам возможность исправить наши ошибки. Прежде я полагал, что убийца Уолдгрейва нанес непоправимый ущерб

и мне. Болезненные размышления залечили мои раны, позволив понять, как неверно и эгоистично я все воспринимал тогда. Жизнь непредсказуема. Я открыто смотрю в будущее, не затуманенное теми или иными событиями и их последствиями. Кто знает, может, когда-нибудь я обниму раскаявшегося убийцу как лучшего друга. Вам нужно примириться с самим собой.

Он по-прежнему был неспособен говорить. Когда же горькие слезы помогли ему немного расслабиться, он решительно, не обращая внимания на мои протесты, направился в сторону владений Инглфилда. До этого я еще надеялся выведать у него правду, но теперь стало очевидно, что он с самого начала был слишком замкнут в себе и не готов к откровенному разговору. Он шел без остановки, пока мы не приблизились к дому его хозяев, и только тогда заговорил дрожащим голосом:

— Вы требуете от меня признания в преступлении. Вы получите его. Через какое-то время. Когда именно, я сейчас не могу сказать. Но вы узнаете, и скоро.

С этими словами он убежал восвояси, а я, немного постояв, решил вернуться домой. По дороге меня занимали размышления, похожие как две

капли воды, все их вариации в конечном итоге сводились к одной-единственной идее.

Утром, проснувшись, я по-прежнему был во власти произошедшего накануне. Пустынные места и образ моего спутника стояли у меня перед глазами. Я вновь мысленно прошел весь вчерашний путь вслед за ним, повторяя то, что ему говорил, обдумывая его слова и жесты. И в результате ощутил нечто вроде удовлетворения. Бурные чувства сменились жутким, зловещим спокойствием. Душу переполняло тревожное ожидание. Казалось, что я стою на пороге какой-то иной, новой жизни, пугающей и возвышенной. Печаль и злость на время проснулись в моем сердце, но великодушное сострадание одержало верх, и тогда на глаза навернулись слезы, и я заплакал — скорее от счастья, чем от боли. Если это Клитеро нанес Уолдгрейву смертельный удар, то он знает тайну ужасной трагедии, в чем уже не было никаких сомнений. Да, он убийца, и теперь я должен, проявив высшее милосердие, направить его на путь умиротворения и очищения души.

День проходил за днем, а от Клитеро не поступало никаких вестей. Я начал беспокоиться и проявлять нетерпение. То, что мне уже удалось узнать, да еще так неожиданно, на какое-то время

примирило меня с туманом неизвестности в отношении остального. Однако всему есть предел. Я решил, что должен что-то предпринять, чтобы ускорить развязку, но, как оказалось, это было излишне.

В воскресенье я пошел к Инглфилдам — разыскать ирландца и снова попросить его доверить мне свою тайну — и на полпути увидел идущего мне навстречу Клитеро. Он выглядел изнуренным, бледным, испуганным. Я удивился такой перемене в нем, произошедшей всего за неделю. Даже на небольшом расстоянии я не сразу узнал его, приняв за незнакомца, а когда понял, что это он, поприветствовал в высшей степени дружелюбно. Вероятно, мой участливый тон произвел на него некоторое впечатление, и он поспешил сообщить, что как раз шел в имение моего дяди, чтобы поговорить со мной. А потом предложил мне углубиться в лес и найти тихое местечко, где можно было бы спокойно побеседовать, не опасаясь, что нас прервут.

Нетрудно представить, с какой готовностью я отозвался на его предложение. Мы свернули с дороги на неприметную тропинку и шли по ней молча, пока не забрели в дикие заросли в самом сердце Норуолка, и вскоре облюбовали идеаль-

ное для уединения и отдыха укромное место, где мой спутник, похоже, уже не раз бывал. Там мы и остановились. Всю дорогу Клитеро сохранял самообладание, но теперь признаки сильной внутренней борьбы отразились на его лице. Прошло немало времени, прежде чем он смог справиться со своими чувствами и совладать с речью. А потом он заговорил.

Глава IV

— Вы призываете меня покаяться в прегрешениях. Какая же странная участь уготована мне! Человек ведет меня на заклание, а я ощущаю неодолимую потребность следовать за ним без малейшего сопротивления! И здесь наконец оборвется цепь моих злоключений! Судьба привела меня сюда, чтобы я безропотно встретил смерть вдали от места моих преступлений, на огромном расстоянии от всего, что свидетельствовало о них и послужило им причиной! Вы полагаете, что я убийца. Настаиваете, чтобы я объяснил мотивы, побудившие меня оборвать жизнь невинного человека. Вы верите в это, жаждете моей исповеди, и я готов покаяться вам. Любое другое ваше требование я бы отверг, но это принимаю.

С какой целью я пришел? Чтобы рассказать вам историю моей жизни? Сидя здесь с вами, спокойно изложить все ее злосчастные события? Будет ли сила моей страсти адекватной им? Позвольте же мне вспомнить, что руководило мною, когда я вынашивал свой безумный замысел. Надеюсь, мне удастся передать напряженность роковых

моментов, и это убедит вас в правдивости моих слов. Я готов призвать себе в помощь призраков прошлого, но, поскольку дух мой окончательно сломлен, могу не дожить до конца повествования.

Вы совсем не знаете меня. Ваши умозаключения относительно моих действий и моего поведения — всего лишь тонкая паутина, сплетенная из пагубных заблуждений. Как и большинство людей, вы не отдаете себе отчета в возможных последствиях ваших поступков. Вы собираетесь даровать мне утешение. Кичитесь своими великодушными намерениями. Претендуете на милосердие. А какой прок от вашего неуместного рвения и благородных порывов? Вы добились только того, что привели меня к краю пропасти. Благодаря вашим усилиям кровавая развязка теперь предрешена. И мне не избежать вечного проклятия.

Мало кому из смертных довелось испытать столько страданий, сколько выпало на мою долю. И это лишь начало. Как ни тяжелы невзгоды, которыми изобиловала дорога моей жизни, когда я сойду с нее в иной мир, там меня ждут куда более страшные муки. Возможно, будь мне отмерено здесь немного больше времени, надежда на

искупление еще могла бы согреть мою душу. Но ваше вмешательство воздвигло непреодолимую стену между мной и этой надеждой, разделив меня с ней навсегда. В моей жизни уже ничего нельзя изменить. И ничто не способно облегчить или прервать предначертанные мне муки.

Но я тут не для того, чтобы обвинять вас. Не мое дело судить других, я осуждаю лишь самого себя. Мне известно, что полагается в наказание за такое деяние, в каком повинен я. И это справедливо. Возможно, в преддверии грядущей кары я буду дрожать и цепенеть от ужаса, но мои мучения — немаловажная часть процесса осознания глубинной сути праведного возмездия. Зачем оттягивать мою смерть и рассчитывать на смягчение приговора? Я заслужил это, и такой конец — закономерный итог моей жизни. Медлить больше нельзя. Я уже чувствую сокрушительный удар, уже подношу к губам чашу отмщения. Хуже мне все равно не будет. Червь, который грызет меня, не утолит свой голод, пока не угаснет мое сознание.

Я хотел бы обойтись без такого жизненного опыта. Хотел бы унести в могилу свои тайны. Но нет! С судьбой не поспоришь. Демон, который когда-то вел меня по жизни, по-прежнему имеет

власть надо мной. Я в его пастве, и при любой попытке вырваться лишь глубже погружаюсь в трясину краха. Мне нет нужды что-то скрывать, когда все так очевидно. Но меня возмущают необоснованные нападки, и ради их опровержения я готов навлечь на себя еще более ужасные обвинения. Моя история не будет длинной. Уж если мне суждено вновь пережить агонию воспоминаний, то, по крайней мере, я сделаю все, чтобы укоротить эту пытку.

Родом я из графства Арма. Мои родители были зажиточными крестьянами и сумели дать мне начальное образование. Я, несомненно, пошел бы по их стопам и всю жизнь возделывал бы скудные поля, если бы не один случай, который я долгое время считал самой большой удачей в моей жизни, но теперь расцениваю как злостный умысел приспешников преисподней и первоисточник всех моих бед.

Ферма отца была частью владений человека, проживавшего в Дублине, куда он переселился насовсем, оставив поместье на попечение управляющих и слуг. Разбогател он благодаря удачной женитьбе. Благосостояние молодой жены служило лучшей рекомендацией в глазах мужа (для которого роскошь и положение в обществе были

главными приоритетами), но разумные люди находили, что богатство — наименьшее из достоинств этой леди.

Несколько лет они прожили вместе. Если их союз вконец не испортил ей жизнь, то лишь благодаря ее редкому уму и самообладанию. Во всех своих поступках она руководствовалась велениями долга, в то время как ее муж, не ограничивая себя ни в чем, предавался разгулу и пагубному расточительству. Он был средоточием всех грехов, проистекающих из сочетания большого богатства и неправильного воспитания.

К счастью для его жены, он не задержался на этом поприще надолго. Узнав об измене любовницы, содержание которой стоило ему двух третей состояния, он пришел в ярость и послал сопернику оскорбительное письмо. Неизбежная в таких обстоятельствах дуэль закончилась его смертью.

Избавившись от унизительных и тягостных обязательств несчастливого брака, независимая вдова воспользовалась вновь обретенной свободой, чтобы жить в согласии со своей совестью, сохраняя и приумножая остатки состояния и тратя деньги на добрые дела. Ее планы подразумевали и посещение принадлежавших ей отдаленных имений.

Приехав на ферму моего отца, она зашла к нам в дом. Я был тогда еще ребенком, активным и смышленым, что пришлось ей по вкусу, и она решила взять меня на воспитание. Мои родители с радостью согласились на ее предложение. Так я оказался в столице.

У владелицы имения был сын моего возраста, и ее план состоял в следующем: если нас с ним будут растить и воспитывать вместе, то я привяжусь к своему юному господину, а когда мы вступим в пору возмужания, он обретет во мне преданного и умного вассала. Мы оба учились с удовольствием, но меня обучали выборочно, полагая, что некоторые дисциплины не нужны человеку моего положения и достатка. Однако и многое из того, что я изучал, моя благодетельница, будь она по-настоящему проницательна, сочла бы несовместимым с моим рабским положением. Чем глубже я погружался в историю и естественные науки, чем яснее мыслил, чем более утонченным становился мой вкус, тем настойчивее прорастали во мне свободолюбие и нетерпимость к нищете и рабству.

Годы детства и отрочества миновали, и госпожа решила отправить сына на континент для продолжения образования и приобретения над-

лежащих манер. Этот молодой человек обладал незаурядными способностями, а все его недостатки были следствием того образа жизни, который он вел благодаря солидному состоянию матери. Она окружила сына вниманием и заботой, мечтая лишь о том, чтобы он стал полезным членом общества. И, поскольку его достоинства были неоспоримы, он оправдывал ее надежды, но даже материнская любовь не смогла уберечь его от пороков, изначально присущих людям его круга и тех, что проистекали от зрелища всеобщей развращенности.

Глупо было бы утверждать, что я не извлек максимум пользы из предоставленной мне возможности получить хорошее воспитание и образование. Как бы там ни было, но я не разочаровал госпожу в ее ожиданиях на мой счет. Я действительно искренне привязался к ее сыну и проникся глубоким уважением к ней самой. Сила воспитания сказалась и в том, что я всецело доверял моей наставнице. Недостатки, во многом схожие с недостатками ее сына, были свойственны и мне, однако зачастую, из-за моего низкого происхождения, их воспринимали как достоинства, благодаря чему в сравнении с ним я выигрывал, ведь пороки раба не так ужасны, как

грехи повелителя.

В качестве приближенного вассала я должен был сопровождать молодого господина в путешествиях. Мои моральные принципы как нельзя лучше подходили для этой роли. Я старался служить ему верой и правдой, не помышляя о другой стезе. И все, что я делал, было исключительно в его интересах, а не напоказ. Если, несмотря на всю мою привязанность к нему, меня терзали сомнения, что предпринять в том или ином случае, я мысленно прибегал к помощи его матери, задаваясь вопросом, как бы в такой ситуации поступила она. Госпожа, наставница, покровительница, она не раз говорила мне, что доверяет моему суждению и моей честности. А прощаясь, не скрывала материнских слез, и не все они были вызваны расставанием с сыном, толика ее печали и нежности предназначалась и мне.

В течение всего времени, что мы провели на чужбине, я повсюду следовал за моим господином и регулярно переписывался с его матерью. Главной темой этих писем, конечно же, был ее сын. Я считал своей привилегией и даже долгом беспристрастно оценивать его поступки и, вне зависимости от моих собственных эгоистических соображений, высказывал свое мнение всякий

раз, когда это могло принести пользу. Каждое письмо в Дублин, особенно те письма, в которых я позволял себе свободно критиковать его поведение, он с моего разрешения просматривал. Потворствуя его слабостям или не обращая на них внимания, я бы изменил сам себе, ведь моя обязанность в том и заключалась, чтобы ничего не замалчивать и прямо выражать свои чувства. Юноша, несомненно, был благороден, но ему не хватало твердости. То, что он поддавался иным искушениям, человек менее взыскательный, нежели ваш покорный слуга, счел бы вполне простительным, а в иных случаях даже похвальным. Я же должен был предупреждать его о возможных последствиях тех или иных действий и своевременно сообщать обо всем его матери.

В конце концов ему надоели мои наставления. Причем, чем справедливее была критика, тем с большей нетерпимостью он ее воспринимал. С каждым днем его все сильнее тяготило мое общество, и в результате он решил со мной расстаться.

Мы разошлись, но не затаили друг на друга обиду. Я не потерял его уважения. В письмах домой он воздавал должное и прямоте моего характера, и усердию в службе. Отставка не пошатнула и

моего благополучия, ибо в глазах его матери этот случай стал лишь еще одним подтверждением незыблемости моих принципов.

И она оказала мне честь, приняв меня в свою семью. О чем еще можно было мечтать?! Я хорошо знал характер госпожи и мог не опасаться с ее стороны капризов или несправедливости. Не допуская никакой «родственной» фамильярности, я тем не менее относился к ней как сын. Безоговорочно полагаясь на мое благоразумие и честность, она доверила мне должность управляющего всеми ее городскими владениями и поручила расплачиваться с прислугой; я также должен был помогать ей подбирать работников и присматривать за ними. Хотя меня с детства готовили к рабской участи, я все же не знал в полной мере сопряженного с этим зла. Такая почти безграничная независимость, какой пользовался я, была доступна лишь самым свободным членам общества. Более того, облеченный властью распоряжаться деньгами и платить жалованье, я ощущал, как растет мое чувство собственного достоинства. Арендаторы и должники госпожи были в каком-то смысле и моими арендаторами и должниками. В обращении с ними я старался проявлять справедливость и мягкость. Все, кто

служил в ее обширных и богатых владениях, подчинялись мне. К тому же у меня появилось свободное время, а моего заработка вполне хватало и на самообразование, и на развлечения.

Естественно, я был доволен своей жизнью. Но, помимо этого, хотя, казалось бы, о чем еще мечтать, в лице госпожи Лоример, благодаря тем отношениям, которые сложились между нами, я имел дополнительный стимул радоваться жизни.

Как подступиться к этой теме? Как описать дары судьбы, позволившей мне познать бесценность подлинных чувств любви и страсти во всем спектре их непередаваемых красок, чтобы потом я все разрушил и уничтожил? Впрочем, не мне себя жалеть. Пусть эта исповедь усугубит мои страдания. Я заслужил их и должен смиренно принять самое суровое наказание.

Никто лучше меня не расскажет о достоинствах госпожи. Даже беглого взгляда было достаточно, чтобы восхититься ее красотой и благородством манер. Те, с кем она общалась ближе, испытывали к ней любовь и глубокое уважение. Возраст не изменил ни ее фигуру, ни цвет лица, ни бархатистость кожи, ни тем более присущее только ей выражение сладостного покоя и живости ума.

Неизменная благожелательность светилась у нее во взоре. Она жаждала творить добро и постоянно искала любую возможность для этого, мысленно представляя, сколько счастья принесет ее благодеяние, либо воображая сцены бедствий, которые сумеет предотвратить. Она была способна растрогать даже самых черствых людей, очаровать даже самых развращенных циников, давно не способных ни на какие чувства.

Случайный гость мог наслаждаться беседой с ней, мог восхититься прямотой ее высказываний, богатством красноречия и безупречным поведением. Но лишь я, живя с ней под одной крышей, знал всю меру ее постоянства в делах и суждениях, ее неисчерпаемую искренность, заразительную веселость и милосердие. Лишь я наблюдал ее ежедневно, в болезни и здравии, видел, как она управляет великим инструментом добра и зла — деньгами, сколько сил отдает воспитанию сына. Лишь я знал всю ее родню и прислугу — так кто лучше меня мог оценить ее достоинства?

Общались мы часто, но наши встречи проходили не совсем обычно. Обязанности службы предписывали мне являться к ней регулярно, чтобы излагать в подробностях все дела, по кото-

рым она принимала решения и давала указания. Во время таких визитов она своим обращением со мной как бы подчеркивала мое особое положение в сравнении с остальными, хоть я и был низшего звания, — на моем месте любой другой мог бы сделать далеко идущие выводы. Конечно, ни о каком равенстве не шло и речи, но не было и высокомерия госпожи — только бесконечная любезность и снисходительность.

Она без стеснения советовалась со мной по всем финансовым вопросам, прислушивалась к моему мнению, и после тщательного обсуждения мы вместе решали, как правильнее поступить. Закончив все насущные дела, я обычно сразу не уходил. Удержать меня или отпустить — зависело от нее, но, если обстоятельства позволяли, она могла завязать со мной долгую беседу. В силу моей безграничной преданности и благонадежности меня ей не нужно было опасаться, а потому я, как никто другой, подходил на роль ее домашнего исповедника, хотя, разумеется, законы общества, которому она принадлежала, накладывали целый ряд ограничений на ее откровенность. Впрочем, в общении со мной таких ограничений было гораздо меньше, чем в разговорах с кем-либо иным. Из наших бесед я немало узнал о ее отно-

шении к окружающим, о ее взглядах, ее чувствах к сыну и о многом таком, чем делятся обычно лишь с родственниками и близкими людьми. Конечно, мое особое положение в доме способствовало искренности миссис Лоример, но еще большее значение имели ее почти материнское чувство ко мне, врожденная простота и доверчивость. Она тщательно расписывала каждый день, уделяя много времени на благие дела. В свой круг допускала лишь тех, в чьей порядочности и одаренности не сомневалась, вне зависимости от их положения в обществе. И тем не менее, этот круг был весьма широк, а ее вечерние приемы — изысканны и исполнены всем тем, что возвышает чувства и дает пищу уму. Обладая невероятной притягательной силой, миссис Лоример неизменно оказывалась в центре внимания, но ее великолепие не было показным, а серьезность — надменной. Я, в силу своего положения, не имел доступа в этот избранный круг, что отчасти восполнялось нашими с ней беседами наедине. Она с удовольствием рассказывала мне обо всем, чему я не был очевидцем, передавала содержание разговоров, живописала характеры. Причем делала это с незаурядным актерским мастерством, что добавляло красок той ценной интересной ин-

формации, которую она сообщала. Была в наших беседах и некая странная цикличность. Каждый раз мне казалось, что еще одна встреча с миссис Лоример ничего уже не может добавить в плане моего отношения к ней, но на следующий день я сознавал, что новые грани уважения и благодарности, которые я открывал в себе, неизмеримо ярче прежних, а ее совершенство затмевает тот образ, что восхищал меня вчера. Я и помыслить не мог о каком-либо изменении в моей жизни. Даже малейший намек на то, что это возможно, вызывал у меня острое беспокойство. Ради нее я готов был пойти на любые жертвы. Чтобы оплатить долг благодарности миссис Лоример, мне не хватило бы никакого времени. Между тем долг мой с каждым днем возрастал, и если тревожные мысли периодически посещали меня, то их источник был именно в этом.

Мне не составляло труда добросовестно исполнять свои обязанности. Особых заслуг я не имел, и никаких значительных испытаний не выпало на мою долю. Так пролетели дни невозвратной юности. Дурное влияние обошло меня стороной. Я не поддался ни чувственным соблазнам, ни тяге к разгульной жизни, которая нередко затягивает в свои сети молодежь. Моя жизнь протекала

среди изобилия и блеска. Ни в чем не нуждаясь, я накопил достаточно средств, чтобы не опасаться непредвиденных обстоятельств и обеспечить себе скромный достаток. Неплохие способности позволили мне стать настоящим интеллектуалом. Репутация у меня была безупречная. У друзей госпожи я пользовался доверием, и не только вследствие ее рекомендаций, но и благодаря тем услугам, которые — спасибо судьбе! — имел возможность оказывать многим из них.

Глава V

— У миссис Лоример был брат-близнец. Природа создала их по одному образу и подобию. Сходство было просто невероятное. В младенчестве и раннем детстве их не могли отличить друг от друга. Да и потом при поверхностном взгляде многим казалось, что единственное различие между ними — это принадлежность к противоположным полам. Однако проницательный наблюдатель не согласился бы с таким суждением. Менее всего они были похожи в отношении привычек и чувств. Словно природа затем и создала их, чтобы посрамить распространенные теории, сводящие все к внешности и инстинктам, игнорируя среду и обстоятельства. Между тем материал и форма могут быть одинаковыми, а внутреннее наполнение и цели — разными. Вероятно, и умственные задатки брата и сестры изначально были схожи, но в одном случае руководящей силой стало добросердечие, в другом — стремление к разрушению и преступные наклонности.

Для миссис Лоример Артур Уайетт, так звали ее

брата, всегда был объектом сестринской заботы. Всю его жизнь она всячески способствовала тому, чтобы он был счастлив. Но ее любовь неизменно наталкивалась на жестокую и неумолимую ненависть. Он являл собой исключение из всех правил, которыми мы руководствуемся в наших суждениях о человеческой натуре. Его греховность не имела аналогов — казалось, что в нем воплотился сам дьявол. Он был средоточием всех пороков, без малейшей тени раскаяния, обычно почти неизбежно сопутствующего даже самым тяжким из прегрешений. Он наслаждался черными деяниями, словно бы олицетворяя неприкрытое чистое Зло. И радость его была пропорциональна глубине тех бедствий, что он причинял.

Сестра — легкая мишень для его злой воли — сполна ощутила это на себе. Он прекрасно знал, что она почитает за наивысшее счастье, и потому мог проводить над ней свои ужасные эксперименты с наибольшей надеждой на успех. Для ее родителей — богатых и занимавших высокое положение в обществе — замужество дочери было предметом особого внимания. Вступление в брак — событие, непосредственно влияющее на счастье и расположение духа, и столь важный

шаг следует делать, имея свободу выбора и полагаясь на собственное мнение; к сожалению, чем знатнее и обеспеченнее люди, тем чаще нарушают они это правило.

Госпожа сама сделала выбор, но с оглядкой на общепринятые представления — она не могла допустить, чтобы личные пристрастия влияли на ее поступки. Натурам добродетельным забота о счастье ближних, пусть даже ложно понятая, зачастую мешает действовать в собственных интересах. Выбор дочери не отвечал требованиям родителей, для которых нравственные качества будущего зятя значили куда меньше, чем соображения благосостояния и престижа.

Что касается ее брата, то его привлекали лишь роскошь и власть. Если кто-то понимал счастье иначе, он считал это просто недоразумением. Такие понятия, как любовь и дружба, были для него не более чем химерой, он полагал, что люди разумные с приобретением жизненного опыта рано или поздно избавляются от подобных заблуждений. Но он также знал, что сестра упрямо держится за эти фантомы, черпая в них радость и вдохновение, и что лучший способ испортить ей жизнь — лишить ее того счастья, которое они дарują. Задавшись целью помешать исполнению

ее желаний, он прибег к помощи ограниченных и лицемерных родителей, коих нетрудно было убедить воспрепятствовать браку сестры, для чего требовалось, чтобы они отписали ей лишь малую часть обещанного наследства. А ведь речь шла о ее счастье и счастье того, кому она отдала свое сердце. Необходимо было сделать все возможное, дабы ослабить влияние брата на родителей или склонить его на свою сторону. Зная остроту ее ума и то, какую власть порой имеют слезные мольбы дочери и сестры, я полагал, что она в состоянии добиться своего. Любые препятствия были бы преодолимы, направь она всю энергию, все силы на то, чтобы разрушить их, тем более когда от этого зависело ее будущее, и потому я никак не мог поверить, что она до конца боролась за свое счастье.

Казалось бы, выбор был сделан. Но, отклонив ее избранника, ей навязали брак с другим человеком, в незыблемости репутации которого не сомневался никто, кроме нее. А на отвергнутого семьей возлюбленного госпожи посыпались самые изощренные оскорбления и мучения, какие только можно вообразить. Артур Уайетт употребил всю свою хитрость и жестокость на то, чтобы поставить под удар его честь, его свободу и даже

его жизнь.

Отношение миссис Лоример к ее избраннику в результате этих несправедливых нападок и подлых интриг не изменилось, но сам он был на грани помешательства и отчаяния, в которые ввергла его любовь к ней, и она приложила немало усилий, чтобы успокоить его.

В конце концов ему пришлось уехать из страны, поскольку все ее попытки направить злую волю брата в иное русло оказались тщетными. Родители умерли прежде, чем сказались последствия причиненного ими зла, однако поведение сына было достаточным возмездием им за попустительство. Баловень семьи, он пользовался всеми преимуществами своего происхождения, но его поступки свидетельствовали о презрении к предкам и грозили запятнать доброе имя прославленного древнего рода. После смерти отца и матери большая часть их огромного состояния перешла к нему, и он, предавшись игре и разврату, довольно быстро все промотал. Его распутство, поначалу утонченное, постепенно приобрело самый низменный характер. Сестра пыталась вернуть его к достойной жизни, но вскоре поняла, что это запоздалое и бесполезное занятие. Даже ее привязанность он сумел обратить на

пользу своему эгоизму. Она руководствовалась лучшими побуждениями. И не слабость стала причиной того, что ей долго не удавалось вырваться из плена обманчивых иллюзий. Просто, чтобы вынести верное суждение в отношении ее брата, жизненный опыт, основанный на общечеловеческих ценностях, был бесполезен. Но никакая сестринская любовь не могла держать ее в заблуждении вечно. Врожденное стремление к справедливости одолело пристрастность. И когда, покинув игорный дом, он пустился во все тяжкие, когда им наконец занялось правосудие, приговорив его к ссылке, когда понадобилось ее заступничество и все понимали, что с таким положением в обществе и с такими средствами ей не составит труда добиться для осужденного помилования, когда и он сам, и родные, и друзья, и даже посторонние люди умоляли ее помочь ему, она осталась непреклонной. Слишком хорошо ей было известно, насколько он развращен и порочен, слишком много времени было упущено, пока удалось осознать, что его испорченность неисправима, а потому она понимала, что ссылка — чересчур мягкое наказание для такого негодяя, как он, и настоящие друзья должны только радоваться, что больше не нужно опасаться его

злостных интриг. Как только надежда на ее помощь окончательно испарилась, он явил всем свою подлинную сущность, поклявшись, что жестоко отомстит сестре и что месть его будет кровавой. А слов он на ветер не бросал. Зная его характер, не приходилось сомневаться в том, что ее жизни действительно угрожает опасность. Но судьба распорядилась иначе. Вскоре пришло известие, что преступники учинили мятеж на корабле, державшем курс к месту, где им предстояло отбывать наказание, и что в завязавшейся драке брат миссис Лоример был убит.

Среди множества подлых деяний Артура Уайетта не могу не отметить обольщение молодой девушки, чье сердце он разбил своим вероломством, оставив ее с новорожденной дочуркой на руках. Девушке недолго суждено было радоваться материнству. Она умерла, сломленная отчаянием и нищетой. Отец был безразличен к судьбе ребенка. Малышку отдали на воспитание служанке, которая, к счастью, в надежде на обещанное вознаграждение хорошо заботилась о ней, не позволяя себе быть жестокой или недобросовестной с маленькой сиротой.

Миссис Лоример отыскала девочку и взяла под свою опеку. Она воспитала ее как родную

дочь. Не только узы родства и привязанность объединяли их. Если внешнее сходство брата с ней носило ущербный характер, то племянница была ее подобием во всех отношениях. Помимо возраста, ничто их не различало. Миссис Лоример относилась к племяннице не просто как к дочери, а как к драгоценному дару, осветившему ее жизнь. О счастье своей Кларисы она пеклась с большим пылом, чем о счастье собственного сына. Его добродетели были не так очевидны, да и такой доверительности, как с дочкой, с сыном в принципе не могло быть.

Обеспокоенная будущим Кларисы, миссис Лоример не раз мечтала выдать ее замуж за своего сына, ибо видела немало преимуществ в их браке, о котором пока можно было только мечтать. Слишком от многих непредвиденных обстоятельств это зависело. Она сомневалась, достоин ли Кларисы ее сын, а если достоин, то нравятся ли они друг другу. Ведь оба, выбирая себе спутника жизни в соответствии со своим вкусом, вполне могли не оправдать ее ожиданий. Время должно было рассеять эти сомнения. А до тех пор ей оставалось лишь заботиться о сыне и племяннице, внушая им добродетель и мудрость.

С годами ее надежды потерпели крах. Сын не

избежал свойственных молодости ошибок. К тому же нельзя было не заметить, что отношения брата и сестры не переросли в нечто большее. Я знал, что беспокоило госпожу, и, на мой взгляд стороннего наблюдателя, союз этот был утопией. О Кларисе я мог судить с полным на то основанием. В силу юного возраста и чувствительной натуры я был подвержен женским чарам. Мы вместе играли в детстве. В более зрелые годы вместе учились и развлекались. Подобная близость таила в себе вполне понятную опасность, но до поры до времени мне удавалось ее избегать.

Я считал, что пропасть в нашем социальном положении — непреодолимая преграда на пути любого моего желания, как если бы нас разделяли пространство и время.

Такова была ситуация накануне путешествия, в которое мы отправились с ее братом. Клариса косвенно участвовала в моей переписке с госпожой. Она прочитывала все, что я писал, и нередко ответные письма содержали несколько строчек, выведенных ее рукой. А когда я вернулся, опасность, не столь ощутимая вдали от нее, вновь обрушилась на меня с еще большей силой. Между тем несколько соискателей руки Кларисы успели заявить свои притязания и были отвергнуты.

Но так как ни один из них не относился к числу завидных женихов, в том, что Клариса им отказала, никто не усмотрел какой-либо затаенной привязанности.

При встрече она поприветствовала меня сердечно и вместе с тем с чувством собственного достоинства. Очевидцы не смогли бы заметить в ее отношении ко мне превосходства, продиктованного различием в нашем благосостоянии. И хотя ее радость имела некоторый оттенок нежности, даже самый суровый блюститель нравственности не усмотрел бы в этом повода для укора или подозрения.

За год, что прошел после моего возвращения, в душе у меня зародились новые, необъяснимые чувства. Мне не сразу удалось понять, в чем причина их возникновения, но сила этих чувств росла так стремительно, что я недолго пребывал в неведении. Осознание происходящего встревожило меня, и все же я сумел собрать волю в кулак. Любые надежды должны были угаснуть, если трезво задуматься, куда они могут привести. Однако под влиянием, казалось бы, незначительных событий мое самосознание менялось. От взгляда, брошенного на Кларису, от малейшего упоминания о ней приходили в движение те

самые новые мысли и чувства, которым она была причиной. Прерванный разговор или несостоявшаяся встреча бросали меня в жар и наполняли трепетом. Но я держался, и спокойствие мое пока не было ощутимо поколеблено. Без болезненного взрыва эмоций я мирился с мыслью, что она выйдет замуж за другого, и хотел лишь, чтобы выбор ее был удачным и разумным.

Вот только вечно оставаться такими мои мысли, увы, не могли. Постепенно они становились все более пылкими и томными. Все чаще возникал перед моим мысленным взором образ Кларисы. Ее очарование усиливалось неким безымянным, не поддающимся определению чувством. Когда оно меня настигало, я забывал обо всем, чтобы всецело отдаться ему. Восхитительный румянец на лице Кларисы, ее выразительные черты и мелодичный голос буквально околдовывали меня, будоража фантазию. Очнувшись от раздумий, я порой обнаруживал, что мои щеки влажны от неподвластных мне слез и невольные вздохи вырываются у меня из груди. Образ Кларисы завладевал мной не только в часы бодрствования, но вторгался и в мой сон. Я не мог больше наслаждаться безмятежным отдыхом. Пленительные грезы не давали мне спать.

Нетрудно было оценить ситуацию, в которой я оказался. Чего требует от меня долг, тоже не вызывало сомнений. Оставить все как есть я не мог. Наивно было бы надеяться, что время и новые чаяния вернут мне спокойствие. И все же я безумно не хотел что-либо менять. Не только страсть удерживала меня, но и глубокая привязанность к миссис Лоример. Я посвятил ей свою жизнь и полагал, что так будет всегда. Сама мысль, что придется покинуть ее, была невыносимой. Все что угодно, только не это, только продолжать служить моей госпоже. Но если я все-таки решу, что оставаться нельзя, как сказать ей об этом? Ведь наша разлука едва ли будет для нее меньшей потерей, чем для меня. Могу ли я пойти на то, чтобы причинить ей душевную муку? До сих пор я отдавал все свои силы и способности служению моей госпоже. Только так я мог отблагодарить ее за доброту и участие, коими она одаривала меня в течение стольких лет. Уход же мой будет выглядеть в глазах всех проявлением неблагодарности и жестокости. Даже тень подобного обвинения хуже любой пытки.

Как объяснить, по какой причине я покидаю ее? Правду говорить нельзя. Это могут воспринять как уловку, дабы вымолить новое благодеяние.

Лучше остаться ни с чем, нежели множить долги. Несмотря на то что Клариса была средоточием всех моих помыслов, мне и в голову не приходило, что она тоже способна чувствовать что-то ко мне. Я не слепой и хорошо усвоил, что нельзя закрывать глаза на существующее между людьми неравенство. Сколько угодно, подобно другим, я мог рассуждать о ничтожной тщете титулов и наград, о недооценке дарований и добродетелей, но все это было не более чем демагогией и никак не отражалось на моих действиях и поступках. Я не видел возможности преодолеть преграду, разделявшую нас. Это даже не подвергалось сомнению. Если честно, я бы очень хотел молить госпожу о милости и заступничестве, но понимал, сколь безумно такое желание. Нет, никогда не смогу я сказать ей, что ухожу на поиски счастья, которого не снискал под ее крылом. При любых обстоятельствах я должен защитить ее великодушное сердце от мучительной боли и обиды.

Однако я долго не мог ни на что решиться. Казалось, мне не нужно убеждать себя в необходимости расставания, но каждый день я все откладывал этот момент. Казалось, у меня хватит сил при встрече объясниться с ней, но когда она заговаривала со мной, я терял дар речи. Каждый

раз, придумывая новые оправдания своей нерешительности, я с радостью ухватывался за любую тему, как бы далека она ни была от тех мыслей, что не давали мне покоя.

Под гнетом раздирающих меня страстей пошатнулось мое здоровье, и госпожа не преминула это отметить. С заботливым участием она осведомилась, что со мной происходит, почему я так подавлен. Ситуация располагала к откровенности. Самое время было все рассказать, но я, сославшись на недомогание, заверил ее, что волноваться не из-за чего и скоро мне станет лучше. Волей-неволей ей пришлось принять мои невразумительные объяснения.

Так проходили день за днем. Я продолжал рефлексировать, ощущая, что промедление лишь усложняет задачу. Наконец, собравшись с духом, я попросил миссис Лоример принять меня. Она, как обычно, была чрезвычайно любезна. Завязалась отвлеченная беседа, но госпожа быстро ее прервала, почувствовав, каким трепетом и смятением я охвачен. Она призналась, что давно наблюдает за мной и мой вид ее удручает. Затем, напомнив о своей материнской заботе обо мне, стала взывать к моему сердцу, умоляла объяснить причину, по которой я избегаю общения с

ней и пребываю в унынии, что, конечно же, не укрылось от нее.

На это я мог ответить только одно:

«Госпожа, не хочу, чтобы вы считали меня капризным или неблагодарным. Я пришел сообщить вам о своем решении, и, поверьте, оно далось мне нелегко. Объяснить, почему я должен так поступить, увы, не могу. Но и вводить вас в заблуждение ложью не имею права — это было бы непростительно по отношению к вам. Дело в том, что я оставляю службу у вас и, увозя с собой память о вашей доброте, отправляюсь к себе в деревню, где надеюсь прожить тихую, спокойную жизнь».

Ее изумление было безграничным. Она не могла поверить своим ушам. Сначала подумала, что ослышалась. Попросила повторить, что я сказал. Поинтересовалась, не шутка ли это. Или, может, я имел в виду что-то другое и просто невнятно выразился.

Я еще раз заверил ее, что решение принято и непоколебимо, и просил не выпытывать причину, побудившую меня так поступить.

Она не могла смириться со столь странным, по ее словам, решением. Чем оно вызвано? Почему нужно скрывать это от нее? Какие между нами

могут быть тайны? Ей трудно даже представить, что я намерен покинуть ее в такое время, когда она особенно нуждается в моих советах, в моей поддержке. Она непременно поможет мне найти выход из любой ситуации, а если что-то с ее стороны было не так, постарается это исправить. И увеличит мне жалованье. Думать о расставании со мной слишком мучительно для нее, и прежде всего она хочет понять, что так гложет меня и почему я решил оставить ее.

«Это совершенно непосильное бремя, — ответил я. — Нет слов, чтобы передать, как мне больно и трудно сейчас. Я понимал, на что себя обрекаю, потому и оттягивал свой отъезд, сколько мог, но больше медлить нельзя. Обстоятельства вынуждают меня покинуть вас, и они же не позволяют мне что-либо объяснить. Очень боюсь навлечь на себя обвинение в неблагодарности, ужаснее которого я и помыслить не смею, но, если избежать его можно, лишь раскрыв мою тайну, придется вынести и это».

«Храните вашу тайну, — сказала она. — Я слишком высокого мнения о вас, чтобы подозревать, что вы скрываете что-то дурное. Однако вы должны остаться. Какой бы ни была причина, побуждающая вас так резко изменить свою судь-

бу, я уверена, что это не пойдет вам на пользу. Никакие ваши доводы не убедят меня в обратном. А потому просто подчинитесь моей воле с подобающим сыновним почтением».

Несмотря на ее протесты, я продолжал стоять на своем: решение принято, и никакой альтернативы ему нет.

«Так вы покидаете меня и вам безразлично, хочу ли я этого? И не в моей власти вас удержать? И мои слова ничего для вас не значат?»

«Поверьте, госпожа, никогда ни одно решение не давалось мне ценой такой отчаянной борьбы. Будь вам известна причина, вы не только не стали бы препятствовать мне, но еще и ускорили бы мой отъезд. Если вы действительно цените меня, то поверьте, я говорю вам правду. Прошу вас, снимите с моей души бремя, позвольте поступить так, как повелевает мне совесть!»

«Полагаю, — заметила она, — есть некто, имеющий большую власть над вами, чем я. Кого же позвать на помощь, чтобы образумить вас?»

«Нет, милая госпожа. Если уж я устоял перед вашими уговорами, то никто другой не сумеет в этом преуспеть».

«Ну, не будьте так категоричны, — с загадочной улыбкой возразила моя благодетельница. — Есть

один человек, перед чьими мольбами, вы, надеюсь, не сможете устоять».

«Кого вы имеете в виду?» — спросил я с волнением.

«Сейчас узнаете. Раз уж мне не удалось вас убедить, придется обратиться за помощью».

«Не мучайте меня, я больше не в силах повторять, что никто не поколеблет моего решения!»

«Не рассказывайте мне небылицы! — воскликнула она с ярко выраженным лукавством. — Вы ведь и сами знаете, что это неправда. Если одна известная вам особа попросит вас остаться, вы не раздумывая согласитесь. Вижу, что без ее поддержки я не справлюсь. Немного досадно, конечно, но и расставаться с вами я не намерена, это не обсуждается. Однако вы упорствуете, так что я иду за моей помощницей. Подождите здесь, пожалуйста».

Не успел я отдышаться, как госпожа вернулась вместе с Кларисой. Я не понимал еще, что она задумала. Вид у Кларисы был смущенный и счастливый. По тому, как она отводила взгляд, по нерешительной ее поступи я должен был догадаться, в чем дело, но по-прежнему не верил, что это возможно. Собравшись с силами, я старался привести в порядок мысли, чтобы снова отстаи-

вать свое решение и противостоять уговорам.

«Вот, — сказала моя покровительница, — я тщетно пытаюсь убедить этого молодого человека не покидать нас. Но он непреклонен в своем желании уехать. И причину отъезда держит в тайне. Да мне и не нужно ничего знать, я и так не сомневаюсь, что мотивы его благородны. Однако я не могу позволить ему совершить глупость, а он не хочет даже слушать меня. Может быть, ты сумеешь его удержать?»

Клариса не проронила ни слова. Я тоже молчал, скованный смущением. Миссис Лоример посмотрела на меня, потом на Кларису, лаская нас взглядом, а потом подошла и соединила наши руки:

«Для меня не секрет, почему ты хотел уехать. Неужели тебе и правда казалось, что я настолько равнодушна и ненаблюдательна? Я все заметила и все поняла. И не хуже, чем ты сам, знаю, что происходит у тебя в душе. Зачем было скрывать? Видимо, ты не так опытен в любовных делах, как я полагала. Впрочем, не хочу играть твоими чувствами.

Тебе известно, Клитеро, какие мечты я когда-то лелеяла. Меня согревала надежда, что мой сын найдет эту прелестную юную леди достойной сво-

его выбора и что моя девочка предпочтет его всем другим. Но я давно уже поняла: это невозможно. Они совсем не подходят друг другу. И тогда во мне созрело другое желание, и теперь оно исполнилось. Я вижу, что вы любите друг друга, и, по-моему, нет решения разумнее и правильнее, чем скрепить вашу любовь брачными узами. Я перестала бы уважать себя, если бы не помогла вашему счастью. Ничто не мешает заключить этот союз. Мне ясны причины твоих сомнений, Клитеро, и я сожалею, что ты допускаешь подобные мысли. Это не красит такого разумного человека, как ты.

Мою девочку я знаю с малых лет. Честное слово, на свете немного созданий столь нежных и чистых душой. Но к чему докучливые наставления? Я покидаю вас с уверенностью, что вы быстро найдете взаимопонимание. Ваш брак будет заключен так скоро, как только возможно. Клариса — моя единственная и любимая дочь. А ты, Клитеро, с сегодняшнего дня не только достойный друг нашей семьи, но и муж моей дочери».

С этими словами она удалилась, и мы остались с Кларисой вдвоем.

Великий Боже! Избавь меня от мучительных воспоминаний! Моя благодетельница, вырвав-

шая меня из нужды и невежества, сделавшая образованным человеком, вознесшая к богатству и чести, наконец, подарившая мне то, чего не хватало для полноты счастья… Но больше ни слова об этом, иначе я никогда не закончу свою исповедь. До сих пор мне удавалось хорошо справляться с рассказом, и я последовательно изложил вам основные события. Позвольте еще немного задержаться на том, что даст вам представление о ярчайшем сиянии моих счастливейших дней. После этого я уже без колебаний приступлю к выполнению главной задачи, к которой постепенно подхожу.

Глава VI

— Как неожиданно, как прекрасно все разрешилось! Я не мог поверить в собственное счастье. Неужели передо мной на самом деле Клариса? Неужели я действительно слышу от нее, что препятствия, которые казались мне непреодолимыми, она считает незначительными, что я нежно любим ею и скоро стану обладателем бесценного сокровища? Не буду повторять вам, в каких словах, припав к ее ногам, я изливал ей свой восторг и свою благодарность. В ответ на мой порыв Клариса подтвердила то, что чуть раньше сказала ее мать. Никаких недомолвок не осталось между нами. Уныние и апатия, гнездившиеся в моей душе, уступили место сиянию радости и надежды. Фортуна, похоже, благоволила мне, даровав наивысшее, нескончаемое блаженство.

Увы! Недолго я наслаждался им: судьба посмеялась надо мной, в одно мгновение лишив меня всего и оставив на краю пропасти.

Наша свадьба должна была состояться в самое ближайшее время, если бы не помешали печальные обстоятельства. В одном из отдаленных

уголков королевства жила подруга Кларисы, страдавшая чахоткой. Болезнь шла к печальной развязке, и умирающая девушка в отчаянии звала Кларису к себе, чтобы обрести утешение перед кончиной и испустить духу нее на руках. Таково было последнее желание подруги Кларисы.

Разумеется, подобную просьбу игнорировать невозможно. Пришлось смириться с задержкой, возникшей на пути к окончательному исполнению моих желаний. Ситуация была столь прискорбной и безотлагательной, что мне и в голову не пришло бы роптать, когда чуткая и отзывчивая Клариса ринулась исполнять свой долг по отношению к умирающей подруге. Я сопровождал ее в этой поездке, пробыл с ними несколько дней, а потом вернулся в столицу. Невозможно было даже вообразить, что разлука затянется на целый месяц. Прощаясь и договариваясь, когда вернусь за ней, я не чувствовал никакой угрозы нашему счастью. Радостные мысли переполняли меня. Почему не было знака свыше, предупреждающего о ловушках, уготованных мне впереди? Тот, кто вел поезд моей жизни к неотвратимому крушению, действовал так осмотрительно, что я ничего не заподозрил и не насторожился.

Развязка уже близка. Сомневаюсь, хватит ли мне сил поведать о том, что вызывает у меня такое отвращение. Понимаю, что надо собраться с духом и продолжать, но мое мужество, похоже, истощилось. Хочу еще немного задержаться на событиях, предшествовавших катастрофе. Произошло несколько случаев, без упоминания которых эта история будет неполной. Я расскажу их последовательно, один за другим, хоть немного отсрочив таким образом ужасный конец, повергающий меня в дрожь. Надеюсь, когда я завершу свою исповедь, вы простите мне эту временную слабость.

Помните возлюбленного моей госпожи? Я описывал, как вследствие происков ее брата она была вынуждена отказаться от брака с ним. Больше двадцати лет прошло со дня их расставания. Выходец из небогатой семьи, он, не имея других средств к существованию, освоил профессию военного хирурга. Госпожа не только настояла, чтобы он покинул страну, но и оплатила все расходы на дорогу. Его разум какое-то время был затуманен страстью, но миссис Лоример без особого труда удалось объяснить ему, что это действительно необходимо. Под грузом неопровержимых доводов он признал, что она права,

не погнушался принять ее дары и использовал любую возможность, чтобы поддерживать с ней переписку во время разлуки.

Ее стараниями он поступил на службу в Ост-Индскую компанию. Госпожа периодически получала весточки о его перемещениях. Компания вела войну с колониальными властями. Он участвовал в жестоком сражении, в котором англичане были побеждены и понесли значительные потери. И если прежде через переписку и другие источники госпожа имела о нем сведения, то после этого поражения связь прервалась, и никакими способами она не могла ничего о нем разузнать. Оставалось лишь гадать, что с ним случилось: то ли он погиб, то ли попал в плен.

По возвращении в Дублин я застал госпожу за беседой с каким-то незнакомцем. Она любезно представила нас друг другу. Я разглядывал и слушал его с большим интересом. Манеры этого человека свидетельствовали о благородстве, а загорелое обветренное лицо — о долгих и беспокойных скитаниях. Морщины на лбу были скорее следствием перенесенных невзгод и страданий, нежели приметой возраста. Его речи, полные воспоминаний о прошлом и сожалений о том, что жизнь сложилась совсем не так, как хотелось,

вызывали у меня живое участие, а открытость и достоинство, с которыми он вел беседу, говорили о нем как о натуре незаурядной.

Когда незнакомец распрощался с нами, госпожа объяснила мне, кто он. Оказалось, что именно в него она в юности была влюблена. Несколькими днями ранее он вдруг внезапно объявился и поведал увлекательную историю своих странствий. Отсутствие писем объяснялось его совершенно невероятной жизнью в эти годы. Он бежал из тюрьмы в Хайдарабаде и пешком, под разными обличьями, прошел весь Северный Индостан. Некоторое время он обучался в Бенаресе[2] и в медресе при мечети, совершил паломничество в Мекку и к местам поклонения Владыке Вселенной Кришну, пока в конце концов не добрался до турецкой границы. Там он обосновался на несколько лет, добывая средства к существованию хирургической практикой. Но потом от практики пришлось отказаться. Причиной тому послужила дуэль между двумя шотландскими подданными. Один из них, переменив веру, обручился с дочерью православного

[2] Примечания: 2

Бенарес или Банарас *(санскр.* Varanasi) — главный город одноименной области в Северо-Западной Индии, священный Рим индусов и средоточие браминской учености.

грека, весьма богатого торговца. В результате поединка он погиб, и семья невесты не только добилась смертного приговора для его соперника, но и потребовала наказания для всех, кто имел отношение к дуэли.

Чтобы избежать грозившей ему опасности, возлюбленный моей госпожи вынужден был искать новое пристанище. Константинополь он покинул с такой поспешностью, что остался совсем без гроша, и индийские владения Александра пересек как нищий бродяга. Земли Филиппа и его наследников прошел также с сумой за плечами. Выйдя невредимым из многих передряг, он добрался до Салоников, откуда приплыл в Венецию, а потом, преодолев Апеннины, спустился в Тоскану. Здесь он надолго попал в плен к бандитам с большой дороги. Видя его миролюбивое обхождение и к тому же испытывая нужду в медицинской помощи, они решили сохранить ему жизнь, но, разумеется, отняли у него свободу и принудили делить их общество. Однако и это время пещерного заточения и разбойничьих пиров он провел не без пользы, закалив свой характер. Новый знакомый вызывал у меня неподдельный интерес, а его жизнь свидетельствовала о недюжинном уме и безграничной храбрости.

Совершив побег от бандитов, он прошел берегом Арно к Лехгорну и оттуда добрался до Америки, обогатившись опытом, но не обретя счастья.

И тут судьба неожиданно вновь улыбнулась ему. Госпожа была свободна и независима. Хотя она уже не питала к Сарсфилду, как звали ее бывшего возлюбленного, той прежней, девичьей страсти, однако достоинств у него с годами не стало меньше, и оба они еще далеко не достигли того возраста, когда любовь кажется утопией, а брак — безумием. Между ними установились доверительные отношения. Щедрость миссис Лоример позволила Сарсфилду избавиться от бедности. По крайней мере, убеждала она своего друга, ему не нужно будет больше скитаться по свету и он сможет провести остаток жизни в довольстве и покое. Все его сомнения пали под напором ее разумных увещеваний и настойчивых просьб.

Между мной и Сарсфилдом постепенно возникла сердечная близость. Мы часто общались, вели непринужденные беседы. Он рассказывал мне о своих странствиях, делился мыслями, чувствами, богатым жизненным опытом. Вспоминая перипетии юности, не обошел он молчанием и отношений с моей покровительницей, о которых

до сих пор я знал лишь в общих чертах. В его словах, адресованных ей, я постоянно находил поводы, чтобы вновь восхититься ее общепризнанными добродетелями, и с глубокой горечью отмечал, сколько зла причинил этой благороднейшей женщине ее брат.

Рассказ о черных делах Артура Уайетта, усиленный и драматизированный красноречием Сарсфилда, поверг меня в ужас. Будь подобный персонаж вымыслом поэта, я и то засомневался бы в здравом уме сочинителя, ибо всегда считал, что человек — создание сложное и в каждом есть как хорошее, так и дурное. Эта моя теория людских страстей не позволяла мне верить, что кто-то может быть настолько одержимым злом, чтобы получать удовольствие от мук и страданий других людей.

Когда Сарсфилд говорил о миссис Лоример, я счел абсолютно естественным поинтересоваться, изгладила ли череда последующих событий из его памяти впечатления тех давних дней и не проснулась ли в нем в этот более благоприятный период его жизни прежняя любовь к моей госпоже. В ответ он дал мне понять, что испытывает к ней те же чувства, что и тогда. Сказал, что надежда на новый виток их отношений ни на миг не

покидала его, а теперь и вовсе окрепла. Заверил, что у него хватит силы духа перенести неудачу, но также хватит и мудрости не потерять голову, если судьба будет к нему благосклонна.

В дальнейшем я убедился, что чаяния моего друга не были беспочвенными. Его намеки, изъявления его чувств она принимала легко и непринужденно, казалось даже, что она слегка заигрывает с ним, поощряя к ухаживаниям; и поскольку ее искренность и доброжелательность остались прежними, надежды Сарсфилда вполне могли осуществиться.

Глава VII

— Разлука с Кларисой затянулась. Ее подруге к концу месяца стало чуть лучше. А я начал терять терпение и снова навестил их, но был вынужден вернуться один. Приехав в Дублин поздно вечером, я почувствовал себя крайне утомленным и поспешил к себе в комнату.

Услышав о моем приезде, Сарсфилд выразил желание повидаться со мной. Новости, которые он собирался мне сообщить, были, по его мнению, настолько важными и безотлагательными, что он счел возможным войти в спальню и разбудить меня…

В этот момент Клитеро замолчал, прервав свой рассказ. Он побледнел сильнее обычного. Похоже, его мучили сильные мозговые спазмы. Ему был необходим небольшой перерыв, чтобы отдохнуть. Через короткое время приступ прошел, и он заговорил вновь, сначала сбивчиво, дрожащим голосом, а потом все более твердо и уверенно.

— Проснувшись, я обнаружил, что Сарсфилд сидит у моей постели. Он выглядел очень встревоженным. Осознав это, я сразу поинтересовался,

что случилось.

Сарсфилд сокрушенно вздохнул.

«Простите меня за столь несвоевременное вторжение, — сказал он. — Но из-за пустяка я бы не стал вас тревожить. Два дня я не находил себе места и еле дождался вашего возвращения. Счастье, что вы тут. Я очень нуждаюсь в помощи, и мне необходим ваш совет».

«О Господи! — воскликнул я. — Это звучит пугающе. Разумеется, вы можете рассчитывать на меня. Но что произошло?»

«Вечер вторника, — ответил он, — я провел здесь. Домой шел уже в ночи. Не успел я потянуться к дверному колокольчику, как вдруг шагах в десяти увидел человека, который стоял, прислонившись к стене. По его позе я понял, что он за мной наблюдает. А потом свет круглого фонаря, висящего над дверью, осветил лицо этого человека. Я мгновенно узнал его и остолбенел. У меня не было сил ни что-либо сделать, ни даже пошевелиться. Несколько секунд я, застыв на месте, просто пристально смотрел на него. Но ему было все равно. Он ничуть не смутился. Его не волновали возможные последствия того, что я знаю, кто он. Наконец он медленно повернул голову, не меняя при этом ни позы, ни выражения

лица. Не могу передать, в каком шоке я пребывал все это время! И с момента, как я вошел в дом, у меня невыносимо тяжело на душе».

«Но я не вижу причин для беспокойства».

«Так, значит, вы еще не догадались, кто это был?» «Нет…»

«Артур Уайетт».

«Господи! Это невозможно! Брат госпожи?»

«Он самый…»

«Нет! Разве не сообщали, что он мертв? Что его убили на корабле по дороге к месту ссылки?»

«Это был всего лишь слух, а слухи зачастую не соответствуют действительности. Я не могу не доверять своим глазам, только не в этом случае. Как его сестру, так и самого Артура Уайетта я узнаю, где бы ни встретил. Это он! Убили его или нет, но он жив и находится здесь, в Дублине!»

«А потом — был ли у вас случай убедиться в этом?»

«Да. Очнувшись от потрясения, я первым делом решил принять кое-какие меры предосторожности. Вам известно, что за человек Артур Уайетт, насколько он порочен и неисправим. Годы ничуть не изменили его. Достаточно было взглянуть ему в лицо, чтобы понять это. Все те же злобные черты, все те же темные, отвратительные стра-

сти, застывшие в его глазах. Вы ведь помните, что он пригрозил сестре местью. Теперь всего можно ожидать. Не знаю, как предотвратить опасность. Я очень надеялся, что, когда вы вернетесь, мы вместе что-нибудь придумаем, а до тех пор счел целесообразным хоть немного подстраховаться. На следующий день я пришел сюда на рассвете. Гауэн, старик привратник, наслышан о злодеяниях Уайетта. Предупредив его, что этот дьявол воскрес из мертвых, я велел ему следить за всеми, кто подходит к воротам, и, если Уайетт объявится, ни в коем случае не пускать его в дом. Старик клятвенно обещал во всем следовать моим указаниям. Он испугался еще сильнее, чем я, и понимал, почему необходимо оградить хозяйку от ее брата».

«А госпожу вы поставили в известность?» — спросил я.

«Нет. Что я могу ей сказать? И какой от этого прок? Зачем заставлять ее страдать? Но я еще не все рассказал. Вчера Гауэн известил меня о его приходе. Накануне Уайетт появился у ворот. Требовал немедленно пропустить его к сестре, но старик ответил, что она занята и не может с ним встретиться. Тогда он принял надменный вид и высокомерным тоном сообщил, что его

дело не терпит ни малейшего отлагательства. Гауэн остался непреклонен. Уайетт с огромным нежеланием удалился, заявив перед уходом, что завтра снова придет — и пусть только попробуют его не пустить! Пока он больше не появлялся, я узнавал. Что теперь делать?»

Я был растерян не меньше, чем мой друг. Такого никто не мог предвидеть. Кроме неприятностей, от столь закоренелого негодяя, как Уайетт, ничего ждать не приходилось. Его угрозы отомстить сестре все еще звучали у меня в ушах. Как помешать ему? Увы, по закону с ним не сладить. Закон в данном случае бессилен. Девять лет прошло со времени его осуждения. Семь из них он провел в ссылке и вернулся, полностью отбыв наказание. А нового преступления пока не совершал. Никто не вправе преследовать его. Остается только одно — предотвратить злодеяние. Кроме того, даже будь у нас возможность действовать по закону, нам пришлось бы поставить в известность госпожу, согласовать с ней все действия. Но она ни за что не допустила бы этого. В ее добром сердце нет места опасениям, тем более в отношении брата. Настаивая, что его ненависть грозит ей бедой, мы ничего не добьемся. Она отвергнет любые наши доводы. Может быть, даже, как заботливая сест-

ра, захочет помочь ему вновь занять достойное место в обществе. Я понятия не имел, что предпринять. Если бы нам удалось убедиться, что он опасен, то, зная историю его жизни, его наклонности, вероятно, мы сумели бы что-то доказать и найти средства противостоять ему.

Как это сделать? Думаю, искать его не придется. Он ведь обещал вернуться, чтобы повидать сестру. Пусть какой-нибудь верный человек, снабженный подробным описанием внешности и костюма Уайетта, караулит у ворот, а когда тот появится, проследит за ним и обо всем, что выяснит, сообщит нам.

Сарсфилд одобрил мой план. Ничего лучше он предложить не мог, поэтому мы решили начать действовать.

Так я оказался во власти новых забот. Меня одолевали мрачные предчувствия. Будущее уже не виделось мне безоблачным и счастливым. Понять и разделить наш страх перед этим человеком способен был лишь тот, кому, как и нам, довелось осознать всю меру его извращенной натуры. Новое появление Уайетта, подобно мучительной язве, грозило отравить счастье моей покровительницы. Было в его возвращении сюда что-то зловещее. Меня не покидало ощущение,

что это чревато непредсказуемыми последствиями, но какими именно — я мог только гадать.

Сей дьявол во плоти появился у нас на пороге почти сразу же вслед за Сарсфилдом. Оба они возникли из небытия совершенно неожиданно и практически одновременно, без предупреждения. Казалось бы, что в этом такого? Но за внешней обыденностью ситуации таилось нечто непостижимое, перед чем человеческий разум был бессилен. От осознания, что Уайетт — отец Клариссы, у меня сжималось сердце. Ведь он жестоко лишил молодую мать моей невесты чести и доброго имени. Он виновен в ее безвременной кончине. Да и Клариса, брошенная в младенчестве на произвол судьбы, могла стать жертвой закоснелой алчности в руках негодяев, торгующих девичьей невинностью. Он сделал все, чтобы толкнуть ее на путь позора и нищеты. Может ли он теперь предъявлять на нее родительские права? И как он собирается распорядиться своим отцовством?

Из-за этих мыслей я всю ночь не спал. Не мог даже просто спокойно лежать или сидеть, мне нужно было непрерывно двигаться, и я ходил из угла в угол. Не помню, чтобы когда-либо мыслительный процесс протекал у меня так

напряженно. Никаких подтверждений моим зловещим предчувствиям не было, и тем не менее мне не удавалось от них избавиться. Но почему, как это объяснить?

Сарсфилда, вероятно, не мучила бессонница. Конечно, покой его не мог быть совершенно безмятежным, но когда мой друг размышлял о грозящих бедствиях, его язык не прилипал к гортани и горло не пересыхало от жажды, и ему не надо было без конца брать себя в руки и подстегивать свою мысль. Если меня повергали в дрожь опасения за судьбу девушки, которая волею судеб была дочерью негодяя, то разве мой друг не переживал за свою возлюбленную, уже пострадавшую от жестокости брата, тем более когда тот лелеял планы кровавой мести? И все-таки Сарсфилд был спокоен, а я истерзан тревогами.

Увы! Разница легко объяснима. Уже тогда появились первые симптомы моего разрушительного недуга, обнаружились первые признаки той демонической силы, что своими проклятыми происками вела меня к гибели. Возможно, вас пугает то, что я говорю. Вряд ли вам прежде приходилось выслушивать подобное. Вам даже, наверно, кажется, что мною иногда овладевает подлинное безумие. На самом деле я отдаю себе

отчет в каждом сказанном слове. Это не догадки, не предположения, это — истина. Впрочем, меня не интересует, до какой степени вы сомневаетесь в моей правдивости. Думайте, что хотите. Считайте, что я сам запугал себя или позволил дьявольским козням овладеть моим рассудком.

После ухода Сарсфилда я даже не прилег, проведя эту бессонную ночь на ногах. Я полагал, что смогу позволить себе насладиться отдыхом лишь после того, как моей госпоже ничто не будет угрожать.

Утром я встретился с Сарсфилдом. Согласно нашему плану мы наняли человека, чтобы он следил за Уайеттом. День прошел спокойно, с госпожой ничего не случилось. Вечер она провела в компании друзей. Теперь и я был допущен в этот круг, в котором мы с Сарсфилдом стали завсегдатаями. Легкий непринужденный разговор затрагивал разнообразные темы. Мужчины и женщины поражали образованностью, остроумием, прекрасными манерами. Казалось, что самые блистательные люди столицы собираются именно здесь, в гостиной миссис Лоример.

После легкого ужина гости начали расходиться. Это произошло раньше обычного, поскольку госпожа почувствовала легкое недомогание. Мы

с Сарсфилдом ушли вместе, чтобы встретиться и переговорить с человеком, которого подрядили следить за Уайеттом. Не получив сколько-нибудь удовлетворительных сведений, мы его отпустили, предупредив, что завтра нужно будет продолжить наблюдение. Потом мой друг пошел к себе, а мне еще предстояло выполнить поручение госпожи.

Несколько дней назад на депонент банка была внесена довольно крупная сумма денег, предназначавшаяся миссис Лоример: один из ее кредиторов возвращал ей долг, который по ее требованию она могла получить сама или через доверенное лицо. Доверенным лицом был я, это входило в мои обязанности. А так как у меня появилось много хлопот из-за Уайетта, мне пришлось отложить визит к банкиру на столь поздний час.

Получив деньги, я направился домой. Несмотря на снедавшее меня беспокойство в связи с информацией, полученной от Сарсфилда, я тем не менее старался делать свою повседневную работу так же исправно, как обычно. Но в минуты досуга, когда я не был занят делом или беседой, мои мысли постоянно возвращались к больной теме. Я анализировал возможные опасности и

придумывал, как их можно избежать. И хотя эти размышления изрядно мучили меня, все-таки им было далеко до моих ночных кошмаров.

Выйдя от банкира, я вновь погрузился в осмысление не дававшей мне покоя проблемы. В памяти всплывали подробности недавних происшествий, и я пытался понять, к каким последствиям все это может привести. Мои выводы были отнюдь не безнадежны. Даже сгустившийся сумрак не сделал их более зловещими. Преступные намерения, когда о них известно заранее, можно предотвратить, главное — быть бдительным и осторожным. Ничего нового не произошло, а значит, уже предпринятые меры пока оправдывают себя. Я снова и снова проигрывал в уме различные варианты развития событий, и мое настроение не становилось ни более радужным, ни более мрачным, чем прежде.

С такими мыслями я шел домой, и идти еще было довольно далеко. Мой путь лежал по густонаселенным, многолюдным кварталам, но в одном месте я мог сократить дорогу, свернув в темный, узкий, кривой переулок. Хорошо зная Дублин, я выбрал этот не самый приятный, зато кратчайший маршрут и, кроме ночного стража порядка, не встретил по пути ни одного человека.

Однако в нескольких шагах от широкой оживленной улицы меня нагнал мужчина. «Считай, что ты уже труп, мерзавец!» — воскликнул он, приближаясь ко мне.

Прежде чем я увидел у него в руке пистолет, раздался выстрел, от которого у меня заложило уши. Со мной, похоже, все было в порядке, даже душевное равновесие восстановилось довольно быстро. Я пошатнулся, но удержался на ногах.

Пуля, как я потом обнаружил, поцарапала мне лоб, однако серьезного ущерба здоровью не нанесла. Убийца отбросил оказавшийся неэффективным пистолет и с криком: «Все равно тебе конец!» — выхватил нож.

Я вовремя заметил его движение — свет фонаря блеснул на лезвии. Все произошло в одно мгновение. Я еще не оправился от шока, произведенного выстрелом, и действовал машинально, не контролируя себя. Лишь позже, восстанавливая в памяти случившееся, я представил в точности, как все было.

Если бы нападавший сбежал, сделав выстрел, он остался бы невредимым — я не смог бы оказать ему сопротивление. Как бы то ни было, заметив сверкнувшее лезвие ножа, я механически полез в карман за своим пистолетом.

И как только он занес руку для удара, его пальцы безвольно разжались. Он упал; по стонам я определил, что мой выстрел опередил его удар. На шум стрельбы сбежались люди. Принесли факелы, и я увидел распростертое у моих ног тело. По возможности кратко я объяснил, как все произошло. Двое мужчин подняли раненого с земли и понесли в трактир, располагавшийся поблизости.

Я не потерял присутствия духа. Мне сразу же пришло в голову, что пострадавший нуждается в медицинской помощи. Неподалеку жил очень опытный хирург, с которым мы были хорошо знакомы, и я послал за ним. Раненого внесли в большую комнату и положили на пол. До этого времени я понятия не имел, кто он. Теперь смог рассмотреть его лицо. Смертельная бледность не помешала мне узнать этого человека. Уайетт, да, Уайетт лежал, стеная, у моих ног!

Вскоре пришел хирург, который сообщил, что надежды нет. Через четверть часа Уайетт скончался, не приходя в сознание. Хирург, домовладелец и еще несколько свидетелей хорошо меня знали. Особых объяснений не потребовалось. Мне можно было поставить в вину только самозащиту. Домовладельца попросили оставить

у себя труп до утра, а меня беспрепятственно отпустили домой.

Глава VIII

— До сих пор мой мозг лишь спонтанно отзывался на все, что я делал или переживал. Я не мог оценивать происходящее так, как оценивал его теперь, в отсутствие непосредственной угрозы.

Опасность, исходившая от этого человека, угнетала меня. И я даже не задумывался, что будет, если источник опасности уничтожить. В то время мне казалось, что главное — найти способ обезвредить его, призвав на помощь проницательность и храбрость. И вот угрозы больше нет. Разум, в котором мог созреть чудовищный план, угас навсегда. Руки, готовые исполнить волю этого разума, отныне неподвижны. В одно мгновение Зло утратило силу, и никогда уже Артур Уайетт не сможет осуществить своих коварных замыслов. Наша жизнь после сообщения о его гибели во время бунта на корабле была спокойна и безоблачна. Потом страх и смятение вновь овладели нами, когда ошибочность этой информации стала очевидной. Но теперь его смерть позволяла восстановить прежнюю идиллию. Я собственными глазами видел труп нашего вра-

га. Бесславной карьере этого человека, всем его злостным интригам и безумным намерениям, так долго державшим нас в страхе, пришел конец!

В ходе моих недавних размышлений мелькала и мысль о возможной кончине Артура Уайетта, что представлялось мне желательной развязкой. Но я почти не рассчитывал на такой исход. Среди длинного перечня всевозможных случайностей была и эта, но вероятность ее, как и всякой другой, казалась ничтожно малой. На то, что это может произойти внезапно, рассчитывать не приходилось. Я полагал, что, если нам доведется убить его, сначала мы должны будем придумать множество хитростей и уловок, составить подробный план действий.

И вот он мертв. Я убил его. Как это возможно? Я ничего не замышлял заранее. Меня вынудила необходимость. Окажись на месте Уайетта мой родной отец, все было бы точно так же. Я не отдавал себе отчета в том, что творю. Неужели это правда? Какой-то миг — и злодея больше нет. Глаза не обманывали меня. Я видел его агонию, видел его последние судороги. Зло уничтожено, и это сделал я!

Вот в каком состоянии пребывал мой рассудок после ужасного происшествия. До этого я был

спокоен, внимателен, сосредоточен. Смотрел по сторонам, отмечая все, что попадалось мне по пути. Был склонен к раздумьям, но они не захватывали меня полностью, не мешали воспринимать окружающий мир. Что-то приковывало мое внимание, что-то нет, я легко отвлекался от собственных мыслей, наблюдая за тем, что происходит вокруг.

Теперь свободному волеизъявлению пришел конец. Мой разум — в оковах! Сраженный удивлением и обессиленный, я был сбит с толку и от избытка противоречивых мыслей не мог здраво рассуждать. Не мог даже следить за дорогой. Когда мне наконец удалось сконцентрироваться, я сообразил, что держу путь не домой, а в противоположную сторону. В нескольких шагах был виден особняк банкира. Тут только я спохватился и повернул обратно.

Мысли о доме пробудили во мне новые переживания. Я совершил непоправимое! Человек, которого я убил, был братом моей благодетельницы и отцом моей возлюбленной.

Стоило мне подумать об этом, и меня тут же захлестнуло безысходное отчаяние. Как я расскажу о случившемся? Какой эффект это произведет? Благородство и доброта госпожи порой застили

ей правду, мешая видеть то, что подсказывало благоразумие. Безнравственность ее брата не знала границ. Язык сострадания был для него не более понятен, чем бормотание обезьяны. За сорок лет жизни он совершил множество черных дел, но сердце его было глухо к раскаянию. Он преследовал только одну цель — отнять у сестры душевный покой и, опровергая доводы добра, опорочить ее имя.

И все-таки он был ее братом. Человеческая природа такова, что даже у самого злостного негодяя под воздействием благотворного влияния может проснуться совесть. Во всяком случае, пока он жив, надежда на это продолжает теплиться. Узы родства близнецов гораздо крепче, чем бывают просто у брата и сестры. Миссис Лоример всегда полагала, что их судьбы тесно переплетены. Слухам о его гибели она отказывалась верить. То, что обрадовало ее друзей, вздохнувших с облегчением, ей самой принесло лишь боль и отчаяние. Мысль, что когда-нибудь он вернется домой, раскается, встанет на путь добродетели, утешала мою госпожу, которая упрямо держалась за нее.

Вы уже представляете себе характер этой женщины. Когда Артура Уайетта приговорили к ссылке, она приняла решение защититься от

клеветы, основанной на ложном толковании ее невмешательства в судебный процесс. Рукопись, хотя и не опубликованная, была широко распространена. Никто не мог устоять перед простодушным и трогательным красноречием миссис Лоример, без того чтобы преисполниться восхищением ее справедливостью и силой духа. Эта рукопись — единственное свидетельство литературного дарования госпожи. Навечно запечатленная у меня в памяти, она была моим советчиком, влияла на мои собственные мысли.

Увы! Лучше бы я предал ее вечному забвению. В каждой строке, в каждом слове я находил осуждение того, что сделал, предвидя грядущие муки своей благодетельницы и представляя, какое негодование обрушится на виновника столь ужасного бедствия.

Я спасся за счет его жизни. Это мне следовало умереть. Жалкий трус! Где же моя хваленая благодарность? Ведь я клялся верой и правдой служить госпоже. Хороша услуга — убить ее брата и тем самым уничтожить надежду на его раскаяние, которую она так страстно и неустанно лелеяла! Из-за презренного чувства самосохранения, лишившего меня мужества, я оказался ничтожеством в момент испытания, когда Не-

беса призвали меня доказать искренность моих заверений.

А она верила мне. И ее доброта всегда была бескорыстна. Она не осудила мою попытку избавиться от бремени ее благодеяний. Безумная тревога, с которой она умоляла своего возлюбленного не мстить Уайетту, звучала у меня в ушах, заставляя переживать все вновь и вновь. Мне явственно слышались ее голос и полные горечи слова: «Не трогай моего брата. Где бы ты ни встретил его, как бы он ни был опасен, дай ему уйти невредимым. Можешь расстаться со мной, можешь меня возненавидеть, даже убить — я вынесу это. Только об одном молю: пощади моего несчастного брата. Убив его, ты убьешь и меня, и не просто убьешь, а обречешь мою душу на вечные муки!»

Я оказался глух к ее мольбам! Разумеется, я никогда не стрелял бы в него, если бы он был безоружен и не угрожал моей жизни. Я не способен на такую низость.

Но увы! Содеянное мной все равно ужасно. Я растоптал то, что питало надеждой самого дорогого для меня человека. Мне не место в обществе людей.

Вот какие чувства клокотали во мне. Я сбавил

шаг. Потом остановился и вынужден был прислониться к стене. Острая боль пронзила мое сердце и эхом отозвалась во всем теле. Я был во власти одной мысли, сводившей меня с ума. Госпожа, говорил я себе, верила, что судьба ее намертво переплетена с судьбой брата. Кто посмеет утверждать, что это не так? Она наслаждалась жизнью, несмотря на всеобщую уверенность, что Уайетт мертв. Она не придавала значения слухам. Почему? Потому что не было доказательств, которые убедили бы ее? Или она не сомневалась, что он жив, черпая уверенность в своей неразрывной связи с ним? Можно ли не принимать во внимание это предположение? Разве она не оказалась права?

Ну, вот я и подошел к тому кошмару, рассказ о котором оставил напоследок. Удар, нанесенный мною Уайетту, предопределил и судьбу его сестры.

Она заблуждалась. Ее убеждения питались фантазией, и только. Но это не важно. Всякий верующий знает, что доводы веры неопровержимы. Пульс жизни бьется, пока есть воля и желания. Кто сообщит ей страшную новость, станет посыльным Смерти. Беззаветная любовь к брату — ее злой рок. Она содрогнется, упадет без чувств

и погибнет от такого известия.

О, моя преступная близорукость! За все в жизни приходится платить. Я думал, что ценой его смерти мы обретем уверенность и безопасность. И вот дело сделано! Опустошение и отчаяние таились до поры, пока он был жив. С его последним вздохом я выпустил их на свободу, дав им безраздельную власть. Моя госпожа, Клариса, Сарсфилд и я — все мы теперь обречены, крушение неизбежно!

Я уже говорил, что был не в себе. Не понимал, сколько прошло времени. И сам удивлялся своему оцепенению.

Мои чувства словно спали, а подсознание, видимо, бодрствовало, благодаря чему я, понятия не имея каким образом, оказался у себя в комнате. Как бы там ни было, но это так.

А жизнь продолжалась. Возможно, я не вполне доверял свидетельствам собственной памяти, которая подтверждала, что все произошедшее — правда. Теперь мне осталось рассказать вам лишь финал этой истории; но где взять силы, чтобы довести мою исповедь до конца? В сравнении с кошмаром душераздирающей развязки то, что вы слышали до сих пор, светло и прозрачно, как ажурная паутинка. Небеса карают меня, не пре-

пятствуя мне говорить. И это еще раз доказывает, что тонкая нить моей ничтожной жизни скоро оборвется.

Разум не в состоянии был осознать весь этот ужас. Рассудок у меня помутился, мое безмерное отчаяние достигло апогея, и я не видел никакой возможности развеять его. В душе воцарились буря и мрак. В ушах звучали стенания и жалобы. Стояла глубокая ночь, огромный город затих. Тем не менее я напряженно вслушивался, пытаясь уловить какой-нибудь намек на уже начавшуюся панихиду. Траурные одежды, скорбные рыдания, мучительная торжественность — воображение погружало меня в атмосферу смерти и похорон. Словно я уже пережил все то, что еще только предстояло. Пережил и прочувствовал, оказавшись в самом средоточии того ада, который так страшил меня.

Ничего хорошего в такой ситуации ждать не приходилось, но последний шаг к окончательному крушению не был сделан. Я словно застыл на краю пропасти, пытаясь оценить глубину поразившего меня умопомешательства, и на удивление спокойно размышлял о случившемся и обдумывал создавшееся положение. Безумная мысль, созревшая в моем больном мозгу, превра-

тилась в навязчивую идею. Догадка переросла в уверенность. Я с неопровержимой ясностью осознал, что, убив Уайетта, обрек на смерть свою госпожу. Когда мне удалось немного совладать с обуревавшими меня страхами, я начал анализировать возможные последствия, от предвкушения которых мой разум наполнялся еще большим ужасом.

Если мистическая связь брата и сестры действительно существует, то в чем это проявляется? Как на каком-то чувственном уровне один из них понимает, что происходит с другим? Могла ли она узнать о смерти брата не от очевидца, а иным, неведомым мне путем? Я слышал о невероятных случаях связи между людьми, находившимися на большом расстоянии друг от друга. Что, если ей уже все известно? И теперь она мучается в агонии или вслед за братом тоже испустила дух?

Волосы у меня встали дыбом, стоило мне подумать об этом. Ведь сила сакральной связи может быть фантастической. И тогда удар, предназначенный брату, способен оборвать жизнь сестры в любой момент, даже когда она почивает или занята беззаботными размышлениями. В их судьбах не было ничего общего, но роковая зависимость могла проявиться в корреляции

смерти. Как на состоянии моей госпожи отразилась кончина ее брата? Домашние уверены, что она спокойно спит. А вдруг они пребывают в плену заблуждений? Вдруг ее благородное лицо уже искажено трупным окоченением? Так или иначе, но до утра все равно ничего нельзя узнать. Неужели придется столько ждать? Почему бы не выяснить правду немедленно?

Все это молнией промелькнуло у меня в голове. Нужно, однако, много времени и еще больше слов, чтобы передать мысль, осенившую меня в один короткий миг. Так же мгновенно созрело во мне решение проверить, верны ли мои подозрения. В доме все уже спят. Ничего не стоит окольными путями, никого не потревожив, попасть в большую залу, откуда две лестницы ведут наверх. По одной из них можно попасть в гостиную миссис Лоример, с восточной стороны которой находится дверь в хозяйские покои. Первая комната предназначалась для служанок. Во второй располагалась спальня самой госпожи. Местоположение этого алькова по отношению к другим помещениям я хорошо знал, но мне никогда не доводилось там бывать.

Итак, я решился проникнуть к ней в спальню. Меня уже ничто не могло остановить — ни свя-

тость ее личного пространства, ни неурочный час. Мои чувства словно бы атрофировались, я жаждал лишь одного — избавиться от своих опасений. Впрочем, никакого паритета между страхом и надеждой не было. Я практически не сомневался, что трагедия произошла одновременно в ее спальне и на улице, как если бы видел все своими глазами, но признавать этого не хотел, не мог примириться с ужасной правдой.

Чтобы положить конец невыносимому напряжению, я решил немедленно отправиться в покои госпожи и, взяв светильник, ступил в темную галерею. Вокруг никого не было. Впрочем, я даже не помышлял об осторожности. Встретив по пути слугу или ночного грабителя, не уверен, что заметил бы их. Поглощенный своей целью, я не мог отвлекаться на случайные мелочи. Не поручусь, что за мной не наблюдали. Планировка дома вполне позволяла следить за кем-то, не боясь быть обнаруженным. К центральной его части примыкали два боковых крыла, в одном обитали слуги, а в другом, в самой глубине которого находилась и моя комната, располагалась библиотека, а также залы и кабинеты для деловых, светских и литературных приемов. В ночное время эта часть дома была пустынной, и

я миновал ее беспрепятственно. Маловероятно, что меня мог кто-то видеть.

Я вошел в холл. Главная гостиная помещалась как раз под спальней госпожи. Пребывая в крайнем смятении, я перепутал два этих помещения, однако быстро понял, что ошибся, и начал подниматься по лестнице. Сердце у меня отчаянно колотилось. В комнате для прислуги дверь была приоткрыта, но стоявшая недалеко от входа кровать была задернута плотной занавеской. Я не стал проверять, спит ли там кто-нибудь, и бесшумно прошел мимо. Во всяком случае, не помню, чтобы меня насторожили какие-нибудь признаки прерванного сна или тревоги. Пока я не подошел к спальне госпожи — тут мое сердце чуть не выскочило из груди. Теперь, когда все должно было решиться, ужасные предчувствия снова нахлынули на меня. Потрясенный, обессиленный страхом, я был не в состоянии отворить дверь. Как я вынесу кровавое зрелище, которое рисовало мне мое воображение? Что ждет меня за дверью? Еще несколько шагов — и кошмар, мною же порожденный, станет явью. Прав ли я, что решился потревожить госпожу? Сомнения еще были. А вдруг все же предчувствия меня обманули? Что, если она жива и здорова? По крайней

мере, это будет отсрочкой страшного приговора. Что же мне делать? Нет ничего хуже неопределенности. Если я не могу устранить зло, значит, должен найти в себе силы вынести то, что мне предстоит увидеть. Узнать правду необходимо, иначе мой рассудок просто не выдержит.

Преодолевая страх и чувство вины, я медленно вошел в спальню — взгляд устремлен в пол, каждый шаг дается с трудом. Но вот половина пути уже пройдена. Никаких звуков, похожих на стоны умирающей, я не услышал. Наконец, сделав над собой нечеловеческое усилие, я заставил себя посмотреть.

Ничего, что подтвердило бы мои опасения. Вокруг царили тишина и спокойствие. Сердце от радости подпрыгнуло. Может ли статься, вопрошал я, что меня ввели в обман ночные тени? Нет, этого недостаточно, надо убедиться окончательно.

Кровать стояла в глубине алькова. Я хотел знать точно, что с госпожой все в порядке. Как избавиться от сомнений? О двусмысленности своего поведения я не думал. Если она в постели и мое вторжение разбудит ее? Она откроет глаза и увидит, что я склоняюсь над ней. Как я объясню столь неожиданное и непристойное

проникновение в ее покои? Я не могу рассказать ей о своих страхах. Не могу признаться, что мои руки обагрены кровью ее брата.

Разум отказывал мне, словно разучившись мыслить. Суть происходящего ускользала от меня. Но никакие препятствия не сумели бы в тот момент охладить мой порыв.

Оставив лампу на столе, я приблизился к кровати и, медленно отдернув полог, удостоверился, что госпожа спокойно спит. Мгновение постоял, вслушиваясь. Ее сон был глубок и безмятежен, даже дыхание не нарушало тишину спальни. Тогда я задернул полог и отошел.

Невероятное блаженство и безмерная нежность наполнили мою душу! Ужас отчаяния сменился несказанной радостью. Я даже замер на миг, упиваясь охватившим меня счастьем. Увы! Это быстро прошло. Безумие, черным наваждениям которого действительность противопоставила прекрасный образ, опять захлестнуло мой разум.

Да, думал я, она жива. Она безмятежно спит и видит благостные сны. Она не ведает подстерегающей ее судьбы. На несколько часов отодвинуты мука и смерть. Она проснется, и тут же фантом, оберегавший ее сон, испарится. Печальная новость все равно станет ей известна. «Увы, моя

благодетельница! Не может убийца твоего брата наслаждаться твоей улыбкой. Никогда больше не встретишь ты меня ласковым взглядом. Все теперь будет по-другому. Хмурые укоры, гнев и оскорбления, проклятия и твое вечное осуждение ждут меня».

Что есть блаженство, которым я так самонадеянно и легкомысленно упивался? Одно мгновение спокойствия и жизни. Она проснется лишь для того, чтобы ужаснуться моей неблагодарности. Проснется, чтобы осознать, что на нее надвигается смерть. А когда снова попадет в объятия Морфея, пробуждения уже не будет. Я — ее сын, человек, волею рождения обреченный на тяжкий труд и нищету, но избавленный от этого зла ее бескорыстным милосердием, благодаря чему смог приобщиться к сокровищам разума, высоким играм познания и обольщениям богатства. Мне было даровано счастье взаимной любви с прелестным созданием, в чьем облике воплотились ангельские черты приемной матери. Всем этим я обязан ей! И как я отплатил за ее благодеяния? Как выразил свою благодарность, на которую она, несомненно, имела право? Как выполнил то, к чему призывал меня долг? А вот как!

Неужели мне нет оправдания? Неужели я больше не способен на добрые дела? Неужели мой удел — творить одни лишь злодеяния? Неужели я стал посланником ада, чьи поступки преследуют единственную цель, и цель эта — зло? «Я виновник твоих страданий. Я причина новых бед, которые тебе предстоит испытать. Так не должен ли я остановить это? Не должен ли воспрепятствовать твоему пробуждению, зная, что отныне жизнь твоя будет мучительно-беспросветной? Да, это в моей власти: скрыть от твоих очей надвигающуюся грозу, ускорить твой переход к вечному умиротворению. Я сделаю все, что требуется».

Разум не стал препятствовать моему безумному порыву. Мысли проносились у меня в голове с быстротой молний. «Лучшим орудием для твоего избавления от мук будет острый кинжал». Когда я ставил на стол лампу, мне померещилось, что сверкнуло лезвие. Но я не обратил на него пристального внимания, пока в этом не было нужды. Как и зачем на столе оказался кинжал, какому темному делу успел он уже послужить, я не знал, и спросить было не у кого. Недолго думая, я подошел и схватил его.

Все произошло так стремительно, что времени на спасение не оставалось. Моя гибель была пред-

определена такими силами, которым никто не способен противостоять. Нужно ли продолжать? Могли вы представить себе столь ужасающую трагедию? Я испытывал поочередно смятение и восторг. То готов был вырвать сердце из своей груди, то отказывался верить приговору собственных чувств.

Сам ли я осмелился на это? Конечно нет! Мной овладел злой дух. Чужая высшая воля направляла меня. Мышцы отказывались подчиняться мне. Я беспокоился лишь о том, как бы не дрогнула рука. Секундное замешательство, не более. Если мой крах не был предначертан свыше, почему ни разу не посетила меня мысль о Кларисе? Впрочем, слишком долго я вам все это рассказываю. Роковое решение созрело, и я поспешил исполнить его; осмысливать что-то было уже некогда.

Что дальше? Обагрил ли я руки драгоценной кровью госпожи? Достиг ли высшего проявления того кошмара, что был задуман моим злым гением? Несомненно, он преследовал именно такую цель, избрав меня своим орудием.

Я занес кинжал. Острие было направлено в грудь спящей. Побуждающий к действию импульс уже делал свое дело.

И вдруг пронзительный крик раздался у меня

за спиной; чья-то рука, схватив клинок, стала отводить его от цели. Кинжал все же опустился, но сила удара была ослаблена и острие, сместившись, вошло в кровать.

О! Где найти слова, чтобы описать столь бурный поворот событий? Кинжал выпал из моей руки. Отпрянув к стене, я устремил исполненный неистового любопытства взгляд на того, кто спас меня от непоправимого злодеяния. Кто помешал мне осуществить дьявольский замысел, неожиданно появившись в самый роковой момент неизвестно откуда и с какой целью. Воистину, сам Бог послал его мне!

Достаточно было одного взгляда на спасителя, чтобы подтвердить мою догадку. Фигура, черты лица… миссис Лоример! В свободном, накинутом впопыхах ослепительно-белом пеньюаре; ужас и изумление написаны на лице; и совершенно невероятное сходство с той, что почивает в постели, одновременно стоя передо мной.

В моем понимании, облик и характер этой женщины всегда ассоциировались с ангелом. Должно быть, ее ангел-хранитель спустился с небес на землю, дабы защитить от меня. Когда рассудок человека в смятении, первыми приходят на ум именно такие мысли.

Не в силах говорить, я перевел взгляд с той, что стояла, на ту, которую пытался убить. Пробудившись от громких возгласов, она открыла глаза, подняла голову от подушки, лицо ее озарил свет, и — о Боже! — я узнал Кларису.

Три дня назад я оставил ее у постели умирающей подруги, в одиноком особняке на холмах Донегола. Она хотела побыть с бедняжкой до конца, до самого последнего ее вздоха. Убежденный, что она далеко и что это покои моей госпожи, находясь в горячечном плену собственных домыслов, в обманчивом призрачном свете, проникавшем сквозь шторы, я принял Кларису за миссис Лоример, на которую она так была похожа, и подошел к самому краю чудовищной пропасти!

Но почему я остановился, почему не бросился с обрыва вниз головой? Кинжал все еще может послужить мне. Один удар в сердце, и я буду свободен от тягостного груза воспоминаний и безумных предвидений будущего.

Затуманенный рассудок временно прояснился, дав мне возможность совершить правильный поступок. Но вместо того чтобы осуществить акт сострадания и справедливости, я лишь увеличил меру моей неблагодарности, снабдив крыльями

вихрь, ниспосланный унести меня навстречу гибели.

Видимо, я поддался влиянию чувств, которые не переставал разлагать на составляющие. Мысли о том, какими последствиями может быть чревато мое самопожертвование, завели меня в тупик. Как объяснить, зачем я пришел сюда под личиной убийцы, посягая на жизнь идола моего сердца, любимого чада моей покровительницы? Как описать словами то, что случилось с Уайеттом и какие причины привели к разыгравшейся в спальне сцене? Существует ли наказание, соразмерное моей жестокости и соответствующее моему безрассудству? Что может быть проще, чем обратить кинжал против себя самого? Но разве это не самый легкий выход для меня?

Во второй раз удар был предотвращен. Госпожа опять удержала мою руку от преступления. И вновь рассеялись чары таинственного демона, игрушкой и жертвой которого стал я по воле судьбы.

С каждой минутой увеличивалось число моих смертных грехов. Самоубийство было бы не менее чудовищно, чем покушение на убийство. Я и так отплатил своей покровительнице черной неблагодарностью, причинив ей столько зла,

сколько она оказала мне благодеяний, а теперь еще и вынудил ее спасать меня от очередного безумного поступка.

Я бросил кинжал на пол. Порыв, подсказавший ей удержать мою руку, сменился бурей эмоций, которые неизбежно должно было вызвать все произошедшее. Молча, с невыразимой болью и тревогой взирала она на меня. Клариса, движимая инстинктом целомудрия, поспешила прикрыть краем простыни грудь и лицо, но и ее нечленораздельный возглас свидетельствовал о том, каким безмерным ужасом она охвачена.

Шатаясь, я попытался сделать несколько неуверенных шагов. Голова была как в тумане, жесты лишены всякого смысла. Я шевелил языком, но не мог произнести ни слова, и мне казалось, что между жизнью и смертью идет война за власть надо мной.

Я в этой ситуации, разумеется, не мог оставаться нейтральным наблюдателем и предпочел бы уничтожить себя. Природа и воспитание, однако, не велят нам избавляться от наших недугов путем прекращения жизни. Конечно, пойдя на самоубийство, я бы устранился от дальнейшего участия в этой ужасной сцене, но меня настигло бы неизбежное возмездие и мне были бы угото-

ваны вечные муки.

А значит, я должен жить. Да и нет больше в пределах досягаемости никакого орудия избавления. Бежать куда глаза глядят от этих двух женщин, скрыться навсегда от их испытующих взоров, их укоризны, лишить их памяти о самом существовании Клитеро — такова была конечная цель моих неизреченных чаяний.

Мечтая упорхнуть как птица, я не мог двинуться с места. Мне казалось, что, если кто-нибудь не прервет эту паузу, я буду стоять так до скончания веков.

В конце концов, всплеснув руками, а потом воздев их к небу, госпожа спросила с печалью и горечью в голосе: «Клитеро! Что это значит? Как ты здесь оказался и зачем?»

Некоторое время я боролся с самим собой, пока ко мне не вернулся дар речи.

«Я приходил убить вас. — У меня не было сил обманывать ее, придумывая что-то в свое оправдание. — Недавно ваш брат погиб от моей руки, поэтому я очень торопился сюда, чтобы и вы последовали за ним».

«Мой брат? — в отчаянии воскликнула госпожа. — О, нет, не говори так! Сарсфилд сказал мне, что Артур вернулся домой, что он жив!»

«Он мертв, — упрямо повторил я, не отдавая себе отчета в собственной жестокости. — Мне это известно, потому что я — его убийца».

«Мертв! — проговорила она слабым голосом. — И это сделал ты, Клитеро? Как жаль, что тебе не удалось убить и меня! Он мертв! Пророчество исполнилось! Теперь и мне не жить, я уничтожена! Навсегда!»

Глаза у нее помутнели, и что-то дикое, шальное появилось в выражении ее лица. Как только в сердце моей госпожи угасла надежда, в тот же миг оборвалась и ее жизнь. Миссис Лоример вдруг обмякла и повалилась на пол, мертвенно-бледная и бездыханная.

Каким образом она узнала о возвращении Уайетта, мне неизвестно. Вероятно, Сарсфилд, раскаявшись в том, что мы держали ее в неведении, успел сообщить ей эту новость за время между нашим расставанием с ним и моей встречей с Уайеттом.

Вот такая развязка ожидала меня. Все было предопределено. Удара кинжалом не последовало лишь для того, чтобы я увидел воочию, как весть о смерти брата погубит ее. Так сбылось жестокое предсказание. Так одержала победу враждебная сила Уайетта, после долгого переры-

ва проявившая себя во всей полноте. Так смерть этого негодяя стала его местью.

И повинен в этом я. Не приходится надеяться, что пелена забвения когда-нибудь избавит меня от зрелища этой ужасной трагедии. Мне предстоит переживать ее вновь и вновь до конца моих дней. Конечно, когда я умру, сотрутся в памяти и все воспоминания, но муки, порожденные ими, не прекратятся никогда — сомнений в этом нет. Ведь смерть — лишь перемена декораций и путь к бесконечному развитию души, цель которого при благоприятном стечении обстоятельств состоит в приобретении опыта, а при несчастливом — в накоплении горя. Самоубийца — враг самому себе; так я считаю. До сих пор это убеждение влияло на все мои действия. Но теперь, хотя я не изменил своего мнения, ничто уже не влияет на меня. И на дне бездонной пропасти я больше не случайный гость — там мне и место. Пусть так. Любая перемена — благо.

Между тем я продолжал влачить свое никчемное существование. А значит, должен был где-то жить. Дальнейшее мое поведение стало следствием упрямства и бунтарских принципов. Я навеки оторвался от родной земли. Дал клятву никогда не пытаться увидеть мою Кларису. Оставил дру-

зей, книги, привычные дела, беспечный досуг.

Во мне больше нет ни стыда, ни страха. Когда-нибудь правосудие этой страны накажет меня по заслугам. Но я стараюсь об этом не думать. Скрыться от преследований и суда не было главной моей целью. В идею отречения от родины и бегства от воспоминаний я вкладывал более глубокий смысл, стремясь довести ее до абсурда, ибо свержение с высот в бездну нужды и отчаяния полностью отражало как тогдашнее, так и нынешнее мое настроение. Это и дало толчок дальнейшим событиям.

Страшные тени преследовали меня, пока я стоял, безмолвно созерцая то, что натворил. Откуда-то доносился непонятный шум, а может, мне только казалось, что я его слышу. Мое сознание все еще оставалось во власти бессвязных грез, хотя мышцы уже вновь налились силой. Я вышел из дома, отворил ворота ключом и поспешил кратчайшей дорогой прочь из города. У меня не было никакого плана. О будущем я имел весьма смутное представление. Но жизнь сама дала мне в руки путеводную нить и подсказывала каждый следующий шаг. Свой дорогой костюм я обменял на отрепья нищего. Волей случая у меня были деньги на первое время. Непонятною силой ведо-

мый, я шел по побережью, от города к городу, не задерживаясь нигде, поскольку ощущал неуемное желание идти дальше. Моя неугомонность была неустанна, а смена впечатлений приносила мне некоторое облегчение. В конце концов я достиг Белфаста. Один из кораблей отправлялся в Америку, и я ухватился за возможность отбыть в Новый Свет. Так я оказался в Филадельфии, а затем попал сюда и был вполне доволен, что проведу остаток моих дней на службе у Инглфилда.

Друзей я здесь не завел. Зачем поверять кому-то свои тайны? Поймите правильно. Мне мало дела до того, поймают меня или нет. Но выслушивать ужасные подробности моей жизни — неужели это кому-то нужно или интересно? И ради чего вспоминать то, что мне так ненавистно? Думаю, теперь, когда вам все известно, вы со мной согласитесь. Я рассказал вам историю своих злоключений. Меня не заботит, как вы используете то, что узнали. Ведь скоро я буду вне досягаемости для человеческого суда. Я освобожу блюстителей закона от необходимости выносить мне приговор. Трагические события, недавно имевшие здесь место, побудили вас поговорить со мной, но они же склонили меня к этой исповеди.

Я не сразу догадался, что страдаю нарушениями

сна. А ведь здоровый сон мог бы ослабить мои мучения; между тем память преследовала меня и когда я бодрствовал, и когда спал. Мной снова овладело беспокойство. Представьте, каково это, когда твои мысли без ведома сознания находят путь к устам и ты бродишь где-то не по собственному желанию, о чем не имеешь ни малейшего понятия.

Произошедшее с вашим другом ужасно, но, как видите, это не единичный случай. Я сожалею о несчастье, которое свело нас здесь. И искренне оплакиваю гибель достойного молодого человека. Мои частые посещения места трагедии могу объяснить только тем, что его гибель слишком напоминает совершенное мною преступление. Это было очевидно сразу. Если время могло отчасти залечить раны, которые остались у меня в душе после моего собственного злодеяния, то случившееся здесь похожее событие воскресило воспоминания и сделало их еще невыносимее.

Пещера в дикой местности, куда вы пришли, преследуя меня, была моим убежищем во время воскресных прогулок. Нередко я давал волю своим горестным чувствам там, на утесах и пустошах. Нередко предавался печальным размышлениям внутри пещеры. Здешние скупые

пейзажи близки моей душе. Холмы и горы навевали на меня образы безысходного отчаяния и одиночества, а низвергавшиеся с высот потоки убаюкивали, заставляя на время забыть об остальном человечестве.

Я понимаю вас. Вы считаете меня виновным в смерти Уолдгрейва. Иначе и быть не может. Вести себя так, как я, мог только убийца. Я не вправе предъявлять вам упреки за ваши подозрения, хотя, чтобы разубедить вас, мне пришлось заплатить слишком высокую цену.

Глава IX

Так завершилась его исповедь. Закончив говорить, он сорвался с места и, не дав мне произнести ни слова, скрылся в лесной чаще. Я не успел его остановить. Да и что я мог сказать ему такого, чтобы он выслушал меня? История Клитеро абсолютно не соответствовала моим ожиданиям и была настолько необычной, что я не обратил внимания на его намек о самоубийстве.

Тайна, ключ к которой я, как мне казалось, уже почти держал в руках, по-прежнему оставалась неразгаданной. Начиная с той минуты, когда характер Клитеро сделался предметом моих раздумий, и вплоть до окончания его рассказа, ничто не подтверждало моих подозрений. Возможно, я был слишком доверчив, и это стало причиной ошибки? Ведь даже похожие истории могут развиваться совершенно по-разному. Есть ли вообще критерий, позволяющий определить истину? Или мне просто не хватило информации, чтобы понять, что его беспокойное поведение было связано с событиями, произошедшими в тысячах миль отсюда, а терзался он из-за того,

что убил свою благодетельницу и друга?

Исповедь Клитеро касалась людей незнакомых мне и опровергала мои подозрения, однако и смерть Уолдгрейва тоже была актом чьего-то мгновенного безумия, и ей тоже сопутствовала ложно понятая идея милосердия.

Я не имел непосредственного отношения к преступлению, совершенному на другом континенте. Жизнь моя до тех пор была скучна и обыденна. Правда, я много читал романов и хроник, и все-таки никогда еще ни одна история не производила на меня такого впечатления, как та, которую поведал мне Клитеро. В книгах я ничего подобного не встречал: опосредованное свидетельство, коим довольствуется читатель, совсем не то, что быть очевидцем или участником событий. Какое-то время я пребывал в замешательстве. Меня преследовали образы из рассказа Клитеро, но в голове моей царил хаос, лишь постепенно я смог разобраться в своих мыслях и все хорошенько обдумать. Как расценить поступок Клитеро? Дикое, прискорбное безрассудство! И вместе с тем неизбежный результат в цепи взаимосвязанных идей. Он исходил из побуждений добра. Пылкий, благородный дух привел его к этому.

За убийство Уайетта его ни в коем случае нельзя осуждать. Жизнь Клитеро представляла гораздо большую ценность, нежели жизнь его врага. И им руководил естественный рефлекс самозащиты. К тому же он не узнал нападавшего; в противном случае только Всевышнему ведомо, как бы все обернулось. Окажись на месте Уайетта обычный никому не известный злоумышленник, его смерть не вызвала бы у Клитеро такого раскаяния. Зрелище агонии поверженного противника, конечно, опечалило бы его, но не больше, чем смерть любого другого человека, погибшего при аналогичных обстоятельствах, неважно от чьей руки.

Необходимо заметить, что он действовал не по собственному желанию, а поддавшись порыву, который не мог ни контролировать, ни сдержать. Как же его винить? Должен ли человек осуждать себя за поступок, совершенный без преступного умысла? О каком умысле вообще может идти речь? Неужели нет утешения в осознании своей правоты или слабости, когда последствия нельзя было предвидеть? Неужели все мы грешники только потому, что не принадлежим к сонму святых? Или потому, что наши знания и воля стеснены непреодолимыми границами?

Чем было вызвано столь ужасное намерение? Чудовищным заблуждением. Действиями Клитеро руководили благородство и сострадание, но это не освобождает его от ответственности и чувства вины. Никакие былые заслуги не могут компенсировать преступления. Мукам совести на чаше весов нет противовеса.

Каков в этом случае вывод беспристрастного наблюдателя? Следует ли относиться к такому человеку с презрением или враждебно? Ведь судьба поставила его в жесткие рамки, когда он был просто вынужден сделать то, что сделал. Единственное, что может освободить от вины, — доказательство чистоты намерений. Он стал жертвой двойной ошибки. Заблуждался в оценке произошедшего. И от этого несчастен.

До чего же несовершенны основания, исходя из которых мы делаем наши умозаключения! Было бы полезным узнать о его детстве, о его наставниках, о тех, кому он подражал, оценить, как воплощались в жизнь его принципы, посмотреть, как он вступал в пору зрелости, пройти по его следам все события и испытания, дабы понять, что он чист душой? Кто бы осмелился заранее предположить, что его ждет такое будущее? Кто не утверждал бы с уверенностью, что он не спо-

собен совершить ничего подобного?

А таинственная связь судеб Уайетта и его сестры?! По каким-то косвенным, но непреложным законам исполнились в одно мгновение предсказание миссис Лоример и месть, которую лелеял ее брат. Часто ли бывает, чтобы предсказание послужило причиной своего воплощения в жизнь? То, что, на взгляд всех разумных людей, в том числе и Клитеро, должно было стать спасением от угроз Уайетта, фатальным образом привело к исполнению этих самых угроз! И за смерть негодяя несет ответственность благородный человек, чей грех был следствием праведного гнева и инстинкта самосохранения!

Вынашивая черные замыслы, Уайетт подстерег Клитеро и напал на него. В схватке зачинщик инцидента погиб. Но помешало ли это его мести? Нет. Он и мертвый осуществил задуманное. В расцвете сил ушла из жизни его сестра. А Клитеро, ставший невольным исполнителем планов злодея, сам отправился в пожизненное изгнание, навсегда обрек себя на мучения и нищету.

Но более всего меня удивило то, что одним из участников этой истории был Сарсфилд. Я часто рассказывал вам о нем — о моем наставнике. Около четырех лет назад он появился в наших

краях, не имея ни друзей, ни денег, и попросился переночевать в доме моего дяди. Во время беседы о его путешествиях и обстоятельствах жизни Сарсфилд признался, что нуждается в заработке. Тогда дядя предложил ему стать преподавателем: молодых людей в округе немало, так что и работа и доход будут обеспечены. Сарсфилд внял дядиному совету.

Я тоже начал учиться у него и так преуспел в занятиях, что быстро сделался его любимцем. Он не вдавался в подробности своего жизнеописания, но не раз упоминал о приключениях в Азии и Италии, благодаря чему я практически не сомневался, что персонаж истории Клитеро и мой наставник — одно и то же лицо. Все время, пока Сарсфилд жил среди нас, его поведение было безукоризненным. Он уезжал с чувством горького сожаления, особенно из-за расставания со мной, и обещал регулярно писать, однако с тех пор не подавал о себе никаких вестей. Я очень опечалился, узнав от Клитеро о крушении всех его надежд, и мне было интересно, как сложилась дальнейшая жизнь моего наставника. Он вполне мог вернуться в Америку, и это давало надежду на продолжение нашей дружбы. Я с радостью уповал на возможную встречу с ним.

Но в первую очередь меня беспокоила судьба несчастного Клитеро. По тому, с какой поспешностью он убежал, едва закончив свое печальное повествование, я предположил, что, мучимый воспоминаниями, он, как обычно, бродит где-то в окрестных пустошах или холмах и вряд ли объявится до наступления ночи. На следующее утро нам принесли записку от Инглфилдов: не знаем ли мы, где их слуга? Я прочитал записку вслух. Тревога снедала меня. Сразу вспомнились намеки Клитеро на желание покончить с собой, и мной овладели самые мрачные предчувствия. Я поспешил к Инглфилдам. Мне сообщили, что Клитеро так и не объявился. Он ни разу даже не обмолвился хозяевам, что хотел бы уйти от них. Все его скромные пожитки были на месте. Неудовольствия или жалоб по поводу службы или условий жизни он никогда не высказывал и никак не проявлял.

Прошло несколько дней, а Клитеро так и не дал о себе знать. Его исчезновение вызвало много пересудов, но обоснованную тревогу испытывал только я. У меня имелись на то веские причины. Никто не видел его и не слышал о нем с момента, как мы с ним расстались. Какой он избрал способ самоубийства, нам не дано было узнать, все свер-

шилось под покровом тайны.

Размышляя о нем, я постоянно возвращался мыслями к Норуолку. Что, если Клитеро отправился туда, чтобы в каком-нибудь укромном уголке этой глухомани свести счеты с жизнью? Вероятно, он знает такие места, куда не ступала нога человека, и там его кости могли лежать веками, и их бы никто не обнаружил. Отыскать останки Клитеро и совершить погребение я считал своим долгом, причем к множеству обычных чувств, связанных с этой задачей, примешивалось и подспудное удовольствие.

Вы знаете, что я верю в существование духа, который наполняет дыханием лесные чащи и бурные потоки. Мне нравится бродить в тенистых лощинах и общаться с девственной природой в диких землях Норуолка. Исчезновение Клитеро вновь давало мне повод посетить знакомые утесы и леса, ибо я пестовал надежду, что наткнусь в моих блужданиях на его следы. А что, если он еще жив? Да, он определенно высказывался о намерении покончить с собой. Но нельзя же уверенно утверждать, что трагедия уже произошла. А вдруг еще в моей власти не дать этому случиться? Вдруг я смогу вернуть его к спокойной полноценной жизни? По силам ли мне убедить Клитеро, что

не стоит напрасно презирать и ненавидеть себя? Он не заслужил обвинений, которые сам себе предъявляет. Они скорее свидетельствуют о его безумии, но ведь возможно исцеление и от безумия. Умопомешательству и заблуждениям противостоит здравый смысл.

Я не сразу подумал о том, что Норуолк непригоден для обитания человека. Там нет ничего съедобного, кроме орехов, а на одних орехах долго не продержишься. Если Клитеро обосновался в этой пустынной местности, ему волей-неволей потребовалось бы искать себе пропитание за ее пределами, выпрашивая или воруя еду. Впрочем, подобный образ действий был бы слишком унизительным для него. Я вполне допускал, что он наслаждается уединением и магией высокогорной девственной природы, однако долго это продлиться не могло. Чтобы выжить, ему пришлось бы время от времени наведываться к людям в качестве грабителя или нищего. Однако ни на одной ферме по соседству Клитеро не объявлялся, и я вынужден был сделать вывод, что либо он ушел куда-то в дальние края, либо его нет в живых.

Я по-прежнему ежедневно углублялся в дикие земли Норуолка, но надежд на встречу с беглецом

почти не питал. Если даже Клитеро не сбежал далеко, а притаился где-нибудь в глухомани или забился в пещеру, выследить его все равно не удастся. Такова уж особенность здешней природы.

Нелегко объяснить это в нескольких словах. Половина земель Солсбери, как вы знаете, непригодна для вспахивания ни лопатой, ни плугом. Плодоносна только узкая полоса вдоль реки, а к северу простирается пустынная необитаемая территория, неизвестно почему названная Норуолк. Можете ли вы представить кольцо около шести миль в диаметре, внутри которого чередуются во всем многообразии крутые возвышенности и глубокие впадины? Каждая лощина окружена утесами всевозможных форм и размеров и редко имеет сообщение с другими. И все они очень разные — от узких и глубоких, словно колодец, до раздольных, достигающих в ширину сотен ярдов. Даже в разгар лета в них зачастую, как зимой, лежит снег. Потоки, которые струятся из щелей и разбиваются на неисчислимые каскады, то окутаны туманами, то исчезают в глубоких пропастях, чтобы потом покинуть подземные русла и вырваться на свободу, где обретают покой, образуя стоячие озера, или вливаются в мелководные

равнинные реки.

Природа здесь суровая, а места — труднопроходимые. Рухнувшие от бурь гигантские деревья за долгие столетия образовали густой надпочвенный мох, в котором нередко можно встретить кроликов и ящериц. Меланхоличные сосны даруют благодатную тень, а их вечный ропот прекрасно гармонирует с уединением и праздностью, с шелестом ливня и свистом ветра. Гикори и тополи, коими изобилуют иные низменности, здесь не растут — почва не содержит элементов, необходимых для их питания.

Продуваемая ветрами и испещренная обрывами, вытянутая в длину долина ведет в глубь Норуолка и пересекает его из конца в конец. По сути, долина заменяет здесь дорогу. Бесконечные лабиринты, откосы и впадины требуют от путника осторожности и сноровки. То по одну, то по другую сторону иногда появляются тропинки, словно обещающие вот-вот привести вас во внутренние области Норуолка, но в конце концов в результате мучительного преодоления неисчислимых препятствий вы все равно оказываетесь либо на краю пропасти, либо у подножия скалы.

Возможно, никто лучше меня не знает эту дикую местность, однако и мои познания далеко

не совершенны. Правда, еще в детстве я исходил здесь многие мили в поисках орехов и ягод или просто по неодолимой склонности к бродяжничеству. Впоследствии расстояния моих прогулок увеличились, появились и новые цели. Когда Сарсфилд стал моим наставником, а я его любимым учеником, он брал меня с собой в дальние походы. Ему нравилось забредать в самую глухомань — отчасти из любви к живописным пейзажам запустения, отчасти потому, что он мог быстро пополнять там свои ботанические и минералогические коллекции. К тому же он полагал, что в пути для меня не так скучны будут его беседы общего и нравоучительного характера. Во время этих путешествий я неплохо изучил территорию Норуолка, по крайней мере наиболее доступные ее части, но оставалось еще слишком много мест, куда можно было попасть, лишь имея крылья, и тропинок, по которым я никогда не ходил.

Каждое путешествие расширяло мой кругозор. Разрабатывались новые маршруты, отыскивались новые переходы, покорялись новые вершины. Но к радости познания неизменно примешивалась досада, поскольку рано или поздно какая-нибудь непреодолимая преграда вырастала на нашем пути. В погоне за Клитеро я изрядно

отклонился от привычных троп, и воспоминания о том, как мы кружили по долине, когда я преследовал его, у меня остались довольно смутные. А до этого я и вовсе смотрел на раскинувшийся внизу неприступный ландшафт только издалека, полагая, что попасть туда можно, лишь спрыгнув в пропасть с высоты нескольких сот футов. Спуск к подножию горы был таким крутым, что пещера казалась мне совершенно недостижимой.

Мое желание исследовать пещеру и посмотреть, куда она ведет, какое-то время, в силу разных причин, осуществить не удавалось. Но теперь у меня такая возможность появилась, и я с удвоенной энергией ухватился за нее. Предчувствие говорило мне, что, вероятно, именно эту пещеру выбрал Клитеро для исполнения своего рокового намерения. В любом случае там определенно должны были остаться какие-то знаки его прежних посещений. А может, мне откроется путь к еще не изученным пространствам и к высотам, на которые никто никогда не поднимался.

И вот однажды утром я отправился туда. Клитеро вел меня окольной, путаной дорогой. Возвращаясь после первого преследования, я сначала придерживался того же маршрута, но потом неожиданно напал на торную тропу, о

которой уже упоминал. Так я избавил себя от преодоления тысячи препятствий и нашел более легкий подход к пещере.

Теперь я повторил этот путь. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что выступы, ведущие вниз с гребня горы, достаточно надежны и могут служить неплохой опорой при спуске, хотя издалека они выглядели слишком узкими для этого. Добравшись до них, я подумал, насколько был безрассуден, когда спускался здесь в первый раз. Сначала мне показалось, что я не одолею этот спуск даже днем, но потом сбежал вниз с головокружительной скоростью всего лишь при слабом лунном свете.

Наконец я достиг входа в пещеру. И только тут сообразил, что забыл взять с собой газовый фонарь или факел, дабы не бродить под землей впотьмах. Если у пещеры нет второго выхода, без света не обойтись. Но мне не хотелось откладывать свои изыскания. Я решил пробираться ощупью в надежде, что, быть может, это просто галерея, ведущая на поверхность или на противоположную сторону хребта. Осторожность поможет мне в отсутствие света. По крайней мере, я осмотрюсь, а потом смогу еще раз вернуться сюда, уже запасшись всем необходимым.

Глава X

С такими намерениями я углубился в пещеру. Лаз был довольно узкий, что принуждало меня пробираться ползком. На расстоянии нескольких ярдов от входа свет полностью исчез, и воцарилась кромешная тьма. Если бы я не был убежден, что иду вслед за Клитеро, то, скорее всего, оставил бы эту затею. Протискиваться приходилось с величайшей осторожностью, то и дело ощупывая руками стены и потолок. Вскоре проем расширился, и я смог выпрямиться и встать на ноги.

Пещера полого уходила вниз. В какой-то момент я перестал доставать одну из стен, до потолка тоже не мог дотянуться и с ужасом подумал, что попал в лабиринт, из которого уже не выбраться. Чтобы не заблудиться, надо было все время чувствовать стену, она была для меня своего рода путеводной нитью, а отклонившись от нее, я терял ориентиры, слепо блуждая во мраке. Каким был свод пещеры, высоким или низким, далеко находилась противоположная стена или близко, определить я не мог.

Вскоре крутой спуск затормозил мое про-

движение. Я заносил и ставил ногу предельно осторожно, опасаясь, что при следующем шаге окажусь на краю бездонной ямы. Похоже, так и случилось. Я шарил рукой вперед и вниз, пытаясь нащупать продолжение стены, но вокруг была пустота.

Пришлось остановиться. Я достиг края впадины, о глубине которой понятия не имел — может, несколько дюймов, а может, сотни футов. Спрыгнув вниз, я мог остаться невредимым, но с той же долей вероятности мог погрузиться в подземное озеро или разбиться об острые камни.

Теперь я окончательно убедился, что без света никак не обойтись. Первым побуждением было вернуться назад прежним путем и на следующий день повторить попытку. И все же я чувствовал упорное нежелание отступать, не достигнув цели. Ведь Клитеро, думал я, удавалось бесстрашно входить в пещеру и выбираться наружу совсем не тем путем, каким он сюда попал.

Наконец у меня промелькнула мысль, что, если нельзя идти вперед, я могу хотя бы попытаться обследовать край впадины. Он станет мне ориентиром для возвращения — вместо стены, за которую больше не было возможности держаться.

Густой мрак всегда порождает страхи. Когда ты не видишь подстерегающие тебя опасности, трудно избежать их. Почувствовав, что решимость начала покидать меня, я дал себе передышку и опустился на каменистое возвышение, обдумывая ситуацию. Пещеры, которые до сих пор встречались мне, были образованы нависавшими камнями. Просторные и не очень, они все, так или иначе, пропускали хоть какой-то свет, не препятствуя его проникновению внутрь. Но здесь, казалось, меня окружали преграды, грозящие навсегда отрезать мне путь к воздуху и свету.

Собравшись наконец с духом, я начал подниматься вверх, пробираясь по краю пропасти; стен ни справа, ни слева по-прежнему не было. Внутренний голос нашептывал мне, что жизнь моя кончена. Вскоре я нащупал левой рукой стену и, продолжая двигаться по краю впадины, теперь уже имел опору. Когда расстояние между пропастью и стеной увеличилось, я направился вдоль стены.

Пришлось изрядно попетлять, следуя изгибам пещеры, но я не отчаивался, ибо продвигался вперед. Главное — сохранить в памяти уже пройденный путь и продолжать запоминать последовательность стен справа и слева по отно-

шению к впадине.

Идти стало значительно труднее, поскольку прежде ровный рельеф дна пещеры сменился труднопроходимыми колдобинами. Промозглая влажность, подспудная тревога, вновь закравшаяся в душу, длительность путешествия, усугубляемая непрерывными опасениями и многочисленными ухищрениями, к которым кромешная тьма заставляла прибегать, — все это постепенно ослабляло меня. Я был вынужден часто останавливаться и отдыхать. Эти передышки ненадолго возрождали мои силы, но бесконечно так продолжаться не могло, хотя обратный путь вряд ли был бы легче.

Я с тревогой вглядывался в мрак, стараясь уловить хотя бы малейший намек на тусклый лучик света, который дал бы мне надежду выбраться из этой пещеры. И благоприятный знак появился. Я вошел в некое подобие залы, имевшей с одной стороны выход наружу — в проеме виднелся кусочек неба. Еще ни одно зрелище в жизни, ни одно впечатление не переполняло мое сердце таким восторгом. Воздух, ворвавшийся в пещеру, был невыразимо сладостным.

Так я оказался на выступе скалы, вертикально вздымавшейся надо мной и отвесно уходившей

вниз. Напротив на расстоянии пятнадцати или двадцати ярдов высилась такая же скала. У подножия раскинулась долина реки — холодная, узкая, утопающая в тумане. Этот выступ был своего рода балконом пещеры, по чреву которой я поднялся на такую головокружительную высоту, о какой прежде не мог и помыслить.

При взгляде вниз открывался вид на хаотичное нагромождение скал и пропастей. Картину дополняли видневшаяся вдали плодородная долина, извилистое русло реки и поросшие лесом склоны. Мной овладело благоговейное восхищение, которое было усилено контрастом — выбравшись из кромешной тьмы, я попал в объятия светоносной и безмятежной стихии. Никогда еще мне не доводилось подниматься на такую высоту; никогда не открывались моему взору такие необъятные горизонты.

Даже приблизившись к внешнему краю утеса, я мог обозревать оттуда лишь не менее неприступные скалы над лежащей далеко внизу долиной реки. Чтобы менять ракурс зрения, я постоянно передвигался с одного места на другое. Нужно было понять, как возвращаться. Я прошел по выступу, огибая утес, по всему периметру одинаково обрывистый и настолько высокий, что о спуске

не стоило и мечтать. В результате выступ привел меня по кругу к отправной точке. Видимо, вернуться назад можно было только через пещеру.

Я сосредоточил внимание на самой горе. Если вы представите себе цилиндр, в центре которого как бы продолблена пещера, соответствующая ему по размеру, и поместите внутрь этой пещеры другой цилиндр, превосходящий первый по высоте, но меньшего диаметра, так что между его краями и стенами остается значительное пространство, то вы составите некоторое впечатление о том, где я оказался. Насколько это вообще возможно после такого описания, ибо слова в данном случае бессильны. Вершина горы была неровной, бугристой, поросшей деревьями самого разного возраста. Добравшись туда, я ничем не облегчил бы себе возвращения, но подумал, что, поднявшись выше, смог бы улучшить обзор; что, вероятно, там будет более широкий охват горизонта.

Двигаясь по кромке внешней горы, я старался изучать и внутреннюю. Наконец я достиг такого места, где глубокая пропасть, разделявшая две скалы, была более узкой, чем везде в других местах. Сначала мне показалось, что можно перепрыгнуть ее, однако при более тщатель-

ном осмотре стало понятно, что такой прыжок нереален для меня. На глаз расселина имела в ширину тридцать или сорок футов. Посмотреть вниз я боялся. Высота была головокружительная, и две выгнутые дугами стены, которые вверху приближались одна к другой, в основании образовывали нечто похожее на огромных размеров зал, озаренный светом из расщелины, созданной в своде каким-то стихийным катаклизмом. Туда, где я стоял, все время поднимался туман, как если бы внизу по шероховатому дну струился стремительный поток.

Я перевел взгляд на противоположную скалу и вверх, откуда бурный водопад низвергался в пропасть, им же самим, вероятно, и созданную. Шум и движение в равной степени привлекли мое внимание. Было в этой картине, затерянной в пустынном, уединенном месте, какое-то подлинное величие, а обстоятельства, при которых я ее созерцал, и опасности, через которые только что прошел, усиливали впечатление. Ничего подобного я не видел и не испытывал прежде.

Зрелище, открывшееся мне, внушало благоговейный трепет и в то же время пугало, вызывая у меня ощущение безмерного одиночества. Возможно, никогда еще не ступала здесь нога

человека и никому не дано было лицезреть это неповторимое скопище бешеных вод. Вряд ли местных жителей что-то могло завлечь в пещеры, подобные этой, да и невозможно представить, чтобы они предавались мечтам над бездной. Еще менее вероятно, что кто-нибудь придет сюда по моему следу. С тех пор как образовался на свете наш континент, я, возможно, первый человек, столь отдалившийся от проторенных троп.

Все эти мысли проносились мгновенно, пока я любовался водопадом. Затем мой взгляд упал на камни, которые ограничивали поток. Я восхищался их фантастическими формами и бесконечным разнообразием, как вдруг словно что-то вспыхнуло в моем сознании, ибо я различил… человеческое лицо!

Это было настолько неожиданно и удивительно, что я позабыл всякую осторожность. Рука, державшаяся за ветку сосны, непроизвольно разжалась, лишив меня опоры. Если бы я стоял чуть ближе к краю, то наверняка сорвался бы вниз.

Встретить живое существо, хоть и на другой стороне пропасти, это совершенно не соответствовало моим ожиданиям. Добраться сюда можно было только той дорогой, по которой шел я, а что побудило кого-то еще проделать такой

же путь, я был не способен даже вообразить. Но я видел его. Как он умудрился оказаться там, где сидел, тоже представлялось мне совершенно непостижимым.

Впрочем, это практически не занимало меня, поскольку было кое-что более важное. Несмотря на всклокоченные, перепутанные волосы, несмотря на выражение безумной меланхолии во всех чертах лица, я почти сразу узнал в этом человеке нашего беглеца, Клитеро.

Я присмотрелся к нему повнимательнее. Желание найти его было одной из причин моего путешествия сюда, однако я даже не надеялся отыскать здесь что-либо, кроме его останков, каких-нибудь следов, какого-то призрачного напоминания о давно оборвавшейся жизни. Но что можно обнаружить в этой каменной пустыне самого Клитеро, живого, что он доберется до вершины, явно недоступной человеку, это не укладывалось у меня в голове и выходило за границы обыденного.

Его одеяние, убогое и грубое, изодралось почти в клочья о шипы ежевики и терновника; руки, щеки и подбородок страшно обросли, и лицо едва проглядывало из-под густых, спутанных волос. В его позе и безумном взоре таилось нечто боль-

шее, чем просто болезненный разброд мыслей и чувств. Его застывшие, наполненные горем и печалью глаза свидетельствовали не только об отчаянии, обуревавшем душу, но и о том, что он измучен голодом.

Вид Клитеро привел в трепет сокровенные глубины моего сердца. Ужас и дрожь овладевали мной, пока я стоял и наблюдал за ним, и у меня не было сил обдумать, каким образом я смогу помочь ему. Нужно было дать о себе знать. Но что посоветовать человеку, оказавшемуся в такой ситуации, чем утешить его печаль? Какими словами привлечь к себе его внимание, как облегчить ему муки ужасных страстей? Я не знал. Он был совсем близко, и в то же время непреодолимая бездна разделяла нас. Мне оставалось только позвать его.

Удивление и ужас все еще сковывали меня, отчего мой голос прозвучал пронзительно и проникновенно. Бездонная пропасть и скалы отразили и усилили звуки, когда я воскликнул:

— Эй!.. Клитеро!

Мои слова возымели действие. Он мгновенно очнулся, распрямил спину и впился глазами в крутой выступ над головой, как будто ожидая, что тот сейчас свергнется и раздавит его. Потом

Клитеро поднялся с земли. Он едва держался на ногах. Да, он услышал меня, но не мог понять, кто и откуда его зовет. И стал с тревогой озираться по сторонам.

Тогда я снова закричал:

— Смотри сюда! Это я тебя звал!

Тут он поглядел в мою сторону. Лицо его выражало одновременно изумление и ужас. Сцепив руки, он наклонился вперед, словно желая удостовериться в реальности происходящего. А затем отступил на шаг и, скрестив руки на груди, потупил взгляд.

Из нас двоих мне первому надлежало прервать молчание, что я и собирался сделать. Чтобы Клитеро лучше услышал меня, я приблизился к самому краю пропасти, на мгновение потеряв его из виду, а когда снова перевел взгляд на противоположную скалу, он уже исчез.

Там, где только что находился Клитеро, было пусто. Ни шелест листвы, ни что-либо другое не насторожило меня, не подсказало, куда он мог деться. Впрочем, любые звуки утонули бы в реве водопада. Скальная впадина, где он сидел, с одной стороны примыкала к краю пропасти, сверху над ней нависали камни, а по бокам скала отвесно шла вниз. Не мог же он броситься в бездну… И все

же мне казалось невероятным столь молниеносное его исчезновение.

Я наклонился над пропастью, но из-за огромной глубины и царившего внизу мрака не смог ничего различить. Крики и стоны в любом случае поглотил бы шум низвергавшейся воды. Прыгнув со скалы, Клитеро непременно должен был погибнуть, а единственным достоверным предположением выглядело именно это.

Очень нелегко описать то, что я чувствовал. Образ отчаявшегося человека и внезапная катастрофа, к которой привело мое несвоевременное вмешательство, переполняли меня раскаянием и ужасом. Правда, отчасти мои опасения уменьшились, когда мне пришла в голову новая догадка, ведь с задней стороны впадины вполне могла быть какая-то ложбинка, углубление, позволившие ему спрятаться.

Предположив это, я почувствовал облегчение. Конечно, могло произойти и самое худшее, но оставалась еще толика надежды. Если бы мне удалось найти Клитеро и привлечь к себе его внимание, я смог бы преподать ему уроки силы духа. А если бы слова оказались бессильны и доводы бесполезны, я просто молча посидел бы рядом с ним в тишине, увлажнил бы его руку слезами, и

мы дышали бы в унисон, и он ощутил бы мое сочувствие, и я заверил бы его, утешая, что так, как он сам оценивает свои заблуждения и казнит себя, никто не будет казнить его, и что, по крайней мере, один человек испытывает к нему любовь и жалость, ибо он заслуживает милосердия.

Эти мысли вдохновили меня и придали мне сил. Для достижения моей цели требовалось добраться до противоположной скалы. Клитеро, судя по всему, смог это сделать, значит, и я смогу. Задача теперь не казалась мне невыполнимой. Я еще раз обошел гору по периметру. Со всех сторон были невероятно высокие отвесные скалы, и пропасть нигде не выглядела уже, чем там, откуда я наблюдал за Клитеро. Поэтому я вернулся на прежнее место и еще раз прикинул возможность безопасного преодоления этой чудовищной бездны.

Посмотрев вверх, я наткнулся взглядом на ту самую сосну, возле которой стоял прежде. Сравнив ширину пропасти с длиной ствола, я сообразил, что это дерево вполне может послужить мне мостом. По счастью, оно росло наклонно и под ударами топора упало бы как раз поперек пропасти, соединив обе скалы. Ствол был достаточно массивным для того, чтобы я мог, ступая по нему,

добраться до противоположного склона быстро и безопасно.

Более тщательное обследование этого места, а также самого дерева, его размеров, угла, под которым оно росло, подтвердило осуществимость моего замысла, и я решил поскорее начать действовать. Нужно было сходить домой, взять топор и вернуться сюда. Я вновь углубился в пещеру, идя тем же путем, каким пришел, пока наконец не выбрался наружу. Было еще светло, однако, когда я приблизился к дому, уже появились звезды. Физическое утомление и изнуренный дух требовали, чтобы я отложил свое предприятие до утра.

Хотя тело мое всю ночь отдыхало, мысли не давали мне покоя. Я живо представлял себе гору и все пытался сообразить, как же удалось Клитеро подняться туда. Если бы он не наведывался время от времени в обитаемые места, то давно умер бы голодной смертью. Разве что только он решил убить себя голодом, но тогда моя первоочередная задача — отговорить его от этого рокового решения. Я должен убедить его вернуться к людям, хотя сделать это будет ох как трудно. Надо возбудить в нем жажду жизни, иначе мои благие намерения не возымеют действия. Поэтому

следует обязательно захватить с собой хлеба и положить перед ним. Зрелище еды, муки голода и мои неистовые просьбы могут заставить его вкусить пищу, а вот сподвигнуть его пойти куда-то на поиски еды мне вряд ли удастся.

Глава XI

Наутро я собрал небольшую суму с хлебом и мясом, перекинул через плечо топор и, не ставя никого в известность относительно моих планов, зашагал в направлении горы. С кладью в руках идти было еще труднее, но благодаря своему упорству я одолел все преграды и через несколько часов пришел к дереву, которое собирался использовать в качестве моста через пропасть. Никаких следов беглеца видно не было.

Еще раз осмотрев дерево, я убедился в правильности моих прежних расчетов и с удвоенным энтузиазмом взялся за работу. Каждый удар тысячекратно повторялся раскатистым эхом, и я даже остановился ненадолго от удивления: казалось, что стучит не один, а сразу несколько топоров, причем с обеих сторон пропасти.

Вскоре дерево упало, и упало именно так, как я предполагал. Широкие ветви покрывали и рассекали могучий поток, принуждая его искать новые русла и наращивать рокот. Пройти по стволу в вертикальном положении я не осмелился, пришлось передвигаться на четвереньках, цепляясь

руками и ногами за ветви и углубления в коре. Как бы там ни было, но я добрался до противоположной скалы и принялся изучать место, где исчез Клитеро. Затаенные мои надежды воскресли, когда я увидел глубокую впадину, которую накануне не смог разглядеть издалека.

Логично было предположить, что это и есть убежище Клитеро, что по этому гроту, ведущему в неисследованные места, он приходит сюда и уходит отсюда. Я решил не мешкая проверить свою догадку и, обнаружив вход, бесстрашно проник в провал. У меня уже был опыт преодоления препятствий и опасностей, подобных тем, что я описывал, но в данном случае все оказалось гораздо проще. Через несколько минут я попал в своего рода каменный коридор, где над головой было небо, а по бокам тянулись нескончаемые скалы, зеркально отражавшие друг друга. Природа словно расколола здесь надвое огромный массив и открыла доступ к вершине горы. Этот проход, сформированный россыпями камней и сталагмитами, вел меня неуклонно вверх.

Всего несколько ярдов оставалось до вершины. И тут я очутился в замкнутом пространстве вроде комнаты или погреба; стены были пригодными для подъема. С радостью предвкушая конец путе-

шествия, я решил здесь задержаться, повалился наземь, давая отдых изнуренному телу, и огляделся по сторонам, обдумывая, что делать дальше.

Первый же брошенный мною взгляд упал на того, кого я искал. В нескольких шагах от меня на ложе из мха лежал Клитеро. При моем приближении он даже не шелохнулся, хотя я несколько раз поскальзывался и спотыкался. Это навело меня на мысль, что он мертв. Однако мои опасения развеялись, когда я подошел к нему вплотную — он просто спал глубоким сном, что после столь долгого бдения было неудивительно.

Слава богу, мне посчастливилось его найти. Теперь я убедился не только в том, что он действительно жив, но и в том, что ему удается хотя бы на время вырываться из плена отчаяния. Я не стал будить Клитеро, воспользовавшись передышкой, чтобы поразмыслить, как можно достучаться до него, как добиться, чтобы он изменил свою самооценку и не воспринимал все так мрачно и безнадежно.

Вы знаете, что у меня нет ни опыта, ни дара, которые позволили бы мне справиться с такой задачей. Я слишком слаб и безыскусен, чтобы одолеть или обуздать всесокрушающую энергию этого человека. Столь бурное, невыносимое отча-

яние невозможно пробить немощным лепетом и неубедительными доводами. Как я должен говорить с ним, чтобы мои слова возымели действие? Как уничтожить глубоко укоренившиеся в нем предубеждения, если они следствие его раннего взросления, образования, наблюдений и жизненного опыта? Как убедить его, что убийство Уайетта в целях самозащиты не преступление? Что даже и преднамеренное убийство такого человека скорее благо, ибо это спасло жизни других? Что направить кинжал в грудь госпожи заставили его не корысть, не честолюбие, не месть и не злой умысел? Он желал даровать ей высшую и единственную милость, коей, по его убеждению, эта женщина заслуживала. Хотел избавить ее от ужасных терзаний, облегчить ее муки.

Все это соответствовало моим представлениям, однако не мне пришлось проверять умозрительные сентенции на практике. Не я вынужден был бороться с осознанием того, что лишь чудо или стечение обстоятельств спасло меня от ужасного поступка, благодаря чему я не пролил кровь той, кого любил больше всех на свете. Не я лишился любви, чести, дружбы, доброго имени. Не я приговорил себя к позору и отвращению, изгнанию

и безнадежности, жестокой нужде и рабскому труду. По воле жестокой судьбы все это стало неотъемлемой частью Клитеро, и как, скажите на милость, мое ограниченное красноречие могло разорвать паутину Зла, опутавшую его разум? Любой человек, даже не будучи жертвой непоправимой беды, понимает, что нельзя зацикливаться на прошлом, бесконечно укоряя себя в том, что уже невозможно изменить. Но каждый, кому суждено жить и страдать, неизбежно опутан цепями тех самых заблуждений, которые он осуждает в окружающих, и его попытки избавиться от этих заблуждений так же бесплодны, как и стремление облегчить страдания других.

Поэтому никаких подходящих для данного случая слов мне не удалось придумать. Я мог лишь предложить Клитеро пищу и уговорить его поесть. Голодному человеку трудно устоять, когда ему протягивают хлеб. А ведь если ты однажды сумел заставить кого-то изменить свое решение, то во второй раз это будет сделать легче. Магия сочувствия, упорство хотя бы и не явно творимого милосердия могут исподволь подготовить в душе страдальца переворот, наполнить добрыми чувствами отчаявшуюся душу.

Продолжая размышлять, я положил еду рядом

с правой рукой Клитеро и, присев у него в ногах, внимательно присмотрелся к нему. Благодаря передышке от воспоминаний и угрызений совести все те чувства, что во время бодрствования отчетливо читались на его лице, были почти незаметны. Черты его смягчились и облагородились, и он стал похож на себя прежнего. Такой человек не мог быть ни безумцем, ни злостным преступником.

Мне не хотелось его будить. К чему прерывать без нужды столь приятное забвение? Я решил дождаться в тишине, пока он проснется сам, продлив минуты его блаженного беспамятства. Эта пауза возобновила мои раздумья, и посетившие меня мысли подсказали мне план дальнейших действий.

Клитеро полагал, что его убежище неприступно. Как он поведет себя, обнаружив, что кто-то вторгся сюда? Испугается моего присутствия? Снова исчезнет, как накануне, не дав мне возможности поговорить с ним и убедить его поесть? Но если я уйду сейчас, пробуждение Клитеро будет спокойным, и он на какое-то время останется в неведении, что его тайна раскрыта. Он сразу увидит еду и без понуканий с моей стороны утолит свой голод. Столь удивительное и загадочное по-

явление хлеба насущного может быть расценено им как укор и предупреждение свыше. Еще не зная ни личности, ни целей своего благодетеля, он не будет уже опасаться встречи с ним, и мой новый визит не станет для него неожиданностью. Чем дольше я размышлял, тем больше утверждался в правильности этих умозаключений. Наконец, расположив еду таким образом, чтобы он сразу же обратил на нее внимание, я отправился восвояси.

Едва я добрался до дома, как посыльный передал мне записку от Инглфилда, который просил меня провести предстоящую ночь в его имении, поскольку ему необходимо отлучиться в город по неотложному делу.

Я охотно откликнулся на его просьбу. Рано приходить не было нужды, но я решил не дожидаться наступления сумерек. Путь мой пролегал под сенью вяза, столь памятного мне ввиду недавних событий. Вся цепь обстоятельств, связанная с этим деревом, сразу всплыла в памяти.

Что-то заставило меня задержаться у вяза. Взгляд упал на то место, где Клитеро раскапывал землю. Мне показалось, что дерн там свежий и словно выровненный лопатой. В тот раз, когда я впервые наблюдал за Клитеро, этого не было.

Тогда он поспешно разрыл яму и столь же поспешно ее засыпал.

Это, естественно, возбудило мое любопытство. Вероятно, кто-то либо сам Клитеро недавно побывал здесь. Для чего Клитеро понадобилось снова копать эту землю? В действиях лунатиков всегда присутствует определенный смысл. Что, если под злосчастным деревом зарыто нечто, связанное с миссис Лоример или с воспоминаниями о Кларисе? Сумею ли я узнать правду?

Это можно было сделать лишь одним способом — подобно Клитеро, прокопав землю в том же месте и на такую же глубину. Только так я выясню, спрятано там что-то или нет. Копать при свете дня, рискуя привлечь к себе внимание, было неблагоразумным. Но до темноты ждать оставалось недолго. Уже приближалась ночь, чем я вполне мог воспользоваться, чтобы осуществить задуманное. Если мне завтра удастся поговорить с Клитеро, что бы я ни обнаружил под вязом, это может оказаться весьма полезным для непростой беседы. Доводы были убедительными, и я решил так и поступить. Однако прежде следовало час-другой пообщаться с хозяйкой и, не вызывая подозрений, удалиться в свою комнату. Когда все улягутся спать, можно будет, не опасаясь помехи

или слежки, запастись необходимым инструментом и вернуться сюда.

Одна комната в доме Инглфилда специально предназначалась для гостей. В этой комнате скончался мой друг Уолдгрейв, и тут меня обычно оставляли ночевать. Тягостные воспоминания сами по себе мало способствовали спокойному отдыху, а размышления над тем, что мне вскоре предстояло делать, еще усиливали возбуждение. Взгляд сразу упал на приготовленные для меня свечи, и я подумал, что они могут понадобиться.

Ложиться я не стал — то сидел в раздумьях за столом, то ходил из угла в угол. В комнате по-прежнему стояла та самая кровать, на которой мой друг испустил последнее дыхание. Именно здесь было распростерто его застывшее неподвижное тело. Лечь на эту кровать, прижать голову к этой подушке означало предаться воспоминаниям и тоске, чего мне сейчас совсем не хотелось. Я старался думать о событиях, связанных с Клитеро, о своих приключениях в горных пещерах и о возможных результатах затеваемого поиска.

Размышляя, я вспомнил только что состоявшийся разговор с хозяйкой дома. Речь шла о Клитеро, однако ничего нового мне почерпнуть

не удалось — в основном все то, что я уже слышал от нее и от Инглфилда. Я попросил показать вещи Клитеро. Его пожитки хранились в прямоугольном сундуке, который он сам смастерил, очень прочном и прекрасно отшлифованном. Мисс Инглфилд упомянула, что просила брата открыть сундук и проверить, что в нем. Инглфилд отказался. Возможно, Клитеро не виновен ни в каком преступлении и ни перед кем не несет ответственности, а следовательно, вполне вероятно, что он вернется и потребует назад свое имущество. Там нет ничего такого, в чем посторонние люди вправе были бы копаться. Очевидно, что-то из содержимого сундука могло бы пролить свет на прошлое и настоящее Клитеро, но вряд ли достойно удовлетворять любопытство подобным способом. Если Клитеро и счел возможным что-то скрыть, с нашей стороны было бы преступно нарушить его тайну.

Миссис Инглфилд сочла эти доводы вздорными, и брат позволил ей попробовать, не подойдет ли к сундуку какой-то из их ключей. Но ни замка, ни замочной скважины она не обнаружила. Крышка прилегала плотно, как ее открыть, никто не знал. Пришлось оставить эту затею. И сундук с тех пор находился в комнате, которую теперь занимал я.

Вспомнив о нем, я решил, что надо воспользоваться случаем, чтобы осмотреть его. Сундук стоял в углу и сразу обращал на себя внимание необычностью формы. Когда я его поднял, он мне не показался тяжелым. Это был замечательно сработанный шестигранник, точнее, почти правильный куб. Каким образом подогнаны друг к другу его грани, я не понял, поскольку нигде не увидел ни шипов, ни гнезд, ни петель, ни гвоздей.

Все стороны походили одна на другую. Которая из них крышка, невозможно было определить.

За время, что Клитеро служил у Инглфилдов, его мастерство не раз вызывало восхищение. Вот и этот сундук он изготовил своими руками. Пока я осматривал его, желание увидеть, что находится внутри, становилось все сильнее.

Конечно, без Инглфилдов не следовало этого делать. Возможно, любопытство мое еще более абсурдно, а удовлетворение от потакания ему более греховно, чем у хозяев дома. Ведь я знаю историю прошлой жизни Клитеро, знаю, что с ним происходит сейчас. Не проявив должного уважения к его собственности, я не извлек бы из этого никакой пользы, не разрешил бы ни одной загадки. Как я буду смотреть в глаза Клитеро,

если он вернется за своим добром, как оправдаюсь перед Инглфилдом, нарушив то, что всеми законами общества считается священным?

А если достичь желаемой цели, не прибегая к взлому? Ведь, хорошенько подумав, можно найти способ открыть сундук. Нужно просто понять, как поднять и опустить крышку. И тогда я смогу за несколько минут осмотреть вещи Клитеро, после чего верну все на прежние места.

Я не собирался ничего брать. Хотел лишь извлечь пользу для себя, не причинив ущерба другим. Содержимое сундука может пролить свет на поведение этого исключительного человека, чья исповедь не дала ответов на все вопросы. Да и должен ли я безоговорочно доверять его рассказу?

Вопреки свидетельству моих чувств, злоключения Клитеро представлялись мне в некоторой степени фантастическими и лишенными логики. У него могло быть множество причин утаить или извратить правду. Но, больше узнав о нем, я, возможно, открыл бы для себя Клитеро совсем с другой стороны, сумел бы постичь, что терзает его душу, и тогда нарушение общепринятых норм было бы оправдано благородством цели. Я страстно желал вернуть Клитеро к жизни, а для

этого необходимо владеть правдивой информацией о его поступках — дабы убедиться, что он заслуживает сострадания, и избрать наилучшие средства для искоренения его заблуждений. А содержимое сундука могло помочь мне в этом.

Была и еще одна, хоть и не такая важная, причина, о которой я должен упомянуть. Вам известно, что у меня тоже есть склонность к технике и ремеслам. Я смастерил письменный стол и шифоньер — надежные, прочные, с потайными местами и секретными ящиками. Поэтому и на сундук Клитеро я смотрел отчасти глазами мастера, пытаясь понять, как он сделан. Мне очень хотелось изучить его и, если получится, открыть.

Глава XII

Я разглядывал сундук с предельным вниманием. Со всех сторон он выглядел одинаково крепким и гладким. Наверняка одна из граней служила крышкой. Судя по конструкции, крышка должна была открываться вручную и без усилий. Наверное, с помощью какого-то секретного механизма, найти который чрезвычайно сложно. Но если тщательно ощупать каждый сантиметр сундука со всех сторон, то может случайно и повезти.

Мне повезло. Когда я ощупывал один из углов, оттуда выдвинулся болт, и таким образом была приведена в действие пружина, благодаря чему крышка приподнялась на полдюйма. Вот уж действительно невероятная удача! Сто человек могли искать эту пружину и не найти. Никому бы и в голову не пришло, что механизм запускается нажатием в таком абсолютно для этого не пригодном месте.

Сгорая от нетерпения, я открыл сундук. Внутри он был поделен на многочисленные отсеки, однако ни в одном из них мне не удалось обнару-

жить ничего примечательного. Разнообразные причудливые инструменты и незаконченные поделки — вот и все, что я там увидел.

Обманутый в своих ожиданиях, я аккуратно положил вещи на место. Затем попытался закрыть сундук, но механизм, который приподнял крышку, опускать ее никак не хотел. Все мои старания были тщетны. Прилагая усилия, прямо пропорциональные сопротивлению механизма, я сломал пружину. Благодаря этому крышка закрылась, но мне не хватило изобретательности, чтобы вправить болт и восстановить крепление.

Судя по всему, Клитеро предусмотрел не только возможность досмотра его вещей, но и то, что сей неприглядный факт попробуют утаить. Меня охватило смятение. Я посягнул на чужую тайну в надежде, что в отсутствие свидетелей об этом никто не узнает. А теперь уже ничего не скрыть. Если Клитеро вернется когда-нибудь за своими вещами, мне не избежать его упреков, ибо он непременно заметит поломку. Инглфилд также осудит меня, тем более что сам он отказался пойти на этот неблаговидный поступок, и мои неправомочные, тайные действия будут выглядеть в его глазах вдвойне отвратительными.

Но теперь уже ничего нельзя исправить. Дабы

подозрение не пало на невиновных, придется покаяться Инглфилду в моем проступке.

Тем временем все в доме погрузились в глубокий сон, и я поспешил к вязу, чтобы осуществить свой первоначальный план. Луна ослепительно сияла, однако я надеялся, что никого не встречу в столь поздний час на обычно безлюдной дороге. Комната моя располагалась во флигеле, над кухней, в которую вела небольшая лестница, а с жилыми помещениями основного дома флигель соединялся посредством галереи. Я погасил свечу и оставил на кухне, рассчитывая по возвращении зажечь ее от углей, еще не погасших в камине.

Добравшись до места, я стал лихорадочно копать землю, в душе почти не веря в успех этой затеи. Сломанный сундук никак не выходил у меня из головы, я чувствовал себя обескураженным, расстроенным и подавленным. К тому же поначалу не происходило ничего, что могло бы подбодрить и обнадежить меня. Но я продолжал копать, ибо состояние дерна наводило на мысль, что кто-то здесь побывал. Как только начинала брезжить надежда, оказывалось, что мне попался очередной камень. Я уже почти не чаял что-либо отыскать здесь. И тут лопата на что-то наткнулась, раздался странный звук. Я

извлек драгоценную находку и обнаружил, что это деревянная шкатулка ручной работы и что ее можно открыть. Несомненно, шкатулка была как-то связана с судьбой Клитеро. Наскоро забросав яму, я поторопился к дому, чтобы изучить свой трофей. С дороги открывался вид на долину, окаймленную с одной стороны цепью скалистых гор, которая служила естественной границей между владениями Инглфилда и расположенной на самом крайнем западе Норуолкской заставой. Дверь, ведущая в кухню, оттуда была не видна; только когда я завернул за угол дома, она оказалась в поле моего зрения. И я сразу же заметил выходящего из нее человека. Это чрезвычайно удивило меня. Я вжался в стену, чтобы не быть обнаруженным. Едва лишь незнакомец ступил на освещенное луной место, я мгновенно узнал в нем Клитеро. Он быстрыми шагами пересек поле и скоро исчез из виду.

Его появление было таинственно и необъяснимо. Зачем он наведался сюда, я не представлял. Огорчило ли меня то, что мне не удалось пока с ним поговорить? Ведь теперь придется объяснять ему, почему сломано его хранилище личных вещей. Радоваться мне или плакать по поводу несостоявшейся встречи?

Впрочем, эти мысли не отвлекли меня от выкопанной под вязом шкатулки. Я зажег свечу от углей и направился в комнату. Первое, что привлекло мое внимание, был разобранный на двадцать фрагментов и выброшенный в печь сундук Клитеро, который я оставил на низком столике в дальнем углу.

Вывод напрашивался только один: Клитеро побывал здесь и, обнаружив, что кто-то покусился на его скарб, в порыве негодования уничтожил собственную работу. Хорошо еще, что он не застал меня на месте преступления — в этом случае мне было бы несдобровать от его праведной ярости.

Я заставил себя не думать об этом и сосредоточился на своей находке. Механизм шкатулки оказался столь же мудреным, как и у сундука. Но в данном случае у меня не было причин скрывать следы моего вмешательства и обращаться с изделием Клитеро бережно. Отчасти обнадеженный тем, что не понес худшего наказания за неподобающий поступок, я воспылал к содержимому шкатулки еще большим любопытством, чем к пожиткам, хранившимся в сундуке. Положив шкатулку на пол, я расколотил ее на части ударами каблука.

Среди обломков что-то было. Поднеся это

«что-то» к свече, я развернул многочисленные обертки, и моему взору предстала книга. Ничто не смогло бы в такой степени заинтересовать меня. Но еще больший восторг я испытал, когда обнаружил, что держу в руках оригинальную рукопись. Я запер дверь, расположил поудобнее свечу и погрузился в чтение.

Уже по первым страницам я понял, что это. Клитеро говорил мне о письме, которое составила госпожа, стремясь оправдать свой отказ вмешаться в судьбу осужденного брата. Письмо не публиковалось, но многие читали его, а близкие друзья сохранили рукопись как драгоценный памятник литературному дарованию и добродетели миссис Лоример. Вот это-то письмо и лежало теперь передо мной.

Лишившись всего — и счастья, и надежд, и благосостояния, — Клитеро стремился сохранить рукопись госпожи, что вполне соответствовало его характеру. Приняв решение покончить с собой, он прежде хотел спрятать столь дорогую ему реликвию от любопытных взоров посторонних людей, и это был естественный для него поступок. Он не сжег ее, не разорвал на мелкие кусочки, а именно спрятал, поскольку его разгоряченному воображению уничтожение рукописи казалось

кощунством и святотатством. И совсем не случайно или в силу необъяснимого каприза он закопал ее именно под роковым вязом. С этим деревом была связана трагедия, повлиявшая на сон Клитеро, чем в числе прочего, можно объяснить и его постоянное влечение к вязу, и почему, впадая в сомнамбулическое беспамятство, он принимался копать там землю. Все-таки Клитеро опустил некоторые детали в своей исповеди — очевидно, чтобы осуществить до конца то, ради чего похоронил рукопись.

Я с жадностью принялся читать. Все соответствовало его рассказу. Но в изложении миссис Лоример события и обстоятельства, описанные в мельчайших подробностях, производили особенно сильное впечатление, свидетельствуя о крепости духа и твердости, равных которым я не встречал. Неудивительно, что Клитеро, с его тонкой душевной организацией, проникся ощущением ее несравненного превосходства, с трепетом вошел в ее мир, исполненный высочайшей добродетели, и, осознавая ценность жизни, которую он разрушил, с ужасом взирал на свое прошлое.

Жизнь явила ему доказательства непрочности земного процветания и счастья, а также пагуб-

ности любого человеческого заблуждения. Увы, даже такая личность, как госпожа Лоример, едва ли не беспорочная праведница, даже и она вплоть до минуты своей гибели находилась в плену превратного убеждения, что кровное родство священно, и оберегала жизнь злодея лишь потому, что он приходился ей братом. Клитеро был просвещен и чужд предрассудков, но он неизъяснимо мучился тем, что навлек на себя обвинение в неблагодарности. Страх услышать от ближних несправедливый приговор довел его до убийства и попытки самоубийства; боязнь запятнать себя воображаемой виной повлекла за собой реальные чудовищные злодеяния.

Я читал весь остаток ночи, но так и не дочитал рукопись до конца. Вопреки моему ожиданию, на следующий день шел дождь и дул сильный ветер. Но это не удержало меня, и я отправился в горы. Скользкие тропы и грязные лужи не могли помешать осуществлению моей цели. Взяв провизию и закутавшись в пятнистый брезентовый плащ, я поспешил к убежищу Клитеро.

Пройдя через пещеру, я достиг моста, который появился здесь благодаря моей изобретательности. С неба отчаянно лило, страшные раскаты грома усиливались в пустоте пещер и бездон-

ных пропастей. Я понимал, что начинается буря, но это не только не удручало меня, но даже радовало. Ярость стихий придавала небывалую торжественность и величие окружавшей меня картине.

Цепляясь руками и ногами за ветви моего импровизированного моста, я под порывом внезапного вихря чуть не свалился в пропасть и ради самосохранения вынужден был освободиться от своей ноши — пришлось сбросить ее в бездну. Это расстроило и обеспокоило меня. Преодолев опасный переход до противоположной скалы, я уселся в тени утеса отдохнуть.

Увы, все мои труды оказались напрасными, ибо утрата клади с едой для Клитеро перечеркивала цель, которую я преследовал. Я отчаялся мольбой или увещеваниями умерить его мучительные угрызения совести, укрепить его силу духа. Я шел сюда, чтобы дать ему пищу, убедив отказаться от голодовки, но теперь не мог этого сделать.

Впрочем, потерю не так уж трудно возместить. Надо только сходить домой и снова взять все необходимое. Времени на это уйдет немного, однако бурю желательно было переждать здесь. К тому же я не знал, вернулся ли Клитеро в свое убежище. Лишь обследовав вершину горы, я смо-

гу убедиться, есть ли там кто-нибудь. А заодно проверю, удался ли мой вчерашний эксперимент, принял Клитеро оставленную для него пищу или нет.

Занятый этими размышлениями, я блуждал взглядом по уступам противоположной скалы. Верхушки деревьев неистово колыхались на ветру, стволы пригибались под мощными порывами урагана, разгул которого здесь, в горах, не шел ни в какое сравнение с его слабым подобием в долине. Это было ужасное зрелище. Наконец мое внимание привлекло дерево, служившее мне мостом через бездну. Казалось, что оно сдвинулось с прежнего места. Шквальный ветер мог оборвать последние волокна, связывающие ствол с корнями, и, если буря вскоре не утихнет, дерево неизбежно рухнет в пропасть. Тогда обратный путь будет отрезан, и неприятности, от которых я стремился спасти отчаявшегося беглеца, придется познать мне самому.

Причем у меня и в мыслях не было, что Клитеро нашел другой способ попасть сюда, а значит, и я тоже смогу пройти этим маршрутом. Я полагал, что моя судьба зависит от того, насколько быстро мне удастся преодолеть пропасть, отделяющую меня от спасения. Промедление становилось

опасным, я с ужасом обнаружил, что дерево удерживают не более двух волокон, да и те того и гляди оборвутся.

Идти по стволу, скользкому от дождя и шаткому от ветра, было невероятно опасно. Чтобы удержаться, мне понадобятся исключительная ловкость и предельное внимание. Прежде всего следует освободиться от плаща и лежащей в его кармане рукописи. Вряд ли они пострадают, если я оставлю их на несколько часов или на день в надежном укрытии. Можно спрятать их за камнем, под нависающим утесом, а когда прекратится буря, я сразу вернусь за ними — после полудня либо завтра.

Взвесив все эти соображения, я поднялся на ноги и тут заметил какое-то движение на противоположном выступе, куда мне так хотелось скорее добраться, будто тень промелькнула среди кустов и камней. Сначала я решил, что это, возможно, енот или опоссум, но потом разглядел пуму. Серая, с огромными острыми когтями и сверкающими глазами, она издавала крики, похожие на человеческий голос, и определенно принадлежала к наиболее свирепой разновидно-

сти этих хищных кошек[3].

Наши охотники почти изгнали пум из ареала их первоначального обитания. Однако в диких районах Норуолка отдельные особи еще встречались, хотя в последнее время так редко, что я обычно не думал о предосторожности и забредал в самые глухие и безлюдные места, лишь изредка захватывая с собой ружье.

Вид кровавой бойни никогда не привлекал меня. Что за удовольствие преодолевать опасные топи и бешеные течения, продираться сквозь непроходимые заросли только ради того, чтобы подстрелить вальдшнепа или белку? Куда приятнее, блуждая по лесам и скалам, наблюдать, как пернатые и мохнатые лесные жители прыгают с ветки на ветку, а если удавалось приманить какого-нибудь зверька к себе на руку, это доставляло мне особую радость. Но, конечно, змеи и пумы — другое дело. В их истреблении я не усматривал ничего противоречащего моему миролюбивому нраву. Эти хитрые кровожадные хищники одинаково враждебны и человеку, и безобидным птицам и грызунам. Я до сих пор хра-

[3] Примечания: 3

Серый кугуар. Обликом и нравом он напоминает тигра, которому уступает в свирепости и силе, но представляет ничуть не меньшую опасность для человека. — *Примеч. автора.*

ню дома юношеские трофеи — шкуры кугуаров и змеиную кожу.

Поскольку я никогда не промышлял охотой — ни с целью наживы, ни из спортивного интереса, — то и ружье мне было не особо нужно. Зато благодаря усердной тренировке я овладел другим оружием, на умеренных расстояниях более надежным и сокрушительным. Это томагавк. Бросая его с шестидесяти футов, я мог перерубить дубовую ветвь или сухожилия пумы.

В последнее время мне редко приходилось встречаться с хищниками, к тому же у меня была конкретная цель — принести еду Клитеро, — поэтому я даже не подумал о том, чтобы взять с собой оружие. Зверь находился в непосредственной близости и, подстрекаемый голодом, мог напасть на меня, устроив себе кровавый пир. На человека и на оленя он бросался с одинаковой, неукротимой свирепостью. Сообразительность кугуара вполне соответствовала его силе, он умел определять, вооружен ли противник и способен ли оказать ему сопротивление.

Опыт прежних встреч с дикими кошками сразу дал мне понять, сколь опасно мое положение. Пума сидела на каменном выступе, не сводила глаз с моста и, вероятно, примеривалась, как пе-

ребраться по нему на другую сторону. Возможно, она учуяла мои следы еще издалека, и если ей удастся преодолеть пропасть, то вряд ли я сумею обмануть ее бдительность. На небольшом отдалении виднелась впадина, в которой скрылся в прошлый раз Клитеро. Охваченный страхом, я больше всего хотел последовать его примеру, но не мог этого сделать так, чтобы не привлечь к себе внимания пумы, и потому горько сожалел, что не успел найти другое убежище, когда еще была такая возможность.

Если пума сейчас даже не двинется с места, все равно мое положение не станет менее угрожающим. Преодолев мост, я сразу попаду в пасть к изголодавшемуся зверю. Минуту назад я боялся, что дерево рухнет в бездну, а теперь страстно желал этого, надеясь, что под порывами ветра связующие волокна окончательно порвутся, благодаря чему я обрету спасение.

Но, похоже, мои надежды были тщетными. Корни еще достаточно крепко держали поваленное над пропастью дерево, а зверь точил когти о камни и явно собирался перебраться по стволу ко мне.

Из всех возможных смертей я должен был принять самую ненавистную. Умереть от болезни

или от руки какого-нибудь человека казалось счастьем по сравнению с грозящей мне участью быть разорванным на куски клыками этой жестокой твари. Погибнуть во время бессмысленной попытки сбежать, зная, что, кроме пары обглоданных косточек, от тебя ничего не останется и друзья будут ломать голову, силясь понять, что с тобой произошло, — можно ли представить себе более ужасный исход? Я горько раскаивался в том, что, стремясь побыстрее добраться сюда, не предвидел подобной встречи и не принял никаких мер предосторожности. Самое большое зло таилось для меня в неопределенности ожидания. Смерть была неизбежна, но время, остававшееся до этого рокового момента, позволяло мне воображать чудовищные подробности моей предстоящей кончины. Пума встала на мост передними лапами и начала подбирать задние. Когти так глубоко впивались в дерево, что она с трудом их вытаскивала. И вот мост уже пройден, и дикий зверь ступил на выступ скалы, в тени которой прятался я. Нас разделяло теперь футов восемь, не более. Бежать было некуда. Позади и по бокам — отвесные скалы, а передо мной — эта голодная хищная тварь. Я приник к земле и закрыл глаза.

Из оцепенения ужаса меня вывел глухой шум, донесшийся до моих ушей. Я понял, что пума скрылась в той самой впадине, в которой я сам хотел найти убежище, сожалея, что не успел этого сделать. Спасение оказалось столь внезапным и неправдоподобно чудесным, что я подумал, уж не обманывают ли меня мои чувства. Нельзя было упустить такую возможность для бегства. Я сорвался с места и, цепляясь за ствол, пополз над роковой бездной. Дерево стонало и тряслось, ветер свирепствовал с невероятной силой, и когда я добрался до другого края пропасти, волокна, связывающие его с корнями, оборвались, и оно с грохотом рухнуло вниз.

Дрожь и волнение улеглись не сразу. Я с изумлением окидывал мысленным взором путь к моему спасению — от момента, как попал в столь чудовищный водоворот событий, и до того, как спустя короткое время выбрался из этой передряги невредимым. Упади дерево минутой раньше, и я был бы отрезан от мира или сорвался бы в пропасть. А случись падение чуть позже, и мне также не миновать бы гибели, поскольку пума уже вылезла из впадины и выражала свое удивленное разочарование столь яростно, что я похолодел.

Она увидела меня и метнулась к краю пропасти.

Потом присела на задние лапы и приготовилась к прыжку. Мной снова овладел леденящий страх. Поначалу мне казалось, что ей не хватит сил, чтобы преодолеть такое расстояние, но я знал невероятную ловкость этого зверя, который лучше, чем я, мог рассчитать, насколько оправдан риск.

И все же надежда, что пума не осмелится прыгнуть, еще теплилась. Впрочем, недолго. В решительном броске огромная дикая кошка взлетела над пропастью и уже коснулась лапами выступа скалы, на котором я стоял… но, на мое счастье, камни были скользкими, и пума, не сумев удержаться, рухнула в бездну. Пронзительный душераздирающий крик откуда-то снизу свидетельствовал, что она насмерть разбилась о дно пропасти.

Вновь я чудом избежал гибели. Только муки голода могли сподвигнуть эту расчетливую хищницу на такой отчаянный прыжок, и теперь мне не нужно было опасаться встречи с ней, когда я вновь отправлюсь сюда. Клитеро теперь тоже ничего не угрожало. Ведь он постоянно бродил в этих местах, и рано или поздно пума непременно напала бы на него. Останься она в живых, первой моей заботой было бы вооружиться томагавком,

выследить ее и убить. Но это очень трудно и опасно. Притаившись в траве или за ветками деревьев, она, скорее всего, заметила бы меня раньше, чем я ее, а в таком случае сомневаюсь, что мне удалось бы воспользоваться оружием.

Сердце у меня готово было выпрыгнуть из груди, я спустился с утеса по подземному лабиринту пещеры и вернулся в имение Хантли насквозь вымокший, продрогший и совершенно разбитый.

За ночь буря стихла; однако я так устал, что не чувствовал в себе сил для еще одной вылазки в горы. В урочный час я удалился в свою комнату. Мои мысли без конца возвращались к вчерашним приключениям. Кроме того, необходимо было понять, что делать дальше.

Поскольку моста больше нет, прежний путь теперь недоступен для меня. Новый мост мне не соорудить. Срубленное дерево издалека я притащить не смогу, а поблизости подходящих деревьев не растет. Должен быть какой-то иной способ преодолеть пропасть.

Я восстановил в памяти подробности моих подземных передвижений. Конечно, нужно получше изучить пещеру. Возможно, ее ходы имеют многочисленные ответвления. Маршрут, которому я все это время отдавал предпочтение, вел к уступу

скалы высоко над пропастью. Но мог существовать и другой путь, ведущий к подножию горы, а оттуда к вершине внутреннего утеса.

Опасность блуждания впотьмах по неизвестным тропам и уже проверенный вполне надежный проход, который мне сразу же удалось обнаружить, до сих пор удерживали меня от более тщательного обследования лабиринта пещеры. Однако теперь прежний путь стал тупиковым, и нужно было попытаться найти новый маршрут. Кроме того, мне непременно понадобится фонарь, чтобы не заплутать во всех этих закоулках. План был намечен, и я решил на следующий день взяться за его осуществление.

В памяти у меня неожиданно всплыли события, которые, если бы я вспомнил о них своевременно, послужили бы мне предостережением, и я не был бы столь безрассудным. Несколько месяцев назад один фермер, живший на окраине Норуолка, обнаружил в своих угодьях двух хищников, как ему показалось, это были пумы — самец и самка. Они задрали у него несколько овец, и он упорно, но тщетно за ними охотился. В других местах также случались нападения на скот, однако остальные фермеры полагали, что в гибели овец виноваты собаки, некоторые из них даже несправедливо

поплатились за это жизнью. Рассказ соседа о том, что он видел пум, доверия ни у кого не вызывал, поскольку считалось, что хищников в Норуолке давно нет, да и никто больше уже много лет их не встречал. И вот теперь я воочию убедился, что фермер говорил правду, а значит, сородичи чуть не убившего меня кугуара все еще могут обитать в глухих уголках этой дикой местности, и необходимо принять против них какие-то меры. Я решил, что отныне, отправляясь в путь, обязательно буду брать *с* собой томагавк.

Реальное прошлое и воображаемое будущее перемешались в моих мыслях, какое-то время не давая мне спать, но потом сон все же сморил меня.

Глава XIII

По возвращении домой я постоянно думал о Клитеро. План, которым я поделился с вами и которому предполагал посвятить свой досуг, был предан забвению и всплывал в памяти лишь изредка и то на краткие мгновения. Но помыслы, изгнанные из сознания в часы бодрствования, то и дело напоминали о себе, когда я пребывал в объятиях Морфея. Периодически мне снился Уолдгрейв. Причем казалось, что его присутствие в моих грезах вызвано не привязанностью и дружеским расположением, а беспокойством и гневом. За мной остался долг, я преступно пренебрег им, на что и намекал сей эфемерный гонец, призванный вдохновить меня, пробудить мою память, заставить выполнить взятые на себя обязательства.

Обычно я просыпался с утренней зарей. Но тут, возможно, из-за тревожных сновидений, поднялся, когда еще не погасли звезды. Все те фантомы, что до сих пор не давали покоя рассудку, неожиданно отступили, и мне открылось решение проблемы. Образ моего погибшего друга

вытеснил все остальное. Наши последние беседы, письма, которые он мне посылал за время своей недолгой, но наполненной делами жизни, — все эти драгоценные свидетельства его глубочайшей духовности и высокой нравственности всколыхнули мой разум, призвав меня к действию.

Мной вновь овладело желание взяться за решение главной задачи. Долг милосердия по отношению к Клитеро не отменялся. Оказать ему помощь, а заодно удовлетворить свое любопытство я тоже сумею. Но почему все внимание и все силы нужно сосредоточивать только на нем? Время, проведенное дома, лучше употребить на то, чтобы снять копии с писем Уолдгрейва.

Спустя несколько часов после восхода солнца можно будет вновь отправиться в горы. А пока я решил пересчитать и разобрать эти письма, отделить их от моих собственных и подготовить для копирования — невероятно ответственное и печальное занятие!

Однако меня смущало одно сновидение, вспомнив о котором я впал в уныние. Обратившись к письмам, я нарушу запрет Уолдгрейва, пренебрегу его неоднократно повторявшимися пламенно-патетичными просьбами. Как связано его появление в моих грезах с тем, что я собирал-

ся сделать? Возможно, таким образом мне было ниспослано напоминание о запрете?

Полагаю, вы мало знаете о духовной жизни моего друга. Наверное, необходимо пояснить кое-что, чтобы вы поняли, почему меня одолевали сомнения, и чтобы развеять ваше былое недоумение.

Уолдгрейв, подобно многим людям, с ранних лет посвятившим себя размышлениям и чтению книг, с возрастом менял свои религиозные и моральные принципы. Его юношеские воззрения имели тенденцию к отрицанию общепринятых взглядов, к обожествлению необходимости и универсальной материи, к неприятию взаимосвязанности и различия души и тела, к утверждению, что нет никакой зависимости между нравственным поведением человека и тем, что ждет его после смерти.

Он был вполне убежден в этом и проповедовал свои взгляды с необыкновенной горячностью. Вскоре после нашего знакомства судьба забросила нас в разные части света, и отношения можно было поддерживать только благодаря почтовой переписке. Мы писали друг другу регулярно, подробно и оставляли себе копии всех отправленных писем. Уолдгрейв много места уделял

защите своих излюбленных доктрин.

О том, что впоследствии его мировоззрение радикально изменилось, вам известно. Попав в атмосферу религиозности, прислушиваясь каждодневно к доводам и увещеваниям мистера С., чей кроткий нрав и безупречные манеры служили безусловным и наглядным уроком, мой друг раскаялся в своем отступничестве и вновь обратился к вере, став решительным противником того, что прежде отстаивал. И с тех пор как взгляды его трансформировались, он, казалось, более всего заботился о том, чтобы искоренить из моей души семена, которые сам туда и заронил.

Между тем обстоятельства снова свели нас вместе под одной крышей, и общение посредством писем сменилось жаркими беседами, только теперь он защищал и проповедовал религию так же рьяно и аргументировано, как еще недавно нападал на нее. Решительно отвергая свои прежние убеждения, он стремился устранить их влияние на меня и даже требовал, чтобы я уничтожил все рукописи и письма, в которых его ошибочное кредо было изложено. На мой счет он вряд ли уже опасался — верил, что я покончил с прошлым, проникшись противоположными воззрениями; но письма могли попасть в чужие

руки, и он боялся, что будет не в силах исправить причиненное ими зло. Мне он вовремя дал противоядие, а другим отравленным этими письмами противоядие могло и не помочь.

Однако я не готов был согласиться с необходимостью подобной жертвы. Многое из прежних его красноречивых рассуждений казалось мне весьма интересным. К тому же, помимо абстрактных материй, письма содержали бесценные фрагменты, отражающие историю жизни и характер моего друга. Как можно предать забвению такое сокровище? А отдельные записи, вырванные из общего контекста, лишь все исказят и испортят.

Много раз он тщетно просил меня уничтожить эти письма. Чистый душой и помыслами, он убеждал, настаивал, но, несмотря на мое упрямство, никогда не давал воли гневу. Однако страх непоправимого вреда, который могут причинить его юношеские заблуждения, был так силен, что противодействие с моей стороны стоило ему немалых душевных мук.

Теперь, когда его больше нет, я решил не только сохранить эти письма, но и снять с них копии, чтобы передать их вам, его сестре, о чьем процветании и благополучии он неустанно заботился. Подобно большинству женщин, вам чужды аб-

страктные умозрения. Религия базируется не на аргументах и доводах, а на чувствах. Неужели чужие сомнения относительно бытия и могущества Бога могут поколебать вашу веру? Если так, то я подтолкну вас к погружению в источник греха? И сделаю орудием вашего отступничества, виновником вашего падения того, кто был вам братом и все последние дни своей жизни только о том и думал, чтобы взрастить в вашей душе святость?

Эти мысли вдруг нахлынули на меня с такой беспощадностью, как никогда прежде. Я обещал, хоть и не без колебаний, предоставить вам копии его писем, но теперь предпочел бы взять назад свое обещание. В конце концов я решил выбрать для копирования лишь те страницы, которые носили повествовательный или описательный характер. Откладывать не имело смысла. Было еще темно, однако сон все равно улетучился, я зажег свечу у кровати, а когда свет разгорелся, прошел к шкафу, в котором хранил бумаги и книги.

Этот шкаф по совету Сарсфилда, не имевшего склонности к ремеслам, я смастерил сам, ибо в вашем покорном слуге способности к такого рода занятиям проявились рано и в полной мере. И шкаф, и ключ от его замка были моей собствен-

ной оригинальной конструкции. А для большей надежности шкаф находился в небольшом чуланчике, также запиравшемся на замок.

Взяв ключи, я отворил дверцу шкафа. Письма, сложенные плотной стопкой, были обернуты пергаментом и спрятаны в потайном ящике. Обнаружить его неподготовленным взглядом было невозможно, и открывался он при помощи механизма, устройство которого знал только я. Перед тем как лечь спать, я, как обычно, убрал письма в этот мой «секретный сейф».

Как же я был удивлен и растерян, когда наутро, вскрыв ящик, увидел, что писем нет. Разум отказывался верить, и я просунул пальцы глубже. Пусто. Куда подевались письма, кому понадобилось их красть? Кроме меня, о потайном ящике никто не знал. Может, я положил их в другое место и забыл об этом? Сколько я ни размышлял, как ни напрягал память, все безрезультатно. Я не мог придумать ни одной причины, по которой вдруг решил бы так поступить, а главное, абсолютно не помнил, чтобы делал нечто подобное.

И что теперь? Бесценное сокровище исчезло. Все мои мысли и душевные силы необходимо было направить на то, чтобы вернуть утрату. Нельзя поддаваться отчаянию. Я обыскал все отделения,

какие имелись в шкафу, не желая верить, что письма действительно пропали. Но даже это не убедило меня в реальности произошедшего. Видимо, мои чувства притупились. Ведь не могла же стопка писем выбраться из деревянного ящика сама по себе. Однако, раз ее нет на месте, значит, она исчезла.

Я был вне себя от изумления и ужаса. Обыскал все закоулки во второй и в третий раз. Зрение и осязание по-прежнему свидетельствовали, что писем нет. Я пересмотрел все шкафы и сундуки в доме. Проверил все карманы, вытащил все инструменты, но и это не помогло.

Долго мне не удавалось прийти в себя и успокоиться. Я прилег на кровать и погрузился в тягостные раздумья. Невозможно было смириться с тем, что письма утеряны безвозвратно. Меня окутал зловещий ужас. Словно кто-то нашептывал мне, что сокровище, которое я ценил превыше собственной жизни, по воле злой неумолимой судьбы уничтожено. И те же потусторонние силы, что забрали из запертого шкафа мою драгоценную реликвию, могут порвать письма на мелкие кусочки и развеять над горами и океанами, а меня обречь на вечные тщетные поиски.

Но кто их похитил? Из всех живых существ на

земле только вам было известно о существовании этих писем, да и то опосредованно. К тому же нас с вами разделяет много миль, и вы абсолютно не представляете, где я нахожусь. Без моего разрешения никто не имел доступа к шкафу, более того, не мог даже войти в эту комнату. Ночью двери были заперты. Не более пяти часов назад я открывал потайной ящик, просматривал письма и убедился в их целости и сохранности. Именно в этот промежуток времени кто-то и похитил мое сокровище.

Столь необъяснимое и ужасное происшествие кого угодно могло свести с ума. От бессилия я впал в оцепенение, из которого меня внезапно вывел звук мягких шагов за дверью моей комнаты. Я вскочил с кровати так, словно воочию увидел грабителя. Но, прежде чем я добежал до порога, раздался звонок. Мне даже в голову не пришло узнать, кому я понадобился посреди ночи. Руки мои дрожали, сердце неистово колотилось, и я с трудом сумел отпереть дверь. Передо мной стоял мой дядя, вероятно только что покинувший постель, ибо он был в ночной сорочке!

От него не укрылось, насколько я растерян и взволнован, и он спросил, все ли со мной в порядке. Я не ответил ему. Его появление у меня в

комнате и в таком виде усугубило мое изумление. Я был под впечатлением пропажи и сразу же подумал, что приход дяди ко мне в столь неурочный час, возможно, как-то с этим связан. И я, в свою очередь, осведомился, что привело его сюда.

Дядя сказал, что услышал шум и захотел взглянуть, кто колобродит в ночи — я или кто-то чужой.

— Что случилось? Почему ты не спишь? — недоуменно вопрошал он.

Я ответил, что меня разбудил беспокойный сон и я уже больше не смог заснуть, а потому решил встать пораньше и заняться делами.

— Но зачем ты поднимался по лестнице? Неужели полагал, что внизу никто не проснется и не заинтересуется, чем ты тут занимаешься?

— По лестнице? Я всю ночь провел в своей комнате. Встал минут десять назад, и дверь до твоего прихода все время была заперта.

— Н-да… Странно! Нет, не может быть! Я знаю твои шаги. Это ты ходил целый час взад-вперед по большой зале. Сначала я еще сомневался, но потом убедился, что это ты. Ну, разве толика сомнения осталась, вот я и пришел проверить.

Такой поворот событий уже окончательно вывел меня из равновесия. Мне были нужны

подробности. Дядя сказал, что один звук насторожил его — не столько громкий, сколько непривычный. Он отчетливо слышал, как кто-то идет босиком по зале. Стук шагов доносился с небольшими перерывами примерно в течение часа. Потом стих, и тут же раздался этот странный звук — будто подняли крышку большого кедрового сундука, который стоит в углу. Затем шум прекратился. Минут пятнадцать дядя пытался осознать происходящее. Версия, что по дому слоняется его племянник, показалась ему наиболее правдоподобной, и он осмелился побеспокоить меня, чтобы выяснить, так ли это.

В доме три этажа. Два нижних поделены на многочисленные комнаты. А весь верхний этаж представляет собой одно огромное помещение: его стены — это стены дома, а потолок — крыша. Там никто не живет, только свалены доски и разный хлам. Освещена зала скудно, так как в ней лишь одно створное окно. Именно оттуда и доносились странные шаги.

Наверх из прохода возле моей комнаты ведет лестница. Я зажег свечу и попросил дядю следовать за мной, так как мне не терпелось узнать правду. Он согласился меня сопровождать, однако заметил, что шагов давно не слышно и

незваный гость, наверное, уже сбежал.

Наверху я переворошил доски, столы, стулья, корзины, но никаких следов человеческого присутствия не обнаружил. В кедровом сундуке, про который говорил мистер Хантли, хранились старые книги, а также вышедшие из употребления географические карты.

Сундук не запирался. Я перебрал все его содержимое и не нашел ничего интересного.

Между кухней и этой большой залой можно было пройти совершенно беспрепятственно. Мы их держали открытыми, считая, что там вряд ли что-либо может привлечь внимание посетителей.

Когда поднялись остальные домочадцы, я расспросил их, но это тоже ничего мне не дало. Нас в доме было четверо: я, дядя и две мои сестры. Узнав о пропаже, они предложили свои догадки случившегося, столь же невразумительные, как и все прежние.

Моим беспокойным размышлениям не было конца. Кроме меня, один только Уолдгрейв знал, как открывается мой тайник. До самой смерти он не переставал беспокоиться об этих письмах, мечтая завладеть ими, дабы затем уничтожить либо понадежнее спрятать. Будь он в сознании перед кончиной, непременно снова попробовал

бы уговорить меня сжечь их.

И вот теперь они исчезли. И нет никаких подозрений, никаких гипотез по поводу того, что произошло. Это выше человеческого понимания. Без сверхъестественных сил тут явно не обошлось.

Но, с другой стороны, в доме побывал человек. И пусть его мотивы неведомы мне, однако ходить по лестницам и открывать сундуки способны только человеческие существа.

Похищение писем и загадочное проникновение в дом незнакомца случились в одно и то же время. Неужели это просто совпадение? Неужели грабитель и незваный гость — два разных лица? Пропажа моего сокровища никак не ассоциировалась у меня с действиями человека, но в глубине души я верил, что все в этом мире взаимосвязано, и надеялся, что, установив личность незнакомца, смогу приподнять покров и над тайной похищения.

В моих мыслях царило уныние, не мешавшее мне, однако, предаваться мечтам. За целый день я ни разу не вспомнил о Клитеро и вернулся к размышлениям о нем лишь ночью. Я находил хоть и слабое, но все-таки утешение в надежде на то, что время в своем чреватом взрывами коло-

вращении рассеет когда-нибудь окутавший меня мрак. А теперь надо было забыть все связанное с пропажей писем и думать только о Клитеро.

Беспокойство мое не уляжется, пока я еще раз не побеседую с ним. С нетерпением я стал дожидаться утра. Меня не покидала уверенность, что каждая минута причиняет ему новые страдания, как нравственные, так и физические, и я полагал, что в моих силах даровать ему облегчение. Еду, что я принес, он, конечно, уже съел, а трехдневное воздержание от пищи может серьезно подорвать его жизненные силы. Временами мне хотелось отправиться в путь без промедления. Ночь была в самом разгаре, но пронесшаяся буря очистила воздух, да и полная луна озаряла землю ослепительным светом.

И все-таки я воздержался от этого опрометчивого шага, понимая, что мне необходимо хоть немного поспать, иначе мой организм просто не выдержит. Впереди у меня новые трудные испытания, и если не отдохнуть, от моего рвения не будет никакого толку. Я уже собирался лечь в постель, когда произошел еще один инцидент, помешавший мне осуществить это намерение.

Глава XIV

Я загасил светильник и, бросив взгляд в окно, из которого в комнату проникали, переливаясь, лунные блики, заметил, что к дому подъезжает всадник. Виден был лишь силуэт, но что-то в фигуре этого человека показалось неуловимо знакомым. Меня заинтриговало его сходство с кем-то, кого я некогда знал. Потом всадник остановился и заговорил с прохожим, попавшимся ему навстречу. Вероятно, удовлетворенный ответом, он проследовал прямо во двор, спешился и подбежал к двери. Я сразу же сорвался с места, торопясь открыть ему. Мне не терпелось узнать, кто он и какова цель его приезда.

Он любезно поприветствовал меня, но не сердечно, а так, как это делают посторонние люди, и спросил, не здесь ли проживает молодой человек по имени Эдгар Хантли. Я ответил утвердительно и пригласил его в дом, после чего он вошел и непринужденно расположился у потрескивавшего в камине огня. Однако во взгляде его сквозили сомнение и беспокойство. Казалось, он очень хотел расспросить меня о чем-то и в то же время

боялся, что мои слова обманут его надежды или подтвердят дурные предчувствия.

Между тем я с интересом приглядывался к нему. Меня не покидало ощущение, что мы с ним действительно прежде встречались, однако ни его имени, ни обстоятельств той встречи я вспомнить не мог. Наконец он заговорил, неуверенно и слегка запинаясь:

— Меня зовут Уэймут. Мне надо получить сведения об одном джентльмене… Поймите, от этого зависит мое счастье…

Я вздрогнул, услышав его имя. Живые, волнующие воспоминания нахлынули на меня, сразу напомнив о вашем брате. Вы знаете, что они были друзьями. Три года назад Уэймут отбыл из Америки, и никакие вести о нем не доходили — во всяком случае, до Уолдгрейва. Теперь он вернулся и, возможно, пребывает в неведении о смерти своего друга.

Прервав напряженную паузу, Уэймут продолжил:

— Я узнал о том, что случилось, как только приехал сюда, и это известие глубоко опечалило меня. Я любил Уолдгрейва. Нет на земле никого, кто был бы так же дорог мне. В силу некоторых обстоятельств его жизнь стала для меня бесцен-

ной, даже если он и уступал кому-то по части своих достоинств. Я не преувеличу, сказав, что мое собственное существование, как и мое благосостояние, было неразрывно связано с ним. Сразу же по возвращении на родину я навел о нем справки. Мне сообщили о его безвременной кончине. И тогда, поскольку от этого зависит мое счастье, у меня возник ряд вопросов относительно того, что сталось с его имуществом и где оно находится. Я разыскал знакомых Уолдгрейва, в том числе очень близких, видевших его в последние дни, но нужной информацией они не владели. Наконец мне сказали, что один молодой человек пользовался особым уважением и доверием со стороны покойного, и назвали ваше имя. Мне также приблизительно сообщили место вашего пребывания, добавив, что, вероятно, вы распоряжаетесь наследством Уолдгрейва и лишь от вас я смогу получить необходимые сведения. И вот теперь я обращаюсь к вам с нижайшей просьбой честно ответить на мои вопросы.

— Что ж, — откликнулся я, — это нисколько не затруднит меня. Спрашивайте все, что хотите. Я отвечу с радостью и ничего не скрою.

— Тогда скажите, какого рода собственностью и в каком объеме располагал ваш друг к моменту

своей смерти.

— Деньгами. Он вложил их в один из североамериканских банков. Чуть меньше восьми тысяч долларов.

— К кому они перешли?

— К его сестре. Больше у него не было родни.

— А какие-то распоряжения по поводу наследства он не оставил?

При этих словах Уэймут посмотрел мне прямо в глаза, да так, словно хотел прочитать мои самые сокровенные мысли. Меня удивили его вопросы, а еще более тон, каким они были заданы. Все же я поспешил ему ответить:

— Он не успел изъявить свою волю. Бумаг, по которым можно догадаться о его намерениях, тоже нет. Но, конечно, он все оставил бы сестре. И не только в силу родства, но и потому, что горячо любил ее и за многое был ей благодарен.

Уэймут отвел от меня взгляд и погрузился в печальные раздумья, сопровождавшиеся частыми глубокими вздохами. Его манера себя вести, странное напряжение, с каким он задавал вопросы, озадачили меня. От сведений, которые я сообщил ему в свете его интереса к судьбе Уолдгрейва, он должен был испытать удовлетворение, но никак не огорчение. Наследство

Уолдгрейва оказалось намного больше, чем можно было ожидать, судя по его образу жизни и весьма скромному достатку, и этого вполне хватило, чтобы вы не нуждались в самом необходимом. Он спас дорогих ему людей от нищеты, в которой они пребывали, и помог им таким образом обрести счастье. Молчание затянулось, но я не прерывал размышления Уэймута, однако готов был ответить на любой его новый вопрос.

Наконец он заговорил вновь:

— Видимо, Уолдгрейву сопутствовала удача — столько накопить за такое короткое время. Помню, когда я прощался с ним, он был беден и сожалел, что прямодушие, честность и щепетильность не способствуют благосостоянию, обычные пути к которому для него неприемлемы. Он не презирал богатство, но превыше всего ценил порядочность и профессионализм, а потому считал себя обреченным на бедность. В силу своих религиозных убеждений он зарабатывал на хлеб насущный преподаванием в школе для чернокожих. Работа была очень тяжелой, а оплата не соответствовала труду, подрывавшему его не самое крепкое здоровье. Денег едва хватало, чтобы не умереть с голоду, да и то не всегда, и он часто болел. Рад, что ему удалось отступить от своих

принципов и найти более прибыльное занятие. Простите, чем он занимался в последние годы?

— Нет, — возразил я, — его принципы остались неизменными. Он продолжал преподавать в свободной негритянской школе вплоть до роковой трагедии.

— Неужели?! Но откуда тогда у него взялись деньги? Может, он совмещал работу учителем с каким-то более доходным делом?

— Пожалуй, так.

— И с каким же?

— Увы, на этот вопрос не смог бы ответить никто из друзей Уолдгрейва. Даже у меня, посвященного во многие его тайны, не было на сей счет ни малейшего представления. Я не только не знал, что он имел какие-то дополнительные источники заработка, но был совершенно убежден, что, помимо одежды и книг, у него ничего нет. Просматривая бумаги Уолдгрейва, я случайно наткнулся на банковскую книжку, где значилась сумма семь с половиной тысяч долларов. Но о том, как он приобрел эти деньги, да и вообще об их наличии никому не было известно до самой его смерти, пока нам не пришлось разбираться с бумагами покойного.

— Возможно, кто-то оставил ему деньги на хра-

нение. В таком случае должны быть документы или письма, удостоверяющие это.

— Да, разумеется. Предположив нечто подобное, я самым тщательным образом изучил каждый клочок бумаги, который удалось найти, но никаких подтверждений того, что деньги принадлежат какому-то другому лицу, не обнаружил.

— Вас, наверное, удивляют, даже оскорбляют мои вопросы, — сказал Уэймут. — Пора объяснить вам, почему меня так интересует наследство вашего друга. Три года назад я, как и Уолдгрейв, был беден и, работая в поте лица, едва сводил концы с концами. За семь лет чиновничьей службы мне удалось, экономя на пропитании, скопить несколько сотен долларов, и с помощью этих денег, которые должны были стать основой моего будущего благосостояния, я начал новую жизнь. Закупив кое-какой товар, я зафрахтовал небольшое судно и отправился в Испанию, в Барселону. Мне сопутствовала удача, дела приводили меня то в Англию, то во Францию, то в Германию, и в конце концов, заработав достаточно средств для удовлетворения всех моих нужд и прихотей, я решил вернуться на родину и провести остаток дней, наслаждаясь чудесной безмятежной

жизнью богатого фермера. Основную часть денег я вложил в крупную партию произведенного на острове Мадейра вина, а остальное обратил в вексель на сумму семь с половиной тысяч долларов. Все годы, пока я жил в Европе, мы с Уолд-грейвом поддерживали переписку. Я был абсолютно откровенен с ним и всецело доверял его честности, поэтому послал ему свой вексель с просьбой сберечь деньги до моего возвращения. Это была страховка на случай, если при пересечении океана со мной или с грузом произойдет какое-нибудь несчастье.

Видимо, не зря я опасался, ибо судьбой мне была уготована худшая из бед. Мы попали в ужасный шторм, судно мое затонуло у побережья Португалии, груз был потерян, почти все пассажиры и матросы погибли. А я, по воле все той же судьбы, остался жив — меня подобрали рыбаки. Но несчастья на этом не кончились. Тяжелые испытания, выпавшие на мою долю, ледяная вода, которую я откачивал в течение нескольких дней, пытаясь удержать судно на плаву, и долгие ночные часы, проведенные в холодных волнах зимнего океана, когда я дрейфовал, повиснув на обломках каких-то снастей корабля, серьезно подорвали мое здоровье. Руки и ноги отказывались

подчиняться мне, я буквально не мог пошевелить ими. Рыбаки, которым я был обязан своим спасением, доставили меня на берег и отнесли в одну из хижин, где, беспомощный и страдающий, я провел три недели.

Эта часть побережья была бесплодной и дикой. Немногочисленные жители существовали в основном за счет морского промысла. В тесных жилищах не было никаких удобств — лишь грязь, разруха и темнота. Топливом служили стебли кустарников, растущих кое-где в этой песчаной пустыне. И повсюду вокруг царила беспросветная нищета. Черный хлеб с солью и полусырая рыба со всеми ее потрохами — вот и все, что могли позволить себе, да и то не всегда, приютившие меня люди.

Бедность и невежество не позволяли им обеспечить мне тот уход, в котором я нуждался в силу тяжелой болезни и моих былых привычек. Я лежал на сырой земле, под протекающей крышей и дрожал от холода, поскольку меня не переодели во что-нибудь теплое, не укрыли одеялом, даже не разожгли огонь, чтобы я мог согреться. Впрочем, заботливость и сострадание были для этих людей непозволительной роскошью. Да и вряд ли у них вообще имелось жилище с более комфортными

условиями. Так что я, без сомнения, расстался бы там с жизнью, если бы в хижину случайно не заглянул один монах. В нескольких милях от берега находился монастырь Святого Яго, и периодически кто-нибудь из монахов наведывался к рыбакам, чтобы узнать, не нуждаются ли эти изгои в проведении каких-либо религиозных обрядов. На мое счастье, их ежегодный визит пришелся как раз на то время, когда я уже готов был проститься с жизнью.

Проведя много лет среди испанцев, я неплохо освоил язык, на котором они изъяснялись. Монах говорил на наречии, весьма близком к кастильскому, так что, вставляя фразы на латыни, мы вполне могли общаться. Между тем речь рыбаков, изобиловавшая жаргонизмами, была настолько невразумительной, что я не понял ни слова, когда они, желая укрепить мой дух, пытались сообщить мне о предстоящем визите.

Монах с участием отнесся к моим бедам и принял меры к тому, чтобы меня перенесли в монастырь. Здесь я встретил заботливый уход, ко мне позвали врача. Правда, он был не очень сведущ в своем деле и просто констатировал, что я болен, не оказав никакой помощи. Португальские врачи, особенно в отдаленных районах,

мало чем отличаются от знахарей и вещунов. Долгое время я был не в состоянии покинуть мое убогое ложе, и мне ничего не оставалось, кроме как проводить день за днем во мраке обители.

Все эти монахи, в том числе и мой избавитель, которого звали Каледро, были фанатичны и скаредны. За их видимой добротой скрывалось стремление обратить в свою веру очередного еретика. Они без устали изобличали мои заблуждения и готовы были держать меня в плену сколь угодно долго в надежде добиться своей цели. Если бы моя судьба была в их власти, я никогда бы не покинул монастырь и в конце концов либо стал бы таким же религиозным фанатиком, либо свел счеты с жизнью, дабы не оказаться жертвой их благонамеренного гонения. Между тем Каледро, хоть и был столь же искренен в вере и упрям в намерениях, видя мою непреклонность, использовал свое влияние, чтобы даровать мне свободу.

Благодаря его стараниям монахи после многих отсрочек все же согласились переправить меня в Опорто[4]. Ехать надо было по горам в открытой повозке под палящим солнцем жаркого лета. Монахи пытались отговорить меня от этой затеи

---

[4] Примечания: 4
Опорто (Oporto) — испанское название г. Порту в Португалии.

ради моего же блага, потому что человек в столь плачевном состоянии мог и не перенести тяжелого путешествия, но я готов был на все, лишь бы вырваться из заточения. Даже смерть казалась мне предпочтительней, чем оставаться узником португальского монастыря. Кроме того, я нуждался в лечении и надеялся на врачей из Шотландии или Франции, коих можно было найти в городе. Я настаивал на отъезде с таким упрямством и так яростно, что они наконец пошли мне навстречу.

От монастыря до Опорто не больше девяноста миль пути, но мы ехали целую неделю. Места по дороге были пустынные и глухие. Тряска усиливала и без того жестокие боли, на каждой остановке сопровождавшие меня люди говорили, что до следующей я не дотяну. Их отрядили в эту поездку без учета особенностей характеров. Дикие и бесчеловечные, они жестокостью обращения со мной стремились ускорить мою смерть. И сознательно растянули на неделю путешествие, которое можно было осуществить за четыре дня. И, конечно, пренебрегли полученными в монастыре указаниями по поводу моего содержания и питания. От них, равно как и от крестьян, считавших меня еретиком, я претерпел множество издевательств и оскорблений. До сих пор удивля-

юсь, как, будучи не самым сильным человеком, к тому же изнуренным недугом, я сумел все это вынести. Несмотря на тяготы пути, страдания и боль, мне все-таки удалось добраться до Опорто.

Вопреки инструкциям Каледро, мои провожатые привезли меня не в монастырскую больницу, а в общественную, где сбросили с повозки прямо на землю перед воротами, после чего с проклятиями удалились, предоставив мне самому о себе позаботиться. Там я и провел всю ночь. Когда наутро меня обнаружили и внесли внутрь, то не сразу смогли разобрать, жив я или мертв.

Придя в сознание, я попытался втолковать персоналу больницы, чтобы ко мне привели кого-нибудь из английских торговцев. В моем состоянии сделать это было довольно трудно. Я так ослабел, что не мог отчетливо произносить слова, вдобавок говорил с сильным акцентом, и меня никто не понимал. И потом, вероятность моей скорой кончины, не способствовавшая внимательному ко мне отношению, сделала окружавших меня людей равнодушными к желаниям и просьбам умирающего.

Я не буду подробно описывать свои злоключения, скажу лишь, что на меня обратил внимание один француз, из любопытства заглянувший в

больницу. Он позвал ко мне английского торговца, а тот привел человека, некогда жившего в Америке, который, как оказалось, слышал обо мне от наших общих знакомых. Благодаря их вмешательству меня перевезли из больницы в частный дом. Ухаживать за мной поручили корабельному врачу, шотландцу, и за семь месяцев мое здоровье полностью восстановилось.

Из Опорто я на американском корабле добрался до Нью-Йорка. Лишившись всей своей собственности, я уповал на чек, оставленный на хранение Уолдгрейву, с которым должен был немедленно связаться, чтобы, получив деньги, оплатить долг по контракту и иметь средства на пропитание. Однако в Филадельфии, куда я срочно прибыл, мне сообщили, что мой друг умер. Это случилось спустя значительное время после отправки чека, так что я оплакивал только потерю друга. Что касается денег, то у меня не было ни малейших сомнений в их целости и сохранности, ибо я полагал, что либо в завещании, либо в каких-то других бумагах есть распоряжения на этот счет с указанием моего имени.

Я разыскал многих наших общих знакомых, но они понятия не имели о завещании Уолдгрейва и смогли поведать мне лишь странную историю

его гибели, а еще сообщили адрес, по которому он тогда проживал. Я нашел нужный дом и выяснил, что он жил там довольно обособленно, вдвоем с сестрой. Когда соседи рассказывали мне о нем, я понял, что они совершенно его не знают. В их поведении и манере говорить не было даже намека на добрососедские отношения, а в елейности тона явственно слышался оттенок предубеждения и зависти. По их словам, сестра Уолдгрейва уехала, а куда и надолго ли, не соизволила сообщить, да им до этого и дела не было. Она, мол, слишком высокомерна для своего положения и, хоть внешне недурна, умом не блещет, любит, когда перед ней преклоняются. Меня не очень интересовало мнение этих людей о сестре Уолдгрейва, но они обмолвились, что у нее были причины покинуть город и скрывать место своего пребывания. Некоторые вещи трудно утаить, говорили они, единственный способ — исчезнуть с глаз долой.

С сестрой Уолдгрейва я никогда не встречался, хотя, конечно, знал о ее существовании. И если бы не откровенная грубость и озлобленность соседей моего покойного друга, я вообще пропустил бы мимо ушей их нелицеприятные замечания о ней. Ее человеческие качества меня мало заботили, но мне необходимо было выяснить, куда она уехала,

поскольку кто, как не его сестра, может быть в курсе последних распоряжений Уолдгрейва. Однако соседи выказали полное невежество по этому вопросу и даже не смогли или не захотели назвать хоть кого-нибудь, кто был бы осведомлен лучше, чем они. Лишь под конец разговора у меня снова забрезжила надежда, когда они вспомнили, что после смерти Уолдгрейва его сестру часто навещал некий человек по имени Хантли, который живет где-то в сельской местности недалеко от Делавэра. По их словам, она была с ним на короткой ноге, и он сопровождал ее при отъезде. Если кому-то известно, что с ней сталось, то только ему.

Имя Хантли было мне знакомо. Я родился и провел детские годы неподалеку отсюда, в Четаско, и о вашей семье имел представление; к тому же Уолдгрейв отзывался о вас как о человеке, который в зрелом возрасте принесет пользу отечеству. В надежде, что вы сможете сообщить мне нужные сведения, я решил заехать к вам по дороге к отцу, в Четаско. Не зная, где я и что со мной, он наверняка пребывает в отчаянии, так что я хочу поскорее успокоить его и от вас сразу отправлюсь к нему, совместив, таким образом, два дела.

Перед тем как покинуть город, я собирался заглянуть в торговую контору, где в лучшие времена открыл свой счет. Если счет был представлен и оплачен, то, несомненно, об этом сохранились какие-то записи, которые помогли бы мне выяснить дальнейшую судьбу моих денег. Но и здесь меня постигла неудача: торговец разорился и сбежал в неизвестном направлении от гнева кредиторов, не оставив никаких документов, свидетельствующих об этой и о других его сделках. Поскольку сей проходимец был родом из Голландии, полагаю, туда он и вернулся.

Глава XV

— Я ехал к вам, не очень рассчитывая на удачу. Перенесенные напасти подорвали мою веру в безоблачное будущее, и внутренне я был готов услышать от вас примерно то, что услышал. Не зная тайных мотивов Уолдгрейва и его сестры, я не вправе судить об их честности. Вам остается лишь поверить мне на слово. Все вещественные доказательства, поручительства и бумаги, которые подтвердили бы мою правдивость или которые я мог бы представить в суде, похоронены в океане. Я выслал счет перед самым отплытием из Мадейры и проинформировал Уолдгрейва в сопроводительных письмах о своем скором возвращении домой. Предположим, что он не получил этих писем. Между тем суда, с которыми я их передал, прибыли своевременно. Если письма не попали к адресату, значит, хранятся на почте. А там их нет.

Вы сказали, что в бумагах Уолдгрейва не было никаких свидетельств его финансовых обязательств передо мной. Но ведь мы состояли в переписке и до этой сделки. Неужели вы не

нашли ни одного письма с моей подписью? Ответьте честно: насколько внимательно вы все изучили? Может, часть корреспонденции где-то затерялась?

— Полагаю, я лучше, чем кто-либо другой, информирован в этом вопросе, так что готов сообщить вам все, что знаю, — откликнулся я. — Уолдгрейв не отличался общительностью. Однако мне он писал часто, подробно и, по-моему, весьма откровенно. Все его книги и бумаги хранились в одном сундуке. Когда он умер, ключи от сундука были при нем. Я хотел передать их его сестре, но она попросила, чтобы я сам открыл сундук и просмотрел содержимое, что я и сделал с надлежащей тщательностью. Сейчас архив Уолдгрейва у меня. Бумаг, о которых вы говорите, там нет. Отсутствуют и письма с вашей подписью. И я, и Мэри Уолд-грейв можем заверить вас, что мы не из тех, кто замалчивает правду и не соблюдает законы. Когда Мэри удостоверится в правомочности ваших притязаний, она, непременно, передаст деньги вам. И как только у меня не останется сомнений в том, что ваш рассказ соответствует действительности, я употреблю все свое влияние (а оно, поверьте, весьма велико), чтобы убедить Мэри как можно быстрее восста-

новить справедливость. Но теперь позвольте и мне задать вам ряд вопросов. Кто этот голландец, который обеспечивал покрытие вашего счета, какого числа были подписаны документы, скрепляющие сделку, и когда, предположительно, Уолдгрейв должен был получить оригинал и дубликаты счета?

— Точной даты я не помню. Все бумаги были составлены за неделю до того, как я отплыл в Испанию, а это произошло десятого августа тысяча семьсот восемьдесят четвертого года. Письма с оригиналом и дубликатами счета я отправил тремя кораблями: один шел курсом на Чарльстон, два других — на Нью-Йорк. Корабли прибывали в порты назначения с двухдневными интервалами в середине ноября того же года. Имя голландца, обеспечивавшего платеж, Монтейт.

Обдумав его слова, я после небольшой паузы сказал:

— Обещаю сообщать вам все, что мне удастся выяснить по поводу этой сделки и вашего в ней участия. Как я уже говорил, в бумагах покойного о вас нет никаких упоминаний. Но повторяю, о том, что он располагал такими деньгами, мы не знали до самой его смерти. И не могли понять, каким образом он стал обладателем столь внуши-

тельного состояния. Жалованье преподавателя не обеспечивало даже самых насущных его потребностей, а других доходов он не имел. Найденная среди его бумаг банковская расписка датирована декабрем тысяча семьсот восемьдесят четвертого года, то есть двумя неделями позже описанных вами событий. Это совпадение вряд ли случайно и, определенно, свидетельствует в вашу пользу. Мэри Уолдгрейв в настоящее время живет в Абингдоне. Она, как и я, будет рада встретиться с другом ее брата. И выслушает вашу историю беспристрастно, с искренним участием. Не знаю, насколько это ускорит ее решение, но уверен, что оно, как всегда, будет основано на принципах благородства и справедливости, так что вы не сможете не согласиться с ним, даже если ваши ожидания не оправдаются.

— Конечно, я приму любое ее решение, — ответил Уэймут, — хотя и не сомневаюсь в праведности своих притязаний. Совпадение, на которое вы обратили внимание, лишний раз убеждает меня в том, что деньги по моему счету были выплачены, вот только подтвердить это некому. Я — единственный свидетель собственной честности, но показания памяти и чувств заинтересованного лица вряд ли могут удовлетворить вас. Пока

есть только мои ничем не подкрепленные слова, отмеченное вами совпадение и несоответствие суммы наследства с тем, что вам было известно о финансовом состоянии Уолдгрейва до его смерти. Возможно, какие-то факты, говорящие о достоверности моей истории, вы запамятовали или по какой-то причине считаете нужным скрыть от меня, не берусь судить. Не знаю, какова степень вашей с Мэри Уолдгрейв привязанности друг к другу. Я не вправе ни ставить под сомнение вашу порядочность, ни испытывать к вам безоговорочное доверие. Мне неведомо, насколько высоки ваши добродетели и насколько вы подвержены искушениям. В любом случае решать мисс Уолдгрейв, и, что бы она ни решила, вне зависимости от моего отношения к этому, я не стану возражать, жаловаться или выказывать недовольство.

Я понимаю, что не могу опереться на закон. Если мне удастся вернуть свои деньги, то это будет правосудие, идущее от сердца, а не бездушное исполнение законодательства. Именно на такое правосудие я и рассчитываю, но, при всей убежденности в собственной правоте, не уверен, должен ли я принимать эти деньги от мисс Уолдгрейв, даже если она пожелает их мне отдать. Я знаю свои потребности, строю определенные

планы на будущее и представляю, какие средства на это нужны. И в то же время я понятия не имею, как живут другие люди, каковы их устремления и насколько эти деньги необходимы им. Мне предстоит решить, должен ли я стоять на своем или правильнее будет отказаться от притязаний на возвращение денег. Но ваша жизнь для меня потемки. Так рассейте мрак моего невежества и расскажите о себе, как это только что сделал я, поведав вам свою историю.

И, поверьте, описывая кораблекрушение и прочие постигшие меня несчастья, я вовсе не стремился расположить вас к себе или вызвать ваше сочувствие — просто хотел выговориться. Воспоминания об Уолдгрейве всколыхнули мои чувства, побудив меня поделиться сокровенным с тем, кто был ему дорог.

Как вам уже известно, в Четаско живет мой отец. Он стар, и, кроме меня, у него никого нет. Я был бы счастлив снять с его плеч бремя трудов, которые давно ему не по силам. Это одна из целей моего возвращения в Америку. Кроме того, в Европе я женился на прекрасной женщине и должен все здесь подготовить, чтобы привезти ее сюда. Сейчас она в Лондоне ожидает от меня известий. Ее материальное положение не лучше

моего, и на поддержку родных ей рассчитывать не приходится, поскольку она стала моей женой вопреки их желанию. Я — единственный, на кого она может положиться. Удастся ли мне вызволить ее из нищеты, сумею ли я облегчить жизнь отцу или, напротив, ввергну его в еще большую нужду, если придется делить на троих жалкие гроши, которых и на одного-то не хватает, покажет будущее.

Признаюсь вам, я никогда не отличался особым терпением и оптимизмом, а выпавшие на мою долю несчастья истощили и тот запас прочности, что у меня был. Борьба с многочисленными невзгодами, тяжелая болезнь и отсутствие должного лечения в Португалии, когда я едва не умер, — все это подорвало мое здоровье, и, будучи в расцвете сил, я совершенно истощен — и морально, и физически. Однако, вижу, вы удручены, — вдруг заметил он. — Собственно, я сказал, что хотел. Ночь уже в самом разгаре, а мне не терпится повидать отца. Пока доеду… все-таки несколько миль по плохой дороге. Но вскоре я снова наведаюсь к вам, и у нас будет время побеседовать и на эту, и на другие темы. Ну а пока я вынужден откланяться.

Уэймут так резко оборвал разговор, что я слегка

опешил. Несмотря на все мои старания убедить его остаться, он был непреклонен, лишь еще раз заверил, что в ближайшее время навестит меня, вскочил в седло и ускакал. Я глядел ему вслед, взволнованный до слез и раздираемый противоречивыми чувствами. Яркие картины рассказанной им истории продолжали всплывать передо мной как сон наяву. Нежданный гость пробыл у меня час. Казалось, он явился ко мне с небес, чтобы, подняв занавес мучительной неопределенности, показать череду новых бедствий, последовавших за кончиной вашего брата, и лишить нас надежды на счастье, о котором мы с вами столько мечтали.

Но что вы думаете по поводу его притязаний? Если бы вам довелось своими глазами увидеть этого человека, черты и выражение его лица, запечатлевшие глубокие страдания и невероятную силу духа, вы бы безоговорочно поверили ему. Он был истощен и бледен, но держался уверенно и с достоинством. Резкие складки на лбу свидетельствовали не о преждевременном старении, а о напряженной умственной деятельности и огромном жизненном опыте.

Как печальна его история! Не такова ли участь многих и многих, кто бросает свои убогие дома

и пускается на поиски удачи? Наши соотечественники предприимчивы и готовы покорять моря и горы во имя благосостояния, которое не убережет их от болезней и несчастий, которое гораздо легче потерять, чем найти, которое, даже если его обретешь, не окупит затраченных сил и принесенных жертв.

Допустим, притязания Уэймута обоснованны… что в таком случае делать? Деньги необходимо вернуть законному владельцу. Я знаю, что, как бы тяжело нам ни пришлось потом, вы не сможете поступить не по справедливости. Есть то, что ценнее богатства и положения в обществе. Честность не спасет от зимних вьюг, не облегчит рабский труд и не избавит от позорного клейма нищеты, а материальная обеспеченность позволяет жить в свое удовольствие, даруя уверенность в завтрашнем дне и свободный досуг. Но муки совести все равно не дадут ощутить радость жизни, превратив ее в ад нескончаемого самобичевания и покаяния.

Это горестная жертва, я знаю. Знаю и то, сколь невыносимо для вас нищенское существование. Слишком рано вам пришлось повзрослеть, воюя с невежеством и деградацией личности, расцветающими под гнетом нужды. Знаю, как вы

мечтаете освободиться от каждодневных трудов и чужих прихотей, дабы иметь возможность удовлетворить свою любовь к знаниям, выйти в свет и заняться благотворительностью.

С тех пор как мы с вами познакомились, у вас появилось еще больше поводов стремиться к перемене в судьбе. Вы почтили меня своей привязанностью, но вожделенный союз, который стал бы гарантом нашего счастья, увы, невозможен, пока хоть один из нас не будет иметь достаток. Конечно, даже изнуряющий труд, отсутствие самого необходимого и прочие атрибуты бедности воспринимаются не так болезненно, когда рядом *с* тобой преданный друг, но, трезво оценивая свое нынешнее состояние, я не могу жениться на вас. Поскольку моих усилий недостаточно, чтобы поддержать нас обоих, несправедливо было бы обременять вас новыми заботами и обязанностями. Да вы и сами это понимаете лучше меня. Любовь к независимости и свободе, присущая вашей натуре, несовместима с рабским трудом и нуждой. Боюсь, это уже приняло характер навязчивой идеи, что можно рассматривать как единственный ваш недостаток, ибо во всех других отношениях вы безупречны. Но и закрывать на это глаза тоже нельзя.

После смерти брата вы внезапно обрели то, к чему стремились. Как ни тяжела ваша утрата, зачастую некоторые последствия даже самых ужасных трагедий могут быть позитивными. Неожиданное наследство дало вам необходимый досуг и возродило зачахшую в оковах бедности мечту о соединении наших судеб. Непоправимое несчастье, таким образом, стало одновременно и благом, и худшим из всего, что только могло случиться.

Почему ваш брат скрывал от нас наличие этих денег, почему, располагая такими средствами для вольготной жизни, он продолжал работать на прежнем месте и влачить жалкое существование в невыносимых условиях? Все это давало нам повод для бесконечных, неразрешимых догадок. Несомненно, можно было предположить, что ему оставлены на хранение чужие деньги, но где тогда документ или расписка, наконец, сам доверитель? Вы долго ждали, не решаясь принимать эти деньги в собственность, пока не убедились, что других претендентов на них нет, и только тогда согласились. А теперь наши радужные планы на будущее лопнули как мыльный пузырь. Вам придется снова вернуться в серые будни нищеты и зарабатывать на пропитание непосильным

трудом. Поскольку перемена вашего образа жизни потребовала больших трат, вы не сможете сразу отдать всю сумму целиком, а значит, станете должницей Уэймута.

Не сокрушайтесь, что судьба так обошлась с вами, ведь друг вашего брата — очень порядочный и несчастный человек. Подумайте о том, что мы спасем от нужды его отца, который уже стар и не в силах сам о себе позаботиться. Подумайте и о его жене, страдающей из-за вынужденной разлуки с ним; она, возможно, не уступает Вам в своих достоинствах, но лишена всякой опоры. Новый натиск зла, казалось отступившего от нас, ощущается теперь с еще большей силой. У меня и у моих сестер, как вы знаете, нет ни гроша за душой, мы полностью зависим от престарелого дяди. Когда он умрет, все его имущество отойдет к сыну. А для этого человека мы чужие люди, даже враги, и он не остановится перед тем, чтобы лишить нас и крова над головой. Мой брак с вами наполнял меня радостными предчувствиями не только на свой и на ваш счет. Я надеялся, что и мои милые девочки найдут в нашем доме убежище и пропитание.

Но теперь этот брак представляется мне почти несбыточной мечтой. Сердце обливается кровью

при мысли, какие испытания вновь ожидают мою возлюбленную Мэри, но сожаления лишь умножают горести, они пагубны, и нам необходимо выбросить их из головы.

У меня нет сомнений, что притязания Уэймута найдут у вас отклик. Разве случайно такое количество совпадений? Отсутствие писем и бумаг — тоже весьма таинственное обстоятельство, хотя зачем Уолдгрейву так уж нужно было заботиться об их сохранности? Прямая надобность в них уже отпала, он мог уничтожить их или использовать в каких-то своих целях. А может, они все еще пылятся где-нибудь в укромном уголке среди неразобранного хлама. Желать, чтобы этой тайне нашлось иное объяснение и деньги остались в наших руках, едва ли простительный эгоизм. Уэймуту и его семье они необходимы больше, чем нам с вами.

Впрочем, все это мы еще обсудим при встрече. А пока я возвращаюсь к моему повествованию.

Глава XVI

Здесь, друг мой, вы должны позволить мне сделать паузу. Последующие события таковы, что самое изощренное воображение не создаст ничего подобного. Даже своевольной фортуне не под силу так распорядиться человеческой судьбой. Это совершенно невероятно и ужасно. Стоит только вспомнить тот кошмар, и мной вновь овладевают тревога и растерянность.

Возможно, я и научусь когда-нибудь оглядываться на прошлое без мучений, но пока еще очень далек от этого. Я боюсь теперь уединения и сна, они стали для меня сигналами, по которым являются чудовищные призраки. Где сумерки и безмолвие, там голод, слепота, смерть и безумие. Никакие усилия не способны с этим справиться. Отныне мои страхи постоянно нуждаются лишь в одном утешителе — свете. У меня ноет сердце, когда я наблюдаю заход солнца; чтобы уснуть, я зажигаю свечу и ставлю ее рядом с подушкой. Если бы я проснулся посреди ночи и обнаружил себя окутанным тьмою, не знаю, в каких действиях могло бы выразиться мое отчаяние.

Долг по отношению к другу предписывает мне продолжить повествование, и так отложенное на более длительный срок, чем позволяют правила приличия. Теперь, вновь обретя способность держать в руках перо, я положу конец беспокойству, которое вы, возможно, испытываете за мою судьбу, и вспомню череду неслыханных, чудовищных злоключений, выпавших на мою долю в последнее время.

Не уверен, однако, что сумею последовательно изложить все эпизоды и перипетии случившегося. Образ набегает на образ, невероятные события, как картины, мелькающие за окном скорого поезда, сменяются с такой быстротой, что, боюсь, мне не удастся отделить их друг от друга и обрисовать с достаточной ясностью. Воспоминания больно сжимают мое сердце. Я испытываю отчаяние и безысходное одиночество: два этих чувства слились в одно, непередаваемое словами. Но постараюсь рассказать, как смогу. Однако, сколько бы я ни изощрялся в красноречии, трудно будет заставить вас поверить, что все это происходило на самом деле. Слабость и заторможенность мысли сковывают меня, превращая мою историю лишь в подобие правды. Что ж, вам придется довольствоваться этой бледной тенью пережитого

мной кошмара.

Я говорил, что спал. По крайней мере, так подсказывает мне память; одежда валялась на полу, свеча стояла на стуле возле самой подушки, а сам я лежал в постели и рассматривал лунную дорожку на стене, совсем темной там, куда не доходил свет свечи. Помню наплывы бессвязных фантазий, предвестников сна. А потом в какой-то момент мысли мои совсем перестали течь, и меня поглотила пучина забвения, такого глубокого, будто я умер.

Возвращение в реальность далось мне нелегко. Я выбирался из этого бездонного омута так медленно и вяло, что сам не верил в свое пробуждение. Поначалу я никак не мог разобраться в собственных чувствах и осознавал только то, что жив. Это безвольное состояние не сопровождалось ни усталостью, ни болью — я ощущал лишь мучительное нежелание двигаться и не в силах был открыть глаза. Мысли блуждали, запутанные и бессвязные, сознание присутствовало, но в отрыве от тела и разума. Затем оборванные связи в моем организме начали постепенно восстанавливаться. Я понял, что лежу на спине. Глаза смежены. На них что-то давит, слишком тяжелое, чтобы поднять веки. Стоило мне попытаться

сделать это, меня пронзила такая ужасная боль, какой я никогда в жизни еще не испытывал. Но вот глаза открыты, а вокруг по-прежнему кромешная тьма. Я хотел приподняться, однако мои члены задеревенели, и суставы почти потеряли гибкость. Ценой огромных усилий мне удалось наконец принять сидячую позу. Плечи и спина невыносимо ныли, словно меня избивали дубинками жестоко и долго; кровь бешено пульсировала в висках; лицо было покрыто холодными, липкими каплями — только потеря зрения могла меня так напугать. Я поворачивал голову в разных направлениях, моргал, щурился, напряженно всматриваясь, но все тщетно — повсюду безраздельно властвовал абсолютно непроницаемый мрак.

Первая внятная мысль, пришедшая мне на ум, оповестила меня, что я слеп. Эта напасть поражает нас внезапно и без предупреждения. Как же безрадостно, что теперь ее жертвой стал я. Если бы мои глаза сохранили способность видеть, я бы непременно смог различить даже самый незначительный, незаметный, мгновенный и слабый проблеск света. Или просто я нахожусь в некоем замкнутом пространстве, полностью изолированном от внешнего мира.

Мысль заработала в другом направлении. Я попытался восстановить, какие последние события запечатлелись в моей памяти, но прошлое так контрастировало с настоящим, что разум, расстроенный новыми впечатлениями, отказывался что-либо анализировать.

Поскольку зрение не помогало мне ориентироваться, я задействовал другие органы чувств. Воздух вокруг был застойный и холодный. Я лежал на чем-то шероховатом и жестком, не то чтобы голый, но и не одетый — ни ботинок, ни кальсон, лишь рубашка и штаны. Что же все это значит? Минимум одежды, зловещая, затхлая атмосфера, каменное ложе?

Я окончательно стряхнул с себя сон. Однако что же было прежде, чем я впал в состояние анабиоза? Где тогда находился? Во всяком случае, не здесь. Помню просторную, светлую комнату, невысокую кровать, но никак не эту грубую твердь в кромешной тьме. Помню, тогда я чувствовал себя превосходно, а теперь весь в ушибах, каждое движение вызывает сильную боль. Так куда я попал? В нору? В подземную тюрьму? По чьей воле я тут оказался?

С огромным трудом удалось мне подняться на ноги. Я шатался и дрожал, но, шаря руками в

пустоте, начал потихоньку продвигаться вперед. На третьем шаге чуть не споткнулся о какой-то предмет, слегка сдвинув его в сторону. Наклонился, поднял и сразу узнал на ощупь индейский томагавк. Никаких ассоциаций, связанных с этой находкой в свете нынешнего моего положения, у меня не возникло.

Нерешительно и медленно я пошел дальше, выставив вперед руки, и вскоре коснулся пальцами стены, такой же твердой, как и пол. Пройдя несколько шагов вдоль стены, я уперся в угол. Потом еще и еще раз. Углы следовали один за другим через короткие промежутки. Я продолжал искать ключ к разгадке, пока не заподозрил, что нахожусь в каком-то большом помещении нестандартной конфигурации.

Впрочем, это предположение тоже появилось не сразу, и к нему примешивались немалые сомнения, поскольку кромешный мрак не позволял мне выбирать направление и соразмерять расстояния. Я немного отогрелся, в мышцах появилась упругость, но возвращение чувствительности сопровождалось болью. Страхи и мучения сломили меня, я отказался от бесплодных исканий и опустился на камень, прислонившись спиной к стене.

Какое-то время я прислушивался к своему состоянию, которое вкупе со всем остальным свидетельствовало, что ко мне подкрадывается безумие. По ощущениям это была реальность, но невероятность происходящего походила на сон. Ничто не перечило моим ложным представлениям, образы прошлого наплывали на меня, переплетались в причудливых узорах и обретали пестроту. Казалось, что некий загадочный тиран, по чьей злой воле я оказался в этой темнице, играет со мной, заставляя гадать, какую участь он мне уготовил — мучительную смерть от голода или бессрочное заточение до конца моих дней. Попытки понять, что представляет собой это страшное подземелье, тоже были тщетными: то ли стены непроницаемы для дневного света, то ли сейчас ночь, а значит, есть надежда, что какой-нибудь слабый лучик сможет пробиться сюда сквозь щели в стенах или потолке.

А что, если я погребен заживо? Вдруг я впал в столь глубокий анабиоз, что друзья сочли меня мертвым и предали земле, тогда спасения нет. И то, что в таком случае мое тело находилось бы в ограниченном пространстве гроба и я должен был бы задохнуться, ни в коей мере не делало эту гипотезу менее достоверной для меня. Предпо-

ложения, одно ужаснее другого, сковывали мой разум, препятствуя поиску путей к освобождению. Сознание было затуманено хаосом мыслей, метавшихся между болезненными ощущениями и лихорадочными грезами.

Нет другого способа определить течение времени, кроме как по длительности размышлений и переменам вокруг. Последнее в моем случае было исключено. Что касается размышлений, то за несколько часов заточения я передумал столько, что этого хватило бы на недели и месяцы. Ко всему прочему, мой измученный организм подал новый сигнал, сосредоточившись на котором я получил еще один повод для усиления терзающих меня страхов. Голод, до сих пор неразличимый в беспорядочном нагромождении прочих ощущений, заявил о себе в полную силу. Если я вскоре не выберусь отсюда, меня ждут ужасные страдания в течение нескольких дней и избавление от мук в результате голодной смерти.

Взывая к разуму и чувствам, я направил все свои усилия на то, чтобы понять, каким образом здесь оказался и как можно спастись. Прислушавшись, попытался уловить хоть какой-нибудь звук. И мне удалось различить что-то наподобие легкого эхо, которое то приближалось, то уда-

лялось, то замирало, то раздавалось довольно отчетливо. Однако это не навеяло никаких воспоминаний из прошлого. Пожалуй, подобный звук мог быть вызван ветром, проносящимся через просторные залы и продуваемые галереи. Но такое предположение опровергало все мои предыдущие умозаключения. Ведь, ощупав стены, я полагал, что замурован и выхода отсюда нет.

Тогда, сделав глубокий вдох, я закричал — так громко, как только был способен в столь ослабленном состоянии. Искаженный и приглушенный звук моего голоса вернулся ко мне откуда-то сверху в виде эха. Крик вырвался у меня неосознанно, но теперь растерянность и неуверенность слегка потеснились, уступая место неожиданной догадке. Я упоминал, как продвигался по краю впадины в пещере, когда блуждал в горах, пытаясь найти Клитеро, и сейчас поймал себя на схожести ощущений. Чтобы определить размер темницы, я закричал снова, громче прежнего. Характер эха зависит как от расстояния, так и от специфических свойств отражающей поверхности. Эффект, произведенный моим криком тогда и теперь, был совершенно одинаковым. Та же самая пещера? Неужели я дошел до края

пропасти и свалился вниз? Такие ушибы могли быть получены только при падении с высоты. Почему же я не помню, как попал сюда? У меня было желание на следующий день отправиться в горы, но в памяти не сохранилось никаких свидетельств того, что я его осуществил. Однако, как ни крути, выходит, что я все-таки наведался в пещеру, и кто-то сбросил меня на дно впадины, либо по досадной случайности я сорвался сам.

Неровные каменные стены и пол моей темницы, точно такие же, как в пещере, подтверждали этот неутешительный вывод.

А значит, со мной случилось непоправимое несчастье. Забраться наверх без посторонней помощи невозможно. Местные жители обходят подобные места стороной. Друзья ни о чем не подозревают. Мне предстоит провести здесь свои последние дни, пока голод не погубит меня. Какое-то время я буду нестерпимо страдать, а потом придет конец.

Последствия голодания уже начали сказываться, и понимание безвыходности моего положения сводило меня с ума. Я должен был подчиниться приговору незримой немилосердной судьбы. Виновный в этой катастрофе и то, как ему удалось заманить меня сюда, низвергнув в пропасть,

навсегда останется тайной. Но ведь чувства мои подавлены и могут быть обманчивыми, а на самом деле я просто сплю, и мне снится ужасный сон, либо мной овладело безумие, и смертельный голод в безнадежном заточении, как и сама эта каменная темница, лишь плод моего больного воображения.

Однако попытки утешиться подобными рассуждениями оказались тщетными. С каждым часом реальность происходящего становилась все более очевидной. Голод превращал меня в зверя. Я раздирал зубами рубашку и судорожно глотал грязные лоскуты ткани. Мне мучительно хотелось впиться зубами себе в руку, дабы утолить голод и жажду. Сердце мое ожесточилось, и я почти с наслаждением представлял, как разорву на куски какого-нибудь зверька, и напьюсь его сырой крови, и обсосу все его косточки, которые не смогу прожевать.

Терпению моему наступил предел. Я видел, что отсрочка неминуемого не только не приносит облегчения, но, напротив, возбуждает отвратительные желания; оставалось лишь надеяться, что я умру до того, как голод захватит надо мной безраздельную власть. И тут я вспомнил, что нашел томагавк, и возрадовался, что у меня

есть надежное средство для пресечения моих мучений.

Я взял его в руку, потрогал острие и задумался над тем, какой силы должен быть удар, чтобы оружие вошло в сердце. Наметив место для удара, я стал уговаривать себя не побояться повторить попытку во второй и в третий раз, если первая окажется неудачной. Я понимал, что не способен нанести себе смертельную рану, но в результате все равно умру от потери крови, которой к тому же смогу утолить свою жажду и облегчить мучения, прежде чем навсегда избавлюсь от них.

Полагаю, вас не удивит, что я не решился тут же применить это фатальное, хоть и вполне оправданное в моих обстоятельствах средство, а принялся вновь соображать, нет ли какого-то другого пути к избавлению. Вряд ли впадина очень глубокая, размышлял я. Будь это так, разве мне удалось бы отделаться ушибами? Я бы разбился насмерть.

И снова в душе забрезжил проблеск надежды. Возможно ли подняться вверх по стене? — спросил я себя. Стены по всему периметру неровные, бугристые. Но что, если их выступы и выбоины станут вожделенной лестницей, ведущей к спасению? Нужно немедленно взяться задело. Иначе

силы совсем оставят меня, и тогда я обречен.

Не буду перечислять все мои попытки выбраться из злополучной темницы, скажу лишь, что отчаяние и вера в успех чередовались множество раз, а результат оставался неизменным — неудача следовала за неудачей. Каждое из сотен локальных достижений, когда я уже взбирался на значительную высоту, оборачивалось очередным крахом при встрече с абсолютно гладким участком стены, преодолеть который было нереально. И каждое из этих сотен восхождений заканчивалось тем, что, изможденный, страдающий от невыносимой боли, я без сил падал на землю, а придя в себя, опять карабкался вверх. Пока имелся хоть один не изученный участок стены, сдаваться было бы непростительно, и я, едва держась на ногах, предпринимал новую попытку в еще непроверенном направлении.

В конце концов мое упорство принесло плоды: подняв руку, чтобы ухватиться за очередной выступ, я обнаружил, что выше стены нет. Возможно, это край впадины, а значит, и путь к свободе. Сердце подпрыгнуло от радости, и я продолжил подъем, потребовавший от меня неимоверных усилий. Спасительный край находился на высоте чуть более моего роста. Стена

здесь была настолько гладкая, что я почти не мог упираться ногами, пришлось подтягиваться на руках.

Не знаю, как мне удалось это сделать, но я все-таки одолел стену и, перевалившись через край, рухнул без сил. Если бы уступ, на который я выбрался, не оказался достаточно широким для того, чтобы на нем поместилось мое полумертвое тело, я неизбежно вновь сорвался бы вниз, и все мучения привели бы лишь к новому приступу отчаяния, ускорив неизбежную для меня в этом случае развязку.

Я не вполне представлял, с какими преградами и опасностями еще предстоит столкнуться, и склонен был предполагать худшее. За время отдыха, необходимого для восстановления сил, разрушительные последствия голода и жажды проявятся в полной мере, и я просто не смогу двинуться дальше.

Утешало лишь одно: у меня есть оружие, чтобы положить конец моим страданиям. Да, я не расстался с томагавком. Так стоит ли ждать? Одно препятствие осталось позади, но другие могут оказаться непреодолимыми. Уже готовый нанести удар, я посмотрел по сторонам диким безжизненным взглядом. Мрак был таким же

беспросветным, как внизу, но в темноте отчетливо выделялись два застывших всполоха пламени. Причем эти загадочные, совершенно неподвижные огоньки, словно сфокусированные куда-то внутрь, не распространяли света вокруг себя. Обратившись к прежнему своему опыту и сопоставив наблюдения, я с ужасом понял, что смотрю в глаза кугуара.

С огромным трудом мне удалось побороть отчаянное желание избавиться от мук, отдавшись на растерзание этой дикой кошке. И все же, невзирая на свое бедственное состояние, я нашел в себе мужество противостоять кровожадному хищнику с оружием в руках. Томагавк, которым я намеревался лишить себя жизни, теперь должен был помочь мне одолеть врага.

Времени, чтобы медлить и раздумывать, не было. Уже в следующее мгновение зверь мог неожиданно напасть и разорвать меня на куски. Бесполезно пытаться приблизиться к нему — я не настолько быстр, чтобы опередить его, и лишь привлеку к себе внимание. Сомневаясь, смогу ли метнуть томагавк на нужное расстояние, я собрал все оставшиеся силы и вложил их в бросок.

Никто не знает, на что способен в критической ситуации. Зачастую, столкнувшись с опасностью,

человек вдруг обнаруживает в себе такую мощь, о которой не смел и мечтать. Понимая, что не могу двинуться с места, я, дрожа всем телом, слегка приподнялся на краю впадины и сумел так метнуть томагавк, что и в добром здравии не сделал бы лучшего броска. Полет был стремительным, попадание — точным. Я целился в проем между светящимися огоньками. Томагавк впился в лобную кость, и кугуар, издав душераздирающий вопль, рухнул на землю.

Вскоре я определил на слух, что мучениям моего врага пришел конец. Спустя мгновение крики и конвульсии прекратились. Но голос пумы, отраженный каменным сводом пещеры, еще какое-то время вибрировал в воздухе — жалобно и безнадежно.

Все произошло так внезапно, и я, задействовав неведомые резервы своего организма, потратил столько сил, что выдохся без остатка. Мной овладела апатия, я лежал практически без чувств, с трудом, очень медленно выбираясь из этого состояния. Первой осознанной мыслью было добраться до трупа, чтобы утолить голод, достигший уже той стадии, когда о разборчивости речи не идет. И я пополз. Не хочу мучить вас описанием тех крайностей, к которым привела меня

жестокая необходимость. Теперь все позади, и я вспоминаю тот ужас с отвращением, как кошмарный сон. Но тогда я уже начинал терять рассудок. Выбора не было, и голод принудил меня к этой жуткой трапезе.

Длительное голодание способно взять верх над всеми человеческими чувствами. Если уж оно доводило матерей до детоубийства, то стоит ли изумляться, что я не отказался от еще теплой крови и призывно пахнущей плоти мертвого зверя?

Но на смену одной беде явилась другая. Ощущение сытости сменилось вскоре непереносимыми резями в животе. Я еще не испытывал подобных страданий. О, как горько я сожалел о своей неумеренной алчности! Истязание голодом все же лучше мучений, которые вызвала эта омерзительная пища.

Смерть снова подступила вплотную, хотя и в ином обличье. Только теперь она была желанна, как никогда, и мне хотелось ускорить ее. Лежа на жестких камнях, я извивался, перекатывался с места на место в тщетных попытках унять боль и совершенно не думал о подстерегающих меня опасностях. То, что я снова не свалился в расселину, из которой совсем недавно выбрался, можно объяснить лишь чудом.

Сколько времени я провел в таком состоянии, не знаю. Даже предположить не могу. Если верить моим чувствам, то не меньше нескольких дней, но человек не способен так долго выдерживать подобные испытания.

Боль постепенно стихала, и я погрузился в глубокий сон. Мои грезы, искрящиеся тысячами оттенков, вели меня за собой, манили прозрачными потоками чистой воды, изысканными кушаньями, которые появлялись передо мной совсем рядом, но пропадали при моем приближении. Проснулся я в одиночестве и впотьмах, правда, уже не в столь плачевном состоянии. Насыщение, вызвав временное расстройство, все же пошло мне на пользу. Не утолив голода, я не избежал бы смерти. Выходит, для опасного испытания имелись веские причины.

Мои поступки были спонтанны, однако никакие обдуманные действия не принесли бы лучшего результата. Я убил пуму не для того, чтобы добыть пищу, а из чувства самосохранения и по велению инстинкта. Если бы я мог предвидеть, к каким мучительным последствиям приведет меня моя кровавая трапеза, я бы от нее воздержался, но страдания были следствием усилий организма переварить ту гадость, которую я гло-

тал, и обратить мне во благо.

Теперь меня мучила жажда, и я собрался с силами, чтобы справиться с новой напастью. Из этого каменного каземата должен быть выход, думал я, причем где-то недалеко. В темноте трудно определить где именно, но ведь пума как-то проникла сюда.

Вскоре я услышал еле различимый непрерывный гул, слишком монотонный для ветра. Больше всего он напоминал рокот воды. Я решил идти на этот звук и попытался понять, откуда он доносится.

Со всех сторон и у меня над головой была пустота, опорой мне служил лишь неровный грунт под ногами. Я передвигался медленно, с трудом, походя отмечая, что путь мой имеет тенденцию к подъему. В темноте мне приходилось все время быть настороже и, чтобы обезопасить себя, проверять на ощупь, куда я ступаю, а также выставлять вперед руки, дабы ни на что не наткнуться.

Так я шел довольно долго. Гул не усиливался, даже, наоборот, стал тише. Усталость валила меня с ног, и я начал падать духом. Тело покрылось испариной, которая, усугубляя жажду, служила вместе с тем средством для частичного ее утоления.

Моя предприимчивость не была случайной. Мне вспомнилась история англичан, плененных в Бенгали. Безжалостные враги заперли их в тесной комнате, но несколько человек сумели спастись, слизывая влагу, выделяемую телом. Я успешно перенял их печальный опыт.

Но это была временная мера. Я понимал, что, блуждая в потемках, могу никогда не выбраться отсюда либо голод и усталость доконают меня прежде, чем мне удастся найти выход из пещеры. Не следовало удаляться от моей добычи. Теперь я жалел, что не подумал об этом раньше и лишил себя какой-никакой, но все-таки пищи.

Вернуться назад к останкам пумы я не мог. Во-первых, это вновь отдалило бы меня от свободы, которую предвещал подаривший мне надежду рокот воды. К тому же я совершенно не представлял, как пришел сюда. Чтобы не тратить силы в непосильной борьбе с препятствиями, я часто отклонялся от прямого маршрута и понимал лишь, что пологий подъем неуклонно ведет меня вверх, а уж каким путем идти к конечной высшей точке — не все ли равно?

Оставаться на месте тоже было абсурдно. Подъем или спуск — неважно, лишь бы двигаться, глядишь, и выберусь куда-нибудь. Я решил из-

менить направление и побрел не вверх, а вдоль по слегка покатой каменистой поверхности того, что считал склоном холма. Когда несколько сотен футов были пройдены, мой слух вновь уловил уже знакомый гул, о котором я рассказывал.

Этот звук, напоминавший рокот текущей воды, мог вызвать лишь несказанную радость в сердце человека, страдающего от жажды. Моя решимость заметно укрепилась. Звук не приближался, не становился громче, но, пока я слышал его, во мне жила надежда.

Ни малейший лучик света, проникший в эту каменную темницу, не ускользнул бы от моего внимания. Я напряженно вглядывался во мрак и наконец, справа от себя, заметил слабое мерцание, дрожащее и неровное. Я пошел в его направлении, свет становился ярче, устойчивее. Такой обычно исходит от огня, когда сгорает сухой хворост; во всяком случае, это был не солнечный свет. Вскоре до меня донеслось и характерное потрескивание.

Я ненадолго остановился, внушая себе, что следует соблюдать осторожность. А потом, когда вышел на свет и обнаружил, что оказался у входа в пещеру, чуть ли не бегом бросился к костру, не отрывая взгляда от огня и не видя ничего вокруг.

Однако нетрудно было предположить, что огонь поддерживают люди и что они находятся где-то неподалеку.

Глава XVII

Так я выбрался из моей темницы и опять наслаждался воздухом и светом. Это казалось мне чудом. Идя в любом другом направлении, я мог очутиться в лабиринте запутанных проходов пещеры, где наверняка нашел бы гибель, а теперь опасность миновала. Или что-то еще угрожает мне? В шаге от костра ничего не было видно, но дым явно струился к противоположной стороне грота, где, судя по всему, имелся выход наружу.

Мои глаза были по-прежнему прикованы к огню. Я немного прошел вперед и с нового ракурса вдруг заметил несколько пар ног и торчащий край одеяла. Это насторожило меня. Ноги, босые и голые, принадлежали мужчинам с атлетическими фигурами. Мокасины, валявшиеся рядом, были украшены причудливым узором и вкупе со всем остальным наводили на мысль об индейцах. Вряд ли что-то еще могло внушить мне такой ужас, как этот индейский бивак. Я был удивлен и напуган. Какая магическая сила перенесла меня сюда, в каменную пустыню, оторвав от родной земли? Как далеко я от дома — за тысячи миль

или где-то поблизости?

Кто эти люди? Местные жители, бродяги, грабители? Замурованный в темнице пещеры, в самой сердцевине горы, я продолжал верить, что все еще нахожусь в окрестностях Норуолка. Зрелище, представшее передо мной, слегка поколебало мою уверенность, но ненадолго, — уже спустя миг сомнения были отброшены, и меня занимало совсем другое: как попали сюда эти странные, неотесанные существа и как обезопасить себя от них?

Я пригляделся к ним получше. Четверо индейцев с рельефными мускулистыми фигурами лежали на земле параллельно друг другу, и все на левом боку, так что я не мог видеть их лиц. Правая рука каждого покоилась на прикладе мушкета — похоже, они никогда не расставались с оружием, чтобы в случае тревоги не потерять ни секунды на его поиски.

Я наблюдал за ними из лаза в стене пещеры. Высотой в несколько футов от земли, он оказался достаточно широким, чтобы в него мог протиснуться человек. Вокруг царила тьма, и я не опасался, что меня обнаружат, разве только если наделаю шума или случайно выйду на свет.

Понятно, что эти люди устроили здесь вре-

менный привал. Сейчас ночь, а утром, после короткой передышки, они снимутся с места и продолжат путь. И поначалу я решил, что лучше мне переждать в укрытии, пока не уйдут они, так что придется еще потерпеть тесноту и жажду.

Между тем я не переставал размышлять, пытаясь найти объяснение происходящему. Не надо напоминать вам, что Норуолк — завершающая часть пустынного узкого тракта, который начинается в землях индейцев. Испещренный холмами и скалами, он тянется вверх на полсотни миль. В нескольких местах его пересекают узкие извилистые тропы — единственное связующее звено между фермами и поселениями на противоположных сторонах горного кряжа.

В былые времена ожесточенных войн с индейцами краснокожие то и дело преодолевали этот тракт и, проникая в самое сердце английских территорий, чинили беспощадную расправу. Последняя война не была исключением. И хотя англичане укрепили свои форпосты и всеми силами защищались от набегов, никогда не забуду, как один индейский отряд ворвался в Норуолк, грабя и убивая местных жителей.

У меня есть причина помнить это. Дом моего отца был расположен на окраине Норуолка. Во-

семь безжалостных дикарей прокрались туда под покровом ночи, когда все спали. Они убили и отца, и мать, и моего брата, совсем еще младенца, прямо в их постелях. Я и мои две сестры по счастливой для нас случайности находились тогда за границей. Дом был разграблен и сожжен до основания. Накануне мы с сестрами собирались вернуться домой, но разыгралась буря, путешествовать по реке стало опасно, и нам пришлось задержаться, благодаря чему мы избежали неминуемой гибели.

Многие люди подвержены всевозможным страхам и фобиям. Как правило, корни этого кроются в детских переживаниях. Стоит ли удивляться, что я, в юном возрасте потерявший родителей и видевший чудовищные последствия кровавого набега индейцев, а также труп одного из них, убитого в погоне, так и не смог впоследствии избавиться от подспудного ужаса, который неизменно вызывают воспоминания о тех днях. Уже от самого вида краснокожих варваров меня бросает в дрожь, и даже мысли о них внушают мне страх.

Я знал, что и сейчас какие-то ожесточенные столкновения происходят на границе; что в последнее время индейские племена понесли

большие потери; что вот-вот может вспыхнуть новая непримиримая война. От мест военных действий нас отделяло значительное расстояние, и мы полагали, что нам нечего опасаться. Однако в прошлом точно такое же и столь же сильное убеждение было разбито в пух и прах дерзким вторжением индейцев, когда никто этого не ожидал. Если им удалось напасть в тот раз, не исключено, что подобное может повториться. Отдыхающие у костра люди, несомненно, воины, одержимые враждой и жаждой крови. У каждого при себе мушкет и кожаная поясная сумка — вероятно, набитая свинцом и порохом.

От этих размышлений меня вновь посетили опасения за мою жизнь, но в еще большей степени страх перед тем, какие беды нависли над другими. Затаившись здесь, в этом каменном убежище, я, скорее всего, смогу спастись, а как же мирные жители, чьи дома всего в нескольких часах отсюда? Если не предупредить их о готовящемся нападении, они будут застигнуты врасплох, и случится непоправимое — бездушные дикари учинят над ними жестокую расправу. Я должен предотвратить трагедию. Но удастся ли мне бежать, не потревожив спящих? У индейцев сон чуткий, они просыпаются при малейшем

шуме. Значит, надо постараться не шуметь, тогда и сон их будет глубок. Тихо прокрасться к выходу из пещеры, наверное, все-таки возможно. Я не сомневался, что вражеские воины спят, об этом свидетельствовали их распростертые на земле тела. Обычно, если им нужно было оставаться в бодрствующем состоянии, индейцы, умеющие контролировать свой сон, не позволяли себе лежать, а сидели на корточках и, упершись локтями в колени, часами беспрерывно курили. Меня сковал страх: вдруг кто-то из них совершенно случайно проснется, как раз когда я буду проходить мимо костра. Но и благополучно покинув пещеру, я рисковал оказаться в неизведанной глуши, где мог блуждать часами, пока не умер бы от голода или враги не напали бы на мой след. Эти ужасные опасности представлялись мне неизбежными. В то же время я предполагал, что нахожусь где-то поблизости от обитаемых мест и что от меня зависит спасение многих людей, а потому решил попытаться сообщить им об опасности, и немедля.

По мере приближения к выходу расширялось и обозримое пространство. К своему несказанному ужасу, я обнаружил, что один из индейцев не спит. Он сидел у костра спиной ко мне, и я

отчетливо видел гигантские пропорции его тела и причудливые украшения.

Увы, моему благому намерению не суждено было осуществиться. Этот индеец — наверное, дозорный, который должен в положенное время разбудить остальных. То, что он исполнит все как надо, не вызывало сомнений. Другого пути нет, а пройти мимо бесшумно никак не удастся. Я попятился от безнадежности и ужаса, поняв, в какой угодил капкан.

Срок томительного ожидания был недолог. От меня не ускользало ни одно движение часового. Наконец он встал и, сделав несколько шагов, скрылся в темноте. Этот неожиданный инцидент направил мои мысли в другое русло. Нельзя ли извлечь преимущество из временно изменившейся ситуации? Не воспользоваться ли возможностью для бегства? Мушкет и топор индеец оставил. Значит, он где-то неподалеку и вскоре вернется. Но если я сейчас завладею его оружием, то смогу больше не бояться ни встречи с ним, ни преследования.

Прежде чем я успел все обдумать, мой слух уловил какой-то новый звук. Мучительный стон сопровождался рыданиями, в которых угадывалась попытка что-то сказать, пресекаемая

неистовой борьбой несчастного страдальца с самим собой. Это горькое, сдавленное изъявление муки исходило, по-видимому, от человека, который тоже был в пещере, но точно не от одного из дикарей. Так мог стенать захваченный в рабство пленник, тот, кого держат в неволе, подвергая издевательствам и пыткам; видимо, получив временную передышку, он в отсутствие стража дал волю своему отчаянию.

Я привстал на цыпочки, вытянул шею, и мне удалось рассмотреть лежащую на земле чуть поодаль от костра связанную по рукам и ногам молодую девушку. На ней было платье из грубой желто-коричневой ткани, какие носили местные жительницы, и я сразу предположил, что это дочь одного из наших фермеров. Черты ее лица выражали последнюю степень ужаса и страданий, каждое движение говорило о том, какую нестерпимую боль причиняют ей впившиеся в кожу веревки.

Теперь к мыслям о том, как спастись самому и помешать планам индейцев, добавилась еще забота об освобождении этой несчастной. Любыми средствами я должен выбраться отсюда, чтобы вернуться, приведя с собой людей, и оказать бедняжке своевременную помощь. Кажется,

рыдания девушки уже разбудили спящих. Если я предстану перед ней, она непременно выразит свое изумление восклицанием или криком. Индейцы сразу сбегутся, и вся их ярость обрушится на мою голову.

Не знаю почему, но чувство опасности у меня притупилось. Ожидание было невыносимым, тем более что жажда с каждой минутой становилась все сильней. Вероятно, именно это и лишило меня должной осмотрительности. Вдобавок я по-прежнему слышал рокочущий звук, ориентируясь на который и пришел сюда. Какой-то ручей или небольшой водопад явно находился поблизости от входа в пещеру, а я готов был расстаться с жизнью ради глотка чистой, прозрачной воды. Таким образом, целый ряд высказанных ранее соображений, не считая менее существенных причин, а также нестерпимая жажда гнали меня вперед.

Девушка лежала, прижимаясь щекой к большому камню, глаза ее были затуманены слезами. Поскольку она смотрела в мою сторону, я двигался очень медленно, давая ей возможность постепенно осознать происходящее, чтобы от неожиданности она не выдала меня. Как я надеялся, так и получилось. Пожалуй, это был самый

критический момент в моей жизни, которая буквально висела на волоске. Все зависело от того, сумеет ли слабая измученная жертва дикарей не показать виду, когда заметит мое присутствие.

По глазам пленницы я понял, что она смотрит на меня, и жестами попросил ее не проявлять никаких эмоций. Внимательно наблюдая за спящими индейцами, я не забывал поглядывать в ту сторону, откуда мог появиться бодрствующий часовой.

Подкравшись поближе, я поднял мушкет и топор. За костром действительно был выход из пещеры. На подгибающихся ногах я пошел дальше. Опасности, подстерегающие меня впереди, и те, которые я пережил совсем недавно, заставляли мое сердце биться быстрее, свежий воздух пьянил меня, а яркий блеск луны после долгого пребывания в темноте казался мне неописуемо прекрасным.

Поначалу я почти ничего не видел. Но мало-помалу глаза привыкли к свету, и я обнаружил, что нахожусь на краю крутого обрыва. Со всех сторон меня окружали скалы. Лишь слева имелся какой-то проход, туда я и повернул. Внизу проносился стремительный поток, к которому, судя по всему, и вела тропа. Вскоре я действительно увидел

воду, и другие заботы на время отступили.

Открывшийся моему взору водопад низвергался с огромной высоты на плоский выступ скалы, продолжавшийся и с другой стороны потока. Тропинка шириной в два или три фута справа преграждалась отвесной стеной, а слева обрывалась в пропасть. Всего восемь или десять шагов отделяли меня от воды, и как будто бы никаких препятствий не возникало на пути к ней. Я бросился вперед.

Однако мне пришлось умерить свой пыл. На краю обрыва, опираясь спиной на скалу и свесив ноги в пропасть, сидел часовой, покинувший пещеру передо мной. Из-за шума водопада, а также и потому, что он никак не ожидал моего появления, дикарь не заметил меня.

Я растерялся. Добраться до воды, чтобы напиться и продолжить путь, можно было только по этой тропе. Но ее контролировал мой враг. Оставаться на месте или двигаться вперед одинаково не имело смысла. Индеец заметит меня. Да, он безоружен, но от его крика сюда сбегутся все остальные. Нельзя ни одолеть его, ни обойти. Если даже мне это удастся, за мной начнется погоня. Дорог я не знаю. Силы мои истощены. Меня мгновенно схватят либо пристрелят. В любом

случае догонят — не дикари, так пули.

Я видел лишь одно решение проблемы — мушкет, который держал в руке. В том, что он заряжен, я не сомневался. Эти люди всегда готовы к войне. Сделать точный выстрел с такого расстояния мне по силам. Если не промахнусь, то, убив врага, открою себе путь к спасению и выполнению моей миссии.

Возможно, вы осуждаете меня за намерение лишить человека жизни, пролить его кровь. Позвольте напомнить, однако, что я не питал никаких сомнений по поводу злодейских планов, которые вынашивали эти люди, о чем говорили и оружие, и обращение с пленницей, и даже их облик. Вспомните, наконец, и о судьбе моих родителей. Если и не эти дикари, то подобные им, возможно, их соплеменники, жестоко расправились с моей семьей, обрекли меня и сестер на сиротство и унизительную зависимость от милостей других. Получить доступ к воде, спасти свою жизнь казалось делом одного мгновения. Разве ситуация не вынуждала к этому?

И все-таки я колебался. Мое отвращение к кровопролитию удерживало меня от хладнокровного убийства. И потом, мне вдруг пришло в голову, что выстрел услышат индейцы, оставшиеся в

пещере. Правда, есть еще топор, и сейчас это оружие было предпочтительнее. Я мог размозжить им голову дикарю и сбросить врага в пропасть, не наделав никакого шума.

Тем не менее я решил отступить и снова спрятаться в пещере, затаившись в темноте такого же каменного убежища, как то, из которого только что выбрался. Там можно было переждать, пока индейцы не уйдут. Лучше уж смело встретить опасности, связанные с возвращением в пещеру, и терпеливо вынести муки неудовлетворенной жажды, чем обагрить свои руки кровью человека. Но мое отступление будет неэффективным, если враг заметит меня, сомневаться в этом не приходилось. Я попятился, продолжая неотрывно следить за краснокожим дикарем.

Однако судьба не давала мне укрыться от его взгляда. Не сделал я и трех шагов, как вдруг он поднялся на ноги, повернулся в мою сторону и, сорвавшись с места, начал быстро приближаться. Тень от скалы, падающая на меня, а также беззаботная уверенность индейца, что поблизости никого нет, все еще позволяли мне оставаться незамеченным. Я боялся пошевелиться. Малейшее движение могло меня выдать. Все внимание дикаря было приковано к узкой тропе, которая

требовала осторожности и сосредоточенности. Отсрочка небольшая, но каждое мгновение помогало мне подготовиться к защите.

Был ли у меня выбор? Над моей жизнью нависла реальная угроза. Чтобы выжить самому, требовалось убить врага. Оружие для этого имелось, я держал его в руках. Как нередко бывает в моменты крайней опасности, тело и мышцы сделали свое дело, чуть ли не вопреки моему желанию.

Молниеносный удар; глубокая, смертельная рана. Не успев понять, кто лишил его жизни, индеец без единого крика или стона упал навзничь. Когда труп рухнул в пропасть, топор все еще оставался в груди дикаря, крепко застряв в теле.

Впервые в жизни я убил человека. Религиозные убеждения предписывали мне воздерживаться от крайних проявлений насилия. Защищаться не возбранялось, тем не менее я всегда делал это неохотно, всячески противясь жестокости. Необходимость вынудила меня пойти на крайнюю меру, и рука моя была тверда, но я оглядываюсь назад с раскаянием и смятением, понимая, какой грех взял надушу.

Впрочем, тогда я не сразу осознал, что сделал, и горькую чашу покаяния испил уже позже, ибо в

тот момент желание утолить жажду возобладало над всеми моими чувствами. Бросившись к водопаду, я жадно приник губами к живительной влаге, а потом освежил голову, шею и руки под благодатным холодным душем горного потока.

Глава XVIII

Никакое земное блаженство не сравнится с упоительным восторгом, который я испытал тогда. Жизнь, почти утраченная, возродилась, удвоив мои силы. От слабости и мучительных терзаний не осталось и следа, я ощущал себя Геркулесом, готовым к любым испытаниям. Энергия бурлила во мне, насыщая тело и мозг, тем не менее следовало вновь обдумать ситуацию. Тропа, огибающая гору, теперь свободна и безопасна. Что еще нужно, чтобы, не медля, бежать? Вскоре я буду вне досягаемости врагов, под чьим-нибудь гостеприимным кровом восстановлю изнуренные силы и залечу раны, а главное, предупрежу своих спасителей о злодейских планах краснокожих.

Но тут мои мысли вернулись к несчастной девушке, которую я бросил, связанную, в лагере дикарей. Неужели нельзя было ее спасти? Мог ли я разорвать ее узы и осуществить побег вместе с ней? Рискованно, конечно, и даже очень, но вряд ли совсем уж невыполнимо. Спастись самому, а бедную беспомощную пленницу оставить в руках

мучителей трусливо и недостойно. Возможно, хватило бы и минуты, чтобы освободить ее и не позволить жестоким варварам причинить ей вред. Родители девушки заслуживают того, чтобы я рисковал собой или даже расстался *с* жизнью ради их дочери.

После некоторых колебаний я решил, что возвращусь в пещеру и попытаюсь вызволить ее. Успех этой затеи зависел от продолжительности сна индейцев. Надо было подкрасться к ним с осторожностью и ловить каждый знак, свидетельствующий о возможном пробуждении. Я шел медленно, прислушиваясь к малейшим шорохам. Наконец до меня донеслись сдавленные рыдания.

Стараясь двигаться как можно тише и сохранять концентрацию, я отметил, что за время моего отсутствия в пещере ничего не изменилось. Когда я приблизился к девушке, на ее лице отразилось смешанное чувство ужаса и радости. Жестами и взглядом я призвал отчаявшуюся пленницу соблюдать тишину, а потом, подобрав лежавший неподалеку топор, перерубил им кожаные ремни, которыми были связаны ее руки и ноги. Избавив бедняжку от пут, я все так же, жестами, велел ей подняться и идти за мной. Она с

радостью повиновалась, но одеревенелость суставов, застоявшиеся мышцы и сухожилия лишили ее подвижности. Не желая терять ни минуты, я взял ее на руки и, шатаясь от слабости, ступил на бегущую по краю пропасти извилистую тропу.

Надеясь, что в процессе ходьбы восстановится кровообращение и члены девушки вновь обретут мобильность, я поставил ее на землю и призвал идти самостоятельно, заверив, что она сможет, а я окажу ей посильную помощь. И она, проявив немалое мужество, пошла, сначала опираясь на мою руку, а через какое-то время уже без поддержки, легко и быстро. Вскоре мы спустились к подножию горы.

Человеческая фантазия не способна вообразить, какая пустынная дикая местность предстала перед нами. Земля была сплошь покрыта острыми камнями. Колючие кусты ежевики и переплетенные виноградные лозы затрудняли нам путь. Пробираться было невероятно трудно. Тон дело мы натыкались на поверженные кедры, усыпанные иглами и покрытые скользким мхом. А дальше тянулась рощица карликовых дубов — еще одно подтверждение бесплодности этой почвы. Все здесь было совершенно незнакомо. Признаки жизни и цивилизации, следы людей

отсутствовали. Вряд ли я понимал, в какой области земного шара нахожусь. Не знал я ни как сюда попал, ни где мой дом — за рекой или за океаном.

Я попытался расспросить свою спутницу, но она не могла говорить членораздельно. Ее душили слезы и рыдания, мне удалось разобрать лишь рефреном звучавшее слово «беда». Когда девушка наконец немного успокоилась, она рассказала, что накануне вечером дом ее отца подвергся нападению, индейцы перебили всех, кого застали, а ей уготовили участь рабыни, исполняющей их прихоти. Путь, которым ее вели, был долгим и кружным, поэтому, как далеко от обитаемых мест они оказались и в каком направлении шли, она не знала.

Я надеялся, что, когда рассветет, мне посчастливится обнаружить следы домашнего скота. А пока предпочитал идти напрямик, преодолевая многочисленные препятствия, которые замедляли наше продвижение вперед. Кустарники царапали нам ноги, от бесконечного чередования ям и холмов мы смертельно устали. В какой-то момент чуть не свалились в расселину. В другой раз сильно поранили ступни об острия камней. Ветки карликовых дубов хлестали наши лица,

а незримые в сумраке шипы покрывали тела тысячами ссадин.

В этих жестоких обстоятельствах я обязан был заботиться не только о себе, но и о моей спутнице. Ночной переход окончательно подорвал ее силы, и ей все время мерещилась погоня.

Иногда мы с радостью обнаруживали проторенные, как нам казалось, тропы, и в нас воскресала решимость идти дальше. Но все они вскоре обрывались, либо упираясь в болотную трясину, либо исчезая в бурных водах реки. Наконец мы заметили человеческие следы, а затем и отметины колес. Появилась надежда, что эта колея выведет нас к людям.

Однако заросли кустарников и колючей травы тянулись и дальше. Попадались также обширные гари. И все же через какое-то время мы вышли к полю внушительных размеров: нашим взглядам предстало несколько акров обработанной мотыгой земли. За полем виднелся маленький домик.

Сердце подпрыгнуло в груди от радости. Я поспешил к этому, несомненно, человеческому жилищу с уверенностью, что все труды, испытания и опасности уже позади. Дом выглядел под стать бедности и запустению окружавших его мест. Сложенный из неотесанных бревен, он имел

внутри небольшое прямоугольное помещение и крышу из тростника. Окна отсутствовали, свет проникал в щели; прежде бревна были связаны между собой глиной, но дожди и непогода размыли и выветрили ее. В углу я заметил сложенную из полуобожженного кирпича печь. Дверь была закрыта с помощью кожаного ремешка, привязанного к ручке и накинутого на вбитый в косяк гвоздь. Тишина и темнота свидетельствовали, что в доме никого нет. Я звал, стучал, но никто не откликнулся. Убедившись, что хозяин отсутствует, я решился войти. Стояла уже глубокая осень, от подмороженной земли стыли ноги. Энергичная ходьба на время прогнала холод, однако покой мог его вернуть. А несчастная девушка давно уже жаловалась, что замерзает.

Поэтому в первую очередь надо было добыть огонь. К счастью, в печи оставались тлеющие угли, картофельная кожура и сухие щепки. Хотя это стоило мне усилий, я сумел раздуть пламя, и наши продрогшие тела мало-помалу согрелись. Сидя на полу, я в свете огня смог рассмотреть дом изнутри. Три молодых деревца, обструганных и перевязанных ивовыми прутьями, образовывали спальное место, приподнятое над уровнем пола благодаря четырем камням. Поверх были

навалены лоскутья и одеяла, так что получалась постель. На доске, один конец которой упирался в остов кровати, а другой был вставлен между бревнами стены, я увидел буханку черствого ржаного хлеба и кедровое ведерко, самодельное, без обруча. В ведерко просочилось сквозь крышу немного воды, мутной, с насекомыми и песком. В углу валялись две довольно опрятно сплетенные корзины и мотыга с широким налопатником, насаженным на длинную рукоятку. Никакого другого скарба в доме, похоже, не было.

Кроме холода, нас не в меньшей степени донимал голод. Выбирать не приходилось. Мы сразу же разделили между собой хлеб и выпили воду. Теперь следовало подумать о том, что делать дальше.

Тлеющие угли и остатки хлеба навели меня на мысль, что в доме кто-то живет, но хозяин ненадолго отлучился. Наверное, по делам. Он может вернуться через несколько минут, а может не прийти до утра. В случае его возвращения я постараюсь успокоить гнев, который, несомненно, вспыхнет по поводу моего самоуправства. Мне хотелось верить, что этот человек окажется приветливым и предоставит нам необходимую информацию и помощь.

Если же до рассвета он не появится, я предполагал идти дальше. Мы уже обогрелись, утолили голод, еще несколько часов проведем в тепле и покое и со свежими силами доберемся до более гостеприимного крова.

Противоречивые мысли и осознание рискованности нашего положения не давали мне заснуть. Девушка же, напротив, счастливо забылась от всех своих бед и мучений. Последовав моему совету, она устроилась на кровати, оставив меня предаваться раздумьям в одиночестве.

Чувство опасности не исчезало. Кто знает, как трудная жизнь отшельника повлияла на характер хозяина дома. Неизвестно также, давно ли проснулись индейцы и по какой дороге ринулись в погоню. Я, конечно, не готов был допустить, что они нас выследили и могут вскоре постучаться в дверь, но все-таки решил подстраховаться на случай неблагоприятного развития событий.

С момента побега я не расставался с подобранным в пещере мушкетом и топором, уже пригодившимся мне, чтобы освободить девушку от пут. Они были трофеями и орудиями защиты, бросить их казалось глупостью и безумием. На них была вся надежда.

Впервые я внимательно осмотрел свою добычу,

о которой до сих пор имел лишь поверхностное представление. Знал, что мушкет двуствольный и кажется меньше и легче стандартных образцов. Теперь же при свете огня я мог изучить его более пристально.

Как только мой взгляд упал на ружейное ложе, я сразу заметил знакомые клейма, орнаменты и монограммы. Да, я не раз видел их. Ошибиться было невозможно. Когда я выходил из дядиного дома, этот мушкет висел в чуланчике моей комнаты.

Нетрудно представить, как подействовало на меня такое открытие — аж волосы встали дыбом. Скрежеща зубами, я в оцепенении метался между дверью и печью с яростью безумца.

Какие еще доказательства нужны, чтобы понять, что случилось непоправимое? Дядя и сестры погибли, дом разграблен, о чем свидетельствует этот мушкет, подобранный мной в лагере индейцев. Жестокие варвары убили моих родных, беззащитных, быть может, спящих, а я, кому надлежало их защищать, невероятным образом был перенесен на огромное расстояние от дома и лишен шансов предотвратить беду.

Меня мучили сомнения: не стал ли я сам свидетелем и жертвой этого несчастья? Ведь мне так и

не удалось вспомнить, что происходило до того, как я пришел в себя на дне впадины. Не связано ли это как-то с гибелью моей семьи? Что, если я попал в плен к дикарям и своим бесчеловечным обращением они довели меня до полусмерти? Неужели моя участь — всю жизнь быть жертвой? В детстве я потерял родителей и маленького брата, а теперь погибли и те, кто по случайности уцелел тогда, и у меня из родни никого не осталось.

С тех пор как я зарубил топором безоружного индейца, мне не давали покоя муки совести. Трагедия, произошедшая с моими близкими, все изменила: сознание того, что я отомстил хотя бы одному убийце, отчасти успокаивало меня. Но я обвинял себя за милосердие, проявленное в отношении его соплеменников. Пока они спали, кровавое возмездие было в моей власти, я мог покарать их без особого риска для себя.

А теперь слишком поздно. Как обрести надежду, чем утешиться? Возвратиться домой, где пролилась кровь моих родных, где, возможно, и нет ничего, кроме пепелища, — даже думать об этом было нестерпимо. Жизнь, наполненная горестными воспоминаниями о моих бедах и неудачах, не имела для меня смысла.

Бегство перестало быть желанным. Лишь при

условии полного забвения прошлого я согласился бы жить дальше.

Среди этих мрачных размышлений вдруг промелькнула мысль, что мне следует вернуться в пещеру. Возможно, убийцы еще спят. Тот, кто должен был охранять их и в нужное время дать сигнал к пробуждению, покоится на дне пропасти с топором в груди и не способен этого сделать. Он замолчал навсегда. Не получив сигнала, индейцы могут проспать дольше обычного. А если они все-таки встали, то вряд ли ушли далеко, и, нагнав их, я воздам по заслугам по крайней мере еще парочке этих дикарей. Для меня такая вылазка закончится, конечно, фатально, но смерть мне была не страшна, я хотел умереть. Погибнуть мгновенно, рассчитавшись хотя бы с несколькими из убийц, — чего еще можно желать?

Путь к горе труден и утомителен, но ее очертания хорошо просматривались от двери дома, при удаче я быстро доберусь к лагерю краснокожих и поквитаюсь с ними. Преисполненный решимости, я схватил томагавк и мушкет, оба ствола которого оказались заряженными.

Мушкет был особенный, изготовленный с незаурядным мастерством. Он достался Сарсфилду в наследство от одного английского офицера, умер-

шего в Бенгалии. Это оружие предназначалось не для охоты, а для войны. Мастер снабдил его множеством дополнительных приспособлений, незаменимых при защите или нападении, в том числе лезвием кинжала, которое крепится к стволу и играет роль штыка. Уезжая, Сарсфилд в память о нашей дружбе оставил мушкет мне. До сих пор я стрелял из него только по мишеням, чтобы не потерять навык. Но теперь он пригодится для других целей.

Итак, я вооружился и готов был осуществить свой замысел. Трезвый ум приписал бы мое решение крайней неуравновешенности и смятению чувств. В здравом рассудке я сумел бы увидеть как романтическую, так и преступную сторону этой затеи, задумался бы о бессмысленности мщения и о том, что должен сохранить свою жизнь на благо человечеству. Я мог бы усомниться, действительно ли дядю и сестер убили, как убеждало меня мое воображение. Мог бы, по крайней мере, сначала вернуться домой, чтобы своими глазами убедиться, так ли это, спокойно дождаться утра и уж тогда отправиться в путь.

Но судьба снова вмешалась в мои планы. Стоя уже на пороге, я разглядел сквозь щель в стене трех человек на дальнем краю поля. Они при-

ближались к дому. Хотя я не очень отчетливо их видел, только очертания фигур, что-то подсказывало мне: это они, те самые индейцы. Я удивился, однако страха не было. Жажда мести завладела мной всецело, и я верил, что желанный час пробил. Скоро они войдут в дом. Что ж, их ждет достойный прием.

О собственной безопасности я не думал. Вершиной моих желаний было истребить всех этих варваров. А последствия меня не волновали. Я не хотел жить, вспоминая о содеянном или торжествуя победу.

Поджидать врагов снаружи рискованно и бесполезно: я сразу попаду в поле их зрения. Ничего не остается, кроме как лечь напротив двери и стрелять в каждого, кто войдет. При беглом осмотре дома я упустил одну деталь. Рядом с печью в полу и частично в стене имелось углубление, в которое выходил дымоход. Сейчас оно было завалено сухими картофельными стеблями и мусором.

В этом проеме я вполне мог поместиться. А если спрятаться за хворостом, как за ширмой, то моя позиция будет еще более выгодной в сравнении с противниками. Сгорая от нетерпения, я не продумал все до конца и устремился в проем.

Только тут выяснилось, что это место абсолютно непригодно для моей цели, но было уже поздно исправлять просчет.

Оказалось, что стена хижины вдавалась в кромку песчаной косы, таким образом, печь стояла на самом краю обрыва. Зыбкая почва стала проседать под моим весом и увлекла меня за собой. Падение с высоты трех или четырех футов, хоть и обескуражило меня, однако не причинило вреда. Я схватил мушкет и вскочил на ноги.

Что делать дальше? За насыпью меня из щели в стене дома не было видно. А впереди, чуть поодаль, тянулись густые заросли, и, если бы мне вздумалось бежать, я сумел бы скрыться. Но, несмотря на слабость, истощение, усталость и боль, несмотря на численное превосходство врагов и неравенство сил, я решил принять бой.

Меня призывали к этому жажда возмездия и беспокойство о ничего не подозревающей спящей девушке, которая, если я сбегу, бросив ее на произвол судьбы, будет совершенно беззащитна. До чего же все-таки наша жизнь подчинена превратностям судьбы! Что-то подтолкнуло меня спрятаться в углублении у печки. И это был акт смелости, а не трусости. Более того, неожиданное падение, хоть я и расценил его как ошибку

в моих расчетах, стало самым целесообразным действием, какое только можно было совершить. Благодаря этой ошибке я незаметно выбрался наружу и получил большую маневренность, чего в тесном углублении напротив двери был бы лишен.

Вернуться в хижину тем же путем, каким я ее покинул, представлялось совершенно невыполнимой задачей. Что же предпринять? Пока я размышлял, индейцы уже приблизились и после недолгих колебаний вошли в дом, дверь которого оставалась наполовину открытой.

Горящий в печке огонь сразу позволил им осмотреться внутри. Один из них издал возглас радостного изумления. Они увидели спящую поверх одеяла беглянку. Их реакция вполне соответствовала ситуации. Им и в голову не могло прийти обнаружить здесь сбежавшую пленницу, да еще в таком беспомощном состоянии.

Между тем я решил затаиться поблизости от входа и стрелять из-за угла в тех, кто будет выходить. Песчаная коса огибала дом с двух сторон, и я мог держать дверь под прицелом, оставаясь невидимым.

Много времени, чтобы занять наиболее выгодную позицию, не понадобилось. Насыпь была

достаточно высокой, почти мне по грудь, — хорошее укрытие, за которым легко спрятаться. А благодаря высокой траве, росшей кое-где поверх насыпи, мушкет издалека тоже будет не виден. Я поудобнее пристроил его, направив дула на дверь, и принялся терпеливо ждать, когда ненавистные дикари выйдут наружу.

Все мои чувства были напряжены до предела, я не переставал всматриваться и вслушиваться в то, что происходило в доме. Индейцы за стеной о чем-то перешептывались. Внезапно послышался тяжелый глухой удар. Я вздрогнул. Кровь заледенела у меня в жилах. Сомнений не было: кто-то из этих варваров ударил топором в голову или в грудь спящую девушку.

Она громко закричала. По силе и продолжительности крика я понял, что моя спутница еще жива. Потом раздался скрежет, как если бы волокли по земле что-то тяжелое. Между тем жалобные, беспрерывные стенания не смолкали. Страх за жизнь девушки и безмерное сочувствие вывели меня из равновесия. Мне пришлось приложить немало усилий, чтобы взять себя в руки. Теперь все зависело от того, сумею ли я справиться с нервами и сохранить концентрацию.

Один из дикарей уже выволакивал девушку из

хижины. До сих пор не могу понять, почему я не выстрелил в него сразу, хотя именно так и собирался сделать. Я прицелился и держал палец на спусковом крючке, но, поскольку индеец двигался, прицел сместился в сторону его правого уха. Пришлось ждать, пока мой враг не остановится, чтобы убить наверняка.

Оттащив не переставшую кричать девушку на расстояние десяти футов от дома, индеец грубо швырнул ее на землю и направил дуло ружья ей в грудь, отчего стенания и мольбы несчастной стали еще пронзительнее. Негодяй уже приготовился добить свою жертву. Проклиная себя за промедление, я выстрелил, и он как подкошенный упал навзничь.

В этой неравной схватке мне сопутствовал первый локальный успех. Следующий выстрел изменит соотношение сил. Если он будет таким же метким, у меня останутся шансы на победу. Дикари в хижине, знавшие, что собирается сделать их сообщник с пленницей, могли, услышав выстрел, посчитать, что это он убил ее. Но его невозвращение породит сомнение, и они выйдут наружу узнать, в чем дело. Вот тут-то их и настигнет возмездие.

Все произошло, как я предполагал. К счастью,

дверной проем был уже у меня на прицеле, когда в нем показался чудовищного вида краснокожий громила. Роковой час для него пробил. Пронизанный ужасом, индеец замер на месте, взгляд его метался между мной и мушкетом, который был направлен ему в лоб. Он попытался уклониться от выстрела и одновременно предупредить своего сообщника, находившегося в доме, но не успел. Пуля попала ему в голову чуть выше уха, мощное тело его сразу обмякло, и он рухнул на землю, смертельно раненный, хотя и продолжавший еще судорожно вздрагивать и бормотать что-то бессвязное.

Глава XIX

Не подумайте, что я ликовал по поводу очередного успеха в сражении или мной овладело холодное равнодушие ко всему. В силу воспитания и жизненных привычек я совершенно чужд подобным инцидентам. Как правило, душа управляет моими поступками, но череда ужасных событий, произошедших в последнее время, взрастила во мне дух мщения, жестокий и неумолимый.

Теперь я мог бы сбежать. Бросить оружие, в котором не осталось патронов, и скрыться в чаще. Перезарядить мушкет я все равно не успею. Пусть он вместе со штыком достанется уцелевшему врагу, а девушка задержит индейца, страданиями и смертью искупив в его глазах гибель соплеменников.

Эти мысли пронеслись мгновенно, в отличие от того, как долго приходится их излагать. Они сразу уступили место соображениям иного рода, когда мой взгляд упал на ружье, с помощью которого краснокожий варвар собирался убить девушку. Оно по-прежнему валялось на земле рядом с тру-

пом. Я не атлет, но всегда отличался проворством и крепостью духа. И теперь требовалось проявить все, что осталось во мне от этих качеств. Покинув свое укрытие, я выбрался на песчаную насыпь и, буквально взлетев, одним прыжком добрался до вражеского оружия.

Еще не успев его взять, я сообразил, что нужно побыстрее вернуться на прежнее место. Враг мог увидеть меня сквозь щели в стене, и тогда я бы неминуемо погиб. Инстинкт подсказывал мне, что делать. Я побежал к насыпи, чтобы скрыться в ложбине за песчаной грядой. На это ушло не более нескольких секунд, но враг имел преимущество и успел выстрелить сквозь проем между бревнами. Хотя пуля лишь слегка задела мою щеку, парализованный эффектом неожиданности, я тут же упал на землю. Силы мои были на исходе, я считал себя смертельно раненным и тем не менее не терял концентрации. Положение, в котором я случайно оказался после падения, позволяло мне держать палец на спусковом крючке, а дверь хижины — в поле зрения. Почувствовав себя победителем, индеец сорвался с места, чтобы добить меня. Я подпустил его на расстояние трех шагов и тогда выстрелил. Пуля пробила ему грудь. Поднятый для удара томагавк вывалился

из его руки, и последний из моих противников рухнул на труп своего предшественника. Крики поверженного врага надрывали мне сердце, и я сожалел, что не могу разделить его участь.

Такова развязка этой ужасной, кровавой истории. Вспомнив о моей врожденной кротости, о моей ненависти к насилию и кровопролитию, о моей неловкости в обращении с огнестрельным оружием и отсутствии у меня опыта военных действий, вы, вероятно, усомнитесь, что я рассказал вам правду. Разве можно поверить, что один человек, перенесший столько опасностей, безоружный, едва живой от истощения и увечий, одолел четырех противников, которых с детства учили убивать и которые оттачивали свои навыки в жестоких сражениях многочисленных войн? Вы решите, что это скорее плод моей фантазии, нежели урок жизненной правды.

Я приподнял голову от земли, окинул взглядом поле боя и сам засомневался в реальности произошедшего — слишком уж невероятным был исход сражения. Понемногу приходя в себя, я понял, что никакого серьезного ущерба враг мне не причинил. Щека кровоточила, но рана была поверхностная. А вот моим противникам не повезло. Даже тот, которого я поразил послед-

ним, уже перестал стонать и агонизировать. Их могучие тела, словно созданные для сражений, изуродованы и бездыханны. Никогда больше не смогут эти краснокожие воины ни защищать себя, ни угрожать другим.

Картина, представшая передо мной, была удручающей. Три человека, полные энергии и отваги, наделенные умом коварным и гибким, пали от моей руки. Я убил их. Я учинил эту кровавую бойню. Каким же коротким оказался путь к моему падению!

Мной овладел ужас, смешанный с изумлением. До сих пор мои жизненные принципы и окружавший меня мир представлялись мне незыблемыми, тем более дикой и необъяснимой была эта радикальная перемена. Все, что я увидел и совершил с момента, когда очнулся в яме, настолько не вязалось с предыдущими событиями моей жизни, что я готов был поверить в собственное безумие. От мучительных размышлений меня отвлек жалобный стон лежавшей поодаль девушки.

Я попытался утешить ее и осмотрел. Когда она еще лежала на кровати, ей нанесли удар в бок, боль от которого не утихает и теперь. Встать и идти она никак не могла — видимо, у нее были

сломаны одно или несколько ребер.

Я понятия не имел, как облегчить наше положение. До ближайшего жилья, вероятно, много миль. В какую сторону идти, неизвестно. Сил, чтобы нести раненую на руках, у меня нет. Придется остаться с ней в этом обагренном кровью месте до утра.

Не успел я прийти к какому-то решению, как невдалеке послышался мушкетный выстрел. Пуля просвистела рядом со мной. Тут я вспомнил, что в пещере индейцев было пятеро, а я знаю о судьбе лишь четверых. Выходит, что пятый жив и намерен отмстить за своих соплеменников. Он идет сюда в надежде их отыскать.

В преддверии новой опасности мне следовало вооружиться. Мушкет громилы, которого я пристрелил на пороге дома, по-прежнему был заряжен. Я поднял его, сел на землю и стал озираться по сторонам, затаив дыхание и прислушиваясь к малейшим шорохам, дабы не прозевать врага.

Наконец мой слух уловил голоса. Они доносились из зарослей за домом, перекрывавшем мне обзор. По тону разговора я предположил, что это друзья, белые фермеры, но слов пока разобрать не мог.

Внезапный шум, словно кто-то продирался

сквозь кустарник, заставил меня повернуться. Сначала показались головы, потом я увидел людей в полный рост. Они перескакивали через насыпь, окаймлявшую поле, неуклонно приближаясь ко мне. Человек десять или двенадцать, и у каждого за плечом ружье. Однако вид этих людей окончательно рассеял мои опасения.

Один из них заметил меня и, остановившись, позвал остальных. Нас разделяло лишь несколько шагов, когда он, обратившись ко мне, спросил, кто я и что здесь делаю. Услышав в ответ, что я друг и нуждаюсь в помощи, они огляделись. Не могу описать вам их изумление при виде брошенных ружей и распростертых тел.

Я сидел на земле, с мушкетом на коленях, поддерживая голову левой рукой, изможденный, бледный, шея и грудь в крови, ноги покрыты бесчисленными ссадинами, кожа местами содрана почти полностью.

А рядом лежали окровавленные трупы поверженных мной индейцев, лица которых еще сохраняли следы недавней жизни. Чуть поодаль громко стонала и молила о помощи страдающая от невыносимых мук девушка.

Один из вновь прибывших, посмотрев на девушку, в волнении воскликнул:

— Господь всемогущий! Мне это не снится? Ты? Не может быть! Говори!

— Ах, отец мой, отец! — пробормотала она. — Да, это я.

Все сразу перевели взгляды с меня на девушку, которую отец поднял с земли и в порыве радости прижал к груди. Но его счастье омрачало беспокойство по поводу состояния дочери. С трудом отвечая на вопросы, она объяснила, что у нее тяжелая рана в боку, нанесенная топором. Спутники отца девушки попытались выяснить подробности:

— Как ты тут оказалась?

— Кто тебя ранил?

— Куда тебя унесли индейцы?

Но в ответ раздавались только рыдания и всхлипывания.

Сцена нежности и сострадания отца, который вновь обрел похищенную дочь, захватила всех. До меня уже никому не было дела. Я же радовался, что не оставил ее в беде, что благодаря моим усилиям она до сих пор жива и обязана этим мне. Поняв, что от девушки ничего вразумительного не добьешься, все опять переключили внимание на меня. Стали спрашивать, кто я, откуда и что привело к такой кровавой развязке.

Но я не смог поведать им свою историю. До этого момента мне удавалось держаться только за счет крепости духа. Теперь и ей пришел конец, словно она вытекла вместе с кровью. Истощение, усталость, смертельный холод окончательно одолели меня, и я повалился на землю без сил.

Таковы особенности человеческой натуры. Пока мне угрожала опасность, пока мое спасение зависело от храбрости, самоотверженности, концентрации внимания, я был готов действовать. Моя энергия возрастала пропорционально риску, которому я подвергался; стоило же мне оказаться под защитой и в безопасности, как силы сразу покинули меня. Длительное напряжение сменилось полным опустошением, изнеможением и потерей сознания. Не сомневаюсь, что окружающие ошибочно приняли мой обморок за смерть.

Я пришел в себя быстрее, чем когда очнулся в пещере на дне впадины, но ощущения были очень похожи. Какое-то время непроницаемая пелена застила мне глаза, и я не видел ничего вокруг. Потом зрение постепенно стало восстанавливаться, головокружение прошло, и вскоре я уже смотрел на открывшуюся моему взору картину с беспокойством и удивлением.

Первым делом я понял, что лежу на земле.

Узнал дом и заросли кустарников, освещенные ущербной луной. Под головой у меня что-то было, как оказалось — труп убитого мной индейца, в чем я убедился, когда чуть привстал и обернулся. Тела двух других были распростерты неподалеку в их прежнем положении. Ни мушкетов, ни раненой девушки, ни ее отца, ни его спутников, которые о чем-то говорили со мной, перед тем как я потерял сознание. Все ушли, прихватив оружие.

Голова моя покоилась на груди индейца. Того, кому я всадил пулю в эту самую грудь. Щека у меня уже не кровоточила, но волосы слиплись от крови с одежды трупа, послужившего мне подушкой. Я с отвращением вскочил на ноги.

Смутные фрагменты произошедших событий не сразу удалось связать воедино, но постепенно память вернулась.

То, что местные жители бросили меня одного в таком состоянии, я поначалу приписал жестокости и трусости, коих никак от них не ожидал. Однако, обдумав ситуацию, пришел к мысли, что их ввел в заблуждение мой обморок, и они посчитали меня мертвым. А если я мертв, оставаться со мной или много миль нести на себе тяжелый труп незнакомого им человека бессмысленно.

Еще не все враги уничтожены, и теперь, когда пленница спасена, семьи этих мужчин нуждаются в возвращении своих защитников.

Я вошел в дом. Огонь по-прежнему распространял благодатное тепло. Сев к нему поближе, я задумался о том, что следует предпринять, чтобы поправить мое бедственное положение. Приближалось утро. Стоит ли задержаться здесь до рассвета или нужно немедленно отправляться в дорогу? Конечно, я измучен и слаб, но не рискую ли я, оставшись, окончательно лишиться сил? Лучше поскорее найти обитаемое жилище, где мне окажут необходимую помощь, иначе голод и крайнее истощение одолеют меня, и я уже не смогу продолжить путь.

Правда, есть надежда, что днем кто-то вернется сюда. Но нельзя быть в этом уверенным. Если люди и придут, то лишь затем, чтобы осмотреть и похоронить мертвых. Одежду и еду, в которых я так нуждаюсь, они, конечно, не принесут, поскольку уверены в моей гибели. А дорогу уже достаточно хорошо видно, и она непременно выведет меня к человеческому жилью. Медлить больше нельзя. Несмотря на свое состояние, я понимал, что идти без оружия опасно.

К тому же мушкет, подарок Сарсфилда, был до-

рог мне как память. Вряд ли фермеры нашли его и забрали с собой, скорее всего, мушкет по-прежнему лежит за насыпью, на песчаной отмели, где я его оставил.

Мое предположение оправдалось. Мушкет оказался там. А еще у меня были патроны, которые я прихватил из сумки убитого индейца. Зарядив оба ствола, снаряженный и готовый к защите, я отправился в путь.

Рана на щеке быстро затянулась, не кровоточила, но болезненно саднила под сухой коркой запекшейся крови, и я мечтал добраться до воды, чтобы промыть ее, а заодно утолить жажду, мучившую меня все сильнее. В пустынной местности, подобной той, что пролегала за домом, очень трудно отыскать воду. Все же судьба была ко мне благосклонна. Мокрая колея подсказала, что где-то поблизости есть источник. И действительно, углубившись в заросли кустарников, я нашел родник — скудный, с солоноватой водой, неприятной на вкус. Тем не менее это была вода, так что я смог утолить жажду и освежиться.

Вы, наверное, полагаете, что теперь все мои неприятности остались позади, что победа в кровавой схватке обеспечила мне безопасность. Я и сам горячо уповал на это, во всяком случае,

надеялся, что больше не придется использовать оружие, чтобы защитить себя. Как бы в дальнейшем все ни сложилось, я решил, что любыми средствами постараюсь избежать кровопролития, даже ценой собственной жизни. Пресытившись смертью, я и в мыслях не мог представить, что еще кого-то убью, такое отвращение и неприятие это у меня вызывало.

Думать о новых столкновениях было невыносимо, однако мне все время казалось, что враг затаился где-то поблизости. Я продвигался с величайшей осторожностью, приглядываясь и прислушиваясь к малейшим знакам опасности. Ведь, помимо отряда индейцев, с которым мне пришлось сразиться, есть и другие, да и из тех пятерых дикарей один еще жив.

Поскольку чахлый родник спас меня от жажды, я теперь мог не торопиться, а потому прилег отдохнуть на каменное плато под сенью дерева. Оттуда хорошо просматривалась дорога, но сам наблюдатель был надежно укрыт от посторонних взглядов.

И вдруг я краем глаза уловил какое-то едва заметное движение, как будто зверь пробирается в траве. При других обстоятельствах я бы подумал, что это волк, пума или медведь. Теперь же, когда

меня переполняли опасения совсем другого рода, мне опять померещились индейцы, чьи образы прочно засели в моем мозгу, непрерывно подпитывая воспаленную фантазию.

С одной стороны дороги тянулись кустарники, с другой — раскинулось возделанное поле. Заросли соседствовали с открытым пространством, куда, судя по всему, и крался не то человек, не то зверь.

Он быстро продвигался на четвереньках, и вскоре я уже смог его рассмотреть. Бесформенные конечности, кольца в ушах и в носу, наголо бритая голова — все выдавало в нем дикаря. Периодически он вставал на ноги и бдительно смотрел поверх кустарника, с явным подозрением изучая домик и окрестности. Потом вновь опускался на четвереньки и продолжал путь как прежде.

У меня не возникло ни малейшего сомнения, что это один из моих врагов, тот единственный, который уцелел. Пока он не знает о судьбе своих соплеменников, но скоро окажется на месте кровавой бойни и все увидит воочию.

Сейчас я владею преимуществом. У меня отличная позиция, один точный выстрел — и последний из краснокожих варваров разделит судьбу остальных. Что же делать? Стрелять или

дать ему уйти?

Мое неприятие кровопролития не уменьшилось. Но ведь я не мог предвидеть такой поворот событий. До сих пор мне сопутствовала удача, однако надеяться на ее постоянство было бы неразумно. Я одерживал победы ценой борьбы и напряжения. Судьба требует, чтобы я боролся и дальше. Враг у меня на прицеле. Ничто не мешает мне, и нет смысла откладывать. Уж больно удобный случай, и без какого-либо риска.

Да и почему надо сохранять ему жизнь? Он пришел сюда грабить и убивать моих друзей и родных, в чем уже немало преуспел. Может, именно он убил дядю и сестер? Оставшись в живых, он опять примется за свое кровавое ремесло, горькие стенания жертв будут доставлять ему наслаждение, но кто эти жертвы, как не мои же братья? Возмездие, на время отсроченное судьбой, рано или поздно свершится, так что смерть негодяя все равно неизбежна.

Если я пощажу его и мы снова встретимся в этой дикой местности, что вполне вероятно, кто знает, у кого тогда будет преимущество, и не окажусь ли уже я у него на прицеле.

Пока я тут раздумываю, он может заметить меня: как бы мои рефлексии не навредили мне

самому. Если я хочу выжить, мешкать с выстрелом нельзя. Убедив себя в этом, я стал следить за каждым его движением.

Неожиданно я вспомнил, что не сделал нечто очень важное. Мушкет не приведен в боевое положение. Взвести курок бесшумно не удастся. Знакомый звук опасности сразу насторожит врага, который, уж точно, не станет медлить и, спасаясь, помчится со скоростью света, так что попасть в него будет крайне трудно. Однако делать нечего, я исправил свое упущение, и дикарь, конечно, услышал, как взводится пружина. Он обернулся и метнул на меня вопрошающий взгляд. Я чувствовал, что выдержка мне изменяет, сердце учащенно забилось, тем не менее я исполнил то, что диктовала насущная необходимость. Возможно, из-за секундного колебания прицел чуть сместился. Враг был тяжело ранен, но не убит.

Правда, он уже не мог сопротивляться и не представлял никакой опасности. Он катался по земле, издавая душераздирающие вопли. По тому, какие он принимал позы, можно было догадаться, что страдания его невыносимы. Ужас, сожаление, угрызения совести слились в одно чувство, переполняя меня раскаянием и мукой. Я

поспешил убраться прочь от ужасного зрелища. И тут же остановился — прежде, чем перестал слышать крики раненого, несущиеся мне вслед.

Безотчетный импульс, которому я поддался, сбежав, был малодушным и трусливым. Прошлого не изменить. Но могу я, по крайней мере, проявить милосердие, избавив умирающего дикаря от мучений, ускорив неизбежный конец? Возможно, он еще несколько часов будет безмерно страдать, призывая смерть. Какой смысл продлевать агонию?

Есть только один способ это прекратить. Нужно добить его. Из жалости и по велению долга. Я поспешно вернулся и с некоторого отдаления прицелился ему в голову. Несмотря на стойкое нежелание, неприятная миссия должна быть выполнена. Так прикончить врага, надругаться над его телом, уже поверженным и обессиленным, несомненно, поступок, достойный презрения. Но этого требовала от меня гуманность.

Однако, не совладав с нервами, я промахнулся. Еще оставалась пуля в другом стволе. А вдруг и она не достигнет цели? Впрочем, есть более надежный способ. Можно прекратить его муки, пронзив ему сердце штыком.

Я собрал свою волю в кулак и заставил себя

совершить этот акт жестокого милосердия. Когда все было кончено, я отшвырнул в сторону мушкет и бросился на землю, подавленный сценой, в которой стал главным действующим лицом. Вот так обыкновенный человек может вдруг оказаться свидетелем и исполнителем деяний, противных естеству. Разве не такое же зрелище, только бесконечно более длительное и многообразное, являет собой всякое военное сражение? Но только там привычка и пример, соблазны выгод и ложные представления о чести делают из нас уже не робких, раскаивающихся исполнителей, а рьяных и самодовольных зрителей и актеров.

Таким образом, ряд непредсказуемых событий привел к уничтожению отряда, состоявшего из людей опытных, обученных, умеющих почуять опасность и одолеть превосходящие силы неприятеля. А победителем вышел мальчишка, ни с кем никогда не враждовавший, неловкий в обращении с оружием, мирный и застенчивый. Я знавал людей, которые словно были рождены для того, чтобы своими победами опровергать жизненный опыт, озадачивать предвидение, ставить под сомнение доводы веры. Я, слава богу, не из их числа. Но какая сила пробудила меня от мертвого сна как раз в то время, когда подступал

неумолимый враг? Затянись мое беспамятство, и дикарь отправил бы меня в мир иной, а в качестве трофея унес бы с собой мой скальп. Вот на таком тонюсеньком волоске висит судьба отдельного человека и целой Вселенной!

Погруженный в эти раздумья, я не заметил, как луна растворилась в лучах восходящего солнца. Темные с красноватым оттенком краски залили восточный край неба. Утренняя заря добавила мне бодрости, и я возобновил свой путь. Дикаря я оставил лежать там, где он умер, только забрал его томагавк. Тот, что был у меня прежде, пропал в пещере, между тем я владел им лучше, чем огнестрельным оружием, да и весил он немного, так что был желанен и не обременителен. А напоследок, по какой-то непонятной причуде, я воткнул мушкет убитого в землю как некую веху, вертикально торчащую посреди дороги.

Глава XX

Я шел так быстро, как позволяли мне мои истощенные силы. И запретил себе думать. Единственное, чего я хотел, — добраться до какого-нибудь жилища, где можно будет поесть и отдохнуть. Высматривая знаки человеческого обитания, я глядел вперед и по сторонам, но тщетно — ни пахотной земли, ни колодцев, ни дождевых червей, ни стогов. Даже дикий кабан или отбившаяся от стада корова не повстречались мне на пути. По обе стороны узкой тропы простиралась дикая местность, которую окаймляли на горизонте однообразные волнистые линии горных хребтов, совершенно не позволявшие определить, видел я их когда-нибудь раньше или нет.

А потом стали неразличимыми и следы колес, тропа совсем сузилась, последние приметы людей исчезли. Это повергло меня в уныние. Я начал подозревать, что пошел не туда, что не приближаюсь к жилью, а, наоборот, удаляюсь от него.

И все же мне казалось разумным идти, никуда не сворачивая. У всякой дороги бывает начало

и конец. Несколько часов протекли в неопределенности. Солнце уже стояло в зените, а предела моим скитаниям не было видно. Тропинка окончательно затерялась в камнях и траве, и теперь меня окружала лишь девственная глухомань. От жажды я страдал сильнее, чем от голода, но время от времени утолял ее из ручейков, которые встречались по дороге.

У одного из них я присел отдохнуть и поразмыслить о своем положении. Вновь найденная тропа, похоже, вела меня по кругу, и мне начало казаться, что, пройдя долгий путь, я не так уж далеко ушел от исходной точки.

Оглядевшись, я заметил в нескольких шагах небольшую заводь, образованную речушкой. А когда приблизился, увидел там другую тропу, протоптанную, судя по следам, стадом домашнего скота; еще мне попался на глаза старый поломанный деревянный черпак, который валялся на обочине. Это воодушевило меня, и я повернул на новую тропу. Она тоже извивалась, петляла, но я упрямо брел по ней, пока не очутился на возвышенности, где земля была гораздо лучше, нежели в низине. Клеверный луг и несколько яблонь уже окончательно убедили меня, что человеческое жилье где-то недалеко. Затем я пересек поле и, к

невыразимой моей радости, различил очертания дома.

Этот дом отличался от того, в котором я ночевал накануне. Тоже тесный и низкий, он был построен из струганых досок. Застекленное окно пропускало внутрь свет, труба дымохода выходила на крышу и была аккуратно сложена из хорошо обожженного кирпича. Вблизи я услышал детские голоса и жужжание прялки.

Вы не можете представить, какое ликование охватило меня. Ну наконец-то! Здесь живут люди, такие же, как я, и они, несомненно, окажут мне гостеприимный прием. Я поднялся на крыльцо и переступил порог.

За прялкой сидела миловидная женщина, а рядом с ней двое ее детей играли на полу. Мое отрепье, неухоженный вид, ружье и томагавк не могли не напугать ее. Она остановила колесо прялки и посмотрела на меня так, как будто увидела призрака.

Я постарался успокоить ее, приняв вид просительный и смиренный. Объяснил, что я путешественник, что сбился с дороги и не знаю уже, сколько времени скитаюсь по этой дикой земле, полуживой от голода. Мне бы только немного поесть, молил я, что угодно — черствое, не первой

свежести, — лишь бы это была еда.

После небольшой паузы женщина не без доли опасения предложила мне пройти в дом. Потом принесла молока и черного хлеба. Расширившимися глазами смотрела она, как я жадно поглощаю эту пищу. Ни одно лакомство не доставляло мне такого наслаждения. Наконец хозяйка прервала молчание, посетовала на мой изможденный вид и заметила, что я, наверное, тот, про кого спрашивали несколько часов назад.

От ее слов меня охватило волнение, и я поспешил удовлетворить свое любопытство. В ответ на мои вопросы она рассказала, что в доме останавливались трое мужчин, которые интересовались, не встречал ли ее муж в последние три дня человека, чье описание вполне соответствовало моему облику. Высокий, тощий, в рубашке и штанах, раненный в щеку.

Я спросил, что еще они говорили об этом человеке.

— Он из Солсбери, — охотно сообщила женщина. — Вероятно, пошел в горы и заблудился, а может, с ним случилось несчастье. Трое суток, как он исчез. Но прошлой ночью его вроде бы видели у хижины Деб.

— Что за Деб? И где эта хижина?

— Далеко, в самой глуши. Деб — индеанка, старуха. Ее еще зовут Королевой Мэб. Отсюда восемь миль до ее жилища.

Многие вопросы и сомнения сразу отпали благодаря этой информации. Королева Мэб… Я знал ее не понаслышке.

Она из племени делаваров, или, как их еще называют, ленни-ленапе. Не так давно вся наша округа была во владении этих индейцев, которые ушли отсюда лет тридцать назад из-за бесконечных вторжений английских колонистов. Теперь они обитают на берегах Вабаша и Маскингама.

Решение о переселении в новые места было принято советом старейшин и одобрено всем племенем. Кроме одной женщины. Ее происхождение, таланты и почтенный возраст вызывали огромное уважение у соплеменников, и она пользовалась среди них немалым авторитетом. Все свое влияние употребила она на то, чтобы уговорить их не покидать родную землю, но ее страсть и красноречие не возымели действия. Тогда Деб объявила, что не присоединится к ним, а останется присматривать за землями делаваров, брошенными ее нечестивыми соплеменниками.

Теперь на месте их поселения располагаются скотный двор и огороды моего дяди. Когда ин-

дейцы ушли, старуха Деб сожгла опустевшие вигвамы, а сама перебралась в неприступный уголок Норуолка. Она жила по обычаям индейцев, в одиночку обрабатывала небольшую маисовую плантацию, и никто не трогал ее и не мешал ей.

Компанию Деб составляли три собаки, такие же дикие, как индейцы и волки. Только преданность и верность хозяйке отличала их от лесных собратьев. Деб властвовала над ними безраздельно. Они были ее слугами и стражами. Повсюду следовали за ней, гнали с порога нежеланных гостей и беспрекословно подчинялись всем ее приказам. Она кормила их маисом, а мясо себе и ей они добывали сами, охотясь на белок, опоссумов и кроликов.

Всех других людей эти собаки почитали чужаками или врагами. Если Деб заходила в какой-нибудь сельский дом, они ждали, когда она выйдет, на некотором расстоянии и тут же обступали ее, стоило ей только появиться. Никого не подпуская к себе, они, однако, не нападали на человека, если тот не дразнил их и не пытался проникнуть в вигвам. Жилище хозяйки было священным. Переступивший порог без разрешения рисковал расстаться с жизнью.

Деб занималась тем, что выпалывала сорняки

на плантации, перетирала зерна между двумя плоскими камнями, чтобы получить муку, ладила капканы для опоссумов и кроликов, а еще любила поговорить. Коротая дни в одиночестве, она тем не менее замолкала, только когда спала, адресуя свои речи собакам. Голос у нее был низкий и резкий, жестикуляция отрывистая и комичная. Со стороны могло показаться, что старуха бранит собак, на самом же деле она просто отдавала им приказы. Не имея других собеседников и объектов внимания, она всегда находила в их поведении и взглядах повод для похвалы, недовольства или команд. То, с какой готовностью они повиновались любому ее слову и жесту, было поразительно.

Если бы незнакомец, проходя мимо, случайно услышал ее непрерывно звучащий пронзительный голос, он не смог бы понять, что она говорит и к кому обращается. Можно было подслушивать хоть несколько часов подряд в ожидании ответа на ее монологи, но все впустую — бесконечные речи Деб не прерывались ни на минуту.

Она редко покидала свой вигвам, но иногда ей все же приходилось наведываться к местным жителям за едой, одеждой и другими необходимыми вещами. Причем она не просила, а требовала,

расценивая отказ как мятеж. Деб считала, что, будучи единственной представительницей племени на землях делаваров, она — законная владелица всей этой территории. С ее милостивого соизволения чужаки англичане обживаются здесь, но она согласна их терпеть лишь при условии полного подчинения ей.

Поскольку Деб была в преклонном возрасте и безвредна, а потребности ее ограничивались самыми необходимыми в быту мелочами, которые она не могла изготовить сама, все относились к ней с добродушной насмешкой и делали вид, что повинуются ей с уважением и почтением. Я заинтересовался ею еще в детстве. Мне нравилось наблюдать за поведением этой удивительной женщины, потешаться над ее предрассудками. Она часто захаживала к дяде, и я бывал у нее. Похоже, она испытывала ко мне некоторую привязанность, во всяком случае, в отношениях со мной обнаруживала больше терпимости и снисхождения, чем с кем бы то ни было.

Говорить по-английски она считала ниже своего достоинства, поэтому общение с ней местных жителей сводилось к нескольким элементарным словам и вопросам на ее непонятном для всех языке. Я приложил немало усилий, чтобы овла-

деть диалектом ее племени, и мог беседовать с ней о том, что было для нее важно. Вероятно, еще и по этой причине она выделяла меня среди других.

Раньше все называли странную старуху просто Деб. Однако ее притязания на роль властительницы, ее дикая наружность и экстравагантное одеяние, ее иссохшая, тощая фигура, которая словно бросала вызов разрушительному влиянию времени и стихий, ее возраст (многие полагали, что ей больше ста лет), ее романтичное уединение в безлюдной горной местности — все это навеяло мне ассоциации с королевой Мэб[5]. Конечно, старая индеанка не имела ничего общего с воспетой поэтами героиней мифов, только фантазия ребенка могла усмотреть какое-то сходство, но придуманное мной прозвище прижилось, и вскоре имена Деб и Королева Мэб стали равноценными.

Она жила в Норуолке больше двадцати лет. Соплеменники не забыли ее: каждую осень братья и сыновья наведывались к ней, но ни на какие уговоры переселиться к ним эта упрямая женщи-

[5] Примечания: 5

Королева Мэб — в кельтской мифологии королева фей, эльфов, гномов. Ее образ выведен в трагедии Уильяма Шекспира «Ромео и Джульетта» (1594).

на так и не поддалась. Два года назад она была вынуждена покинуть свой совсем обветшавший вигвам и искать новое жилище. На ее счастье, ей удалось найти таковое в двадцати милях к западу все в той же дикой пустоши.

Это был бревенчатый дом, построенный шотландским эмигрантом, который любил одиночество и независимость, да вдобавок не имел денег, чтобы купить землю, а потому обосновался в глухом, необитаемом месте, сложил из бревен вполне пригодную для жизни хижину и даже очистил от камней и кустарников небольшое поле под маисовую плантацию. Спустя какое-то время он исчез, что вызвало немало пересудов и догадок. Многие склонялись к тому, что его убили индейцы, навещавшие Королеву Мэб, поскольку исчезновение шотландца совпало с их ежегодным визитом. А когда вскоре старуха завладела его жилищем, орудиями обработки почвы и маисовой плантацией, в эту гипотезу уверовали практически все.

Ей не досаждали в ее новом доме, и она жила как прежде, тихо и уединенно. Периодические прогулки, королевские замашки, псы-охранники, безудержная болтливость — ничего не изменилось. Вот только расстояние, отделявшее ее от

обитаемых мест, увеличилось, в силу чего она стала реже появляться в Солсбери, и мои пешие походы к ней прекратились.

Эти воспоминания навеяло сообщение приютившей меня женщины. Хижина, в которой я искал защиту и помощь, похоже, была обителью Королевы Мэб. Благодаря удачному стечению обстоятельств старуха и собаки отсутствовали, когда я хозяйничал в ее жилище. В противном случае мне пришлось бы иметь дело с грозными свирепыми стражами: если бы Деб вдруг вернулась и собаки опередили ее, меня и мою беспомощную спутницу разорвали бы на куски. Эти зверюги никогда не лаяли, и я, не подозревая об опасности, вряд ли успел бы воспользоваться мушкетом.

Почему же в такой неурочный час ее не было дома? Сейчас как раз тот период, когда соплеменники обычно наносят ей визит. Есть ли какая-то связь между ней и дикарями, с которыми я столкнулся?

И кто разыскивает меня? Люди, которых я видел у хижины Деб, мне незнакомы, но о ране на моем лице было известно только им. Почему же они знают, кто я и откуда? Я предположил, что они посчитали меня мертвым, но, вероятно, потом

засомневались в этом и решили исправить свою ошибку. А вернувшись к хижине и обнаружив там только трупы индейцев, стали наводить обо мне справки и отправились на поиски.

Что из этого следует? По их словам, я заблудился в горах, где пропадал трое суток с момента исчезновения. Вряд ли прошло больше двенадцати часов с тех пор, как я выбрался из пещеры. Получается, что два с половиной дня я провел в подземной темнице?

Эти соображения быстро сменились другими. Теперь я знал, что представляет собой окружавшая меня местность. Я находился посреди долины, окаймленной горными хребтами, которые постепенно сближаются друг с другом и сходясь образуют пещеры и впадины, скалы и пропасти необитаемого пустынного плато, известного как Норуолк. Долина постепенно расширяется к западу и в самом широком месте достигает десяти или двенадцати миль.

Окольные пути не раз выводили меня к подножию южного берегового вала. Внешний его фундамент размыт речными водами, но по мере продвижения на восток гора и река отступают друг от друга, а между ними располагаются плодородные земли. Там находится и мой дом в

Солсбери. Долг повелевал мне добраться туда и вернуться уже с отрядом надежных людей, чтобы пресечь злостные планы индейцев.

В Солсбери вели две дороги. Одна огибала гору, тянулась через пустынные, нехоженые места, где можно было напороться на притаившихся дикарей. Другая, торная, шла вдоль речного берега, и выбраться на нее можно было, лишь перевалив через гору. Задача вполне выполнимая. Об этом я узнал от хозяйки дома: она показала мне из окна тропу, ведущую к вершине, и добавила, что с другой стороны такая же тропа сбегает к реке. Вряд ли путь мне предстоял легкий, но этот вариант был предпочтительнее других.

Конечно, маршрут довольно запутанный и окольный. Однако самое трудное — подняться на вершину и спуститься к реке. Оттуда к Солсбери ведет прямая ровная дорога. В целом же требовалось пройти около тридцати миль. И желательно было сделать это за шесть часов, потому что потом наступят сумерки, а для путешествия в темноте нужны проворство леопарда и крепость дикого оленя.

Я же был едва жив. Душевные муки, страх, невероятное напряжение, истощение, раны — все это лишило меня сил. Но ведь я еще держался. Может,

мне удастся засветло добраться домой? С детских лет я познал наслаждение в подвигах ловкости и выносливости. Преодолевая густые заросли или пропасти, я мало-помалу закалил себя физически и нравственно в рискованных испытаниях. Мне казалось, что я начну себя презирать, если не сравняюсь в ловкости с рысью, в прыгучести с косулей, а в терпении и несгибаемости воли с индейцем-могавком. Я стремился превзойти диких зверей во всем, вне зависимости от того, разумно это или нет, старался понять, в чем сила каждого из них, чтобы выйти в состязании с ними победителем.

Глава XXI

Мне не терпелось узнать, что стало с моими близкими. Если они живы, я смог бы успокоиться сам и своим появлением развеять их опасения на мой счет. Груз ужасных подозрений был невероятно тяжел, я никак не мог примириться с неопределенностью. Беспокойство и зловещие предчувствия мучили меня так, что все опасности и тяготы минувших дней не шли с этим ни в какое сравнение.

Еда, питье и короткий отдых освежили меня и придали мне новых сил. Теперь я чувствовал, что смогу одолеть трудную дорогу. Получив от хозяйки еще некоторые наставления и горячо поблагодарив ее за гостеприимство, я отправился в путь.

Тропа действительно оказалась запутанной, и требовалось изрядное внимание, чтобы не потерять ее. Я продвигался медленнее, чем хотел. Поначалу казалось, что, постоянно видя перед собой вершину, я буду перепрыгивать с уступа на уступ, пока наконец не окажусь наверху. Но наделе все вышло не так. Надо было перебираться

через лощины, перешагивать трещины и, отклоняясь от маршрута, обходить пропасти. И ведь у меня не было ни малейших сомнений, что этот путь единственный.

Целый час я кружил по склону, ничуть не приближаясь к своей цели. Даже закралась мысль, что я сбился с нужной тропы. Все новые и новые препятствия убеждали меня в этом. Хозяйка описывала мне совершенно определенное расположение ручьев, камней и глыб. Я не видел ничего похожего. Лишь глубокие впадины, стремительные потоки и широкие расселины встречались на каждом шагу.

Возвращаться назад было так же безнадежно, как идти вперед. Я успокаивал себя тем, что, вероятно, женщина описала гору неточно и, вопреки ее заверениям, где-то есть другой путь к вершине. Не стану говорить, сколько я приложил усилий, сколько раз надежда сменялась разочарованием. Скажу лишь, что, когда я все-таки забрался наверх, солнце уже спряталось за горизонтом.

Воодушевленный тем, что самое трудное позади, я с надеждой посмотрел на противоположный выступ. И тут понял, что дальше — обрыв, спуститься здесь совершенно невозможно. Внизу текла река. Дальний берег был ярдах в пятистах и

выглядел таким же неприступным, как отвесный склон горы, на вершине которой я стоял. Судя по внешнему виду, эти два утеса составляли в древности единый массив, но вследствие какого-то мощного катаклизма разъединились, и в образовавшуюся пропасть хлынул поток. Огромные валуны загромождали русло, поэтому река бурлила и пенилась порывисто и шумно.

Величественная картина поражала воображение. На какое-то время я отвлекся от своих мучительных размышлений; но это длилось недолго, и я снова стал обозревать окрестности в поисках спуска к реке. Меня ждало разочарование. Тогда я обследовал восточный, потом западный склон. Мне по-прежнему необходимо было попасть на дорогу, ведущую в Солсбери. Я прошел немного по краю пропасти в нужном направлении. И тут путь преградила широкая расселина. За ней гора была более пологой, но перебраться туда не представлялось возможным. Оставался шанс, что чуть выше я сумею обнаружить вполне приемлемый спуск, пусть даже уводящий в сторону от Солсбери, ведь лучше выйти на дорогу окольным маршрутом, чем вообще не добраться до нее.

Изменив курс, я принялся исследовать новые пути. Приближалась ночь, серые тучи собира-

лись на юго-востоке, и пронзительный ветер, неизбежный спутник октябрьских ночей, зловеще свистел в ветвях карликовых кедров, лишь изредка встречающихся на этих высотах. Из-за наступившей темноты мне пришлось остановиться, чтобы найти место для ночлега. Внимательно оглядевшись, я решил, что небольшое углубление в скале лучше всего подойдет для отдыха и защитит меня от ветра.

Между тем я не терял надежды выбраться на бегущую вдоль реки дорогу, которую видел в нескольких сотнях ярдов ниже, перед тем как дневной свет был поглощен мраком. Мои надежды вспыхнули с новой силой, когда я разглядел ведущие вниз каменные выступы, достаточно широкие для того, чтобы они могли послужить ступенями при спуске. Похожий выступ, неуклонно взбираясь вверх, тянулся параллельно реке, и по нему проходила дорога. Я подумал, что где-то они должны сойтись или сблизиться настолько, что можно будет перепрыгнуть с одного на другой без большого риска.

Увы, мои ожидания не оправдались. Очень скоро я понял, что нижнее плато стало опять спускаться, а верхнее пошло на подъем, ведя к вершине утеса. Нужно было остановиться и по-

думать. Я вновь посмотрел, нельзя ли спрыгнуть вниз отсюда, но так, чтобы не покалечиться. Дорога в том месте, куда мне пришлось бы упасть, была неровная и каменистая. И до нее сорок или пятьдесят футов. Такой прыжок — предприятие по меньшей мере опасное, однако не лучше ли пойти на риск, чем остаться здесь и погибнуть на вершине этой неприветливой горы? Путь сюда дался мне так тяжело, что повторить его еще раз казалось моему охваченному паникой воображению равносильным смерти, даже хуже смерти.

Пытаясь решить, прыгать или нет, и представляя возможные последствия столь безрассудного шага, я вдруг заметил, что один из выступов горы нависает над рекой. Дорога была на двенадцать или пятнадцать футов выше уровня потока, поверхность которого выглядела спокойной и гладкой. Отсюда я заключил, что место там достаточно глубокое. Падать на камни действительно опасно, но нырнуть в воду, даже с большей высоты, чем та, где я стоял, для меня, человека, привычного к плаванию, было совсем не трудно. И риска почти никакого. Уже через двадцать ярдов начинается мелководье, и я мог бы благополучно добраться до суши.

Все же, поразмыслив, я усмотрел отрицатель-

ные стороны и в этом прожекте. Да, поверхность воды спокойная и гладкая, но, возможно, вовсе не потому, что там глубоко, а по какой-то другой причине. К тому же придется пожертвовать мушкетом, а я никак не желал мириться с такой потерей. Если же бросить его с высоты на дорогу, чтобы потом снова завладеть им, это ничего не даст, поскольку он будет безнадежно поврежден падением.

Так, взвешивая все за и против, я не заметил, как воцарилась ночь. Даже если мне посчастливится благополучно выбраться из воды, думал я, долгие мили пути, который потом предстоит преодолеть, доконают меня. Одежда вымокнет, пронизывающий насквозь ветер превратит мое сердце в ледышку, раны и ушибы будут причинять мне нестерпимые муки.

Я разрывался между желанием поскорее добраться домой и потребностью в отдыхе. От долгой неподвижности мышцы мои стали вялыми, и воля к продолжению пути начала угасать. Веки отяжелели, меня неодолимо клонило ко сну. А потому я решил поискать убежища: пусть мои тягостные воспоминания и скорбные предчувствия уступят место блаженному беспамятству. И я еще раз поднялся вверх по склону утеса. Едва

переставляя ноги, я брел вперед, пока не нашел подходящее место.

По дороге мне попалась рощица карликовых кедров, которые, сплетясь длинными ветвями, образовывали подобие беседки. Внизу среди разрозненных каменных глыб была небольшая впадина, ее густо покрывала принесенная ветром палая листва. С одной стороны возвышалась скала — природная стена, защищающая от бурь. У подножия скалу прорезала трещина, весьма похожая по форме на гроб и немногим большая по размеру. Образованная ею пещерка заканчивалась еще одним отверстием, но намного более узким — человек не смог бы туда протиснуться. Между двумя входами расстояние было в два человеческих роста.

Сильный юго-восточный ветер нещадно продувал облюбованное мной убежище, не давая той защиты, в которой я нуждался. Однако ничего лучше мне найти не удалось. Можно меньшее отверстие заложить камнем, с помощью топора нарубить лапника, забраться внутрь и со всех сторон укутаться ветками, обеспечив себе хоть какой-то комфорт.

Когда было сделано все, что нужно, я лег, мечтая о сне. В другой ситуации я, наверное, опасался

бы ядовитых змей или нападения пумы, но после недавних моих приключений, связанных с гораздо большим риском и с куда более жестокими врагами, чувство страха у меня притупилось. И тем не менее, заснуть я не мог. Несмотря на все мои старания, хлипкое «одеяло» из веток не спасало от холода.

Температура в убежище была, как в разгар зимы. Спустя короткое время терпение мое истощилось, боль и озноб напоминали приступы лихорадки. Неудобная поза и сырое жесткое ложе причиняли мне страдания. Стало очевидно, что, оставаясь здесь, я не достигну своей цели.

Нужно продолжить путь. Двигаясь, я не замерзну окончательно. В моем состоянии у меня появится шанс отдохнуть только если будет тепло, а значит, я должен добыть огонь.

Ветки и сухая листва — все под рукой. С помощью топора и камня можно высечь искру. При необходимом старании я сумею разжечь костер, обогреться, отдохнуть и даже поспать. Нет ничего восхитительнее тепла! Подумав об этом, я почувствовал, что больше не способен мириться с холодом.

И сразу взялся за дело. Стал собирать сухие листья, чтобы использовать их как трут, но вся

листва была пропитана росой. Влага проникла даже в укромные пещерки. Я приложил немало усилий, и все же пришлось отказаться от этой невыполнимой затеи.

Теперь ничего не оставалось, кроме как идти вперед, согреваясь быстрой ходьбой. Ночь предстояла долгая и непогожая. Ледяной ветер будто тысячами игл впивался в мое тело. Спасения не было, и я запасся терпением, чтобы все вынести.

Пройдя немного по верхней кромке горного склона, я вышел к отвесному спуску. Он был абсолютно голый и гладкий — ни кустика, ни деревца, лишь ровный скользкий камень. Дорогу я не видел, но слышал шум потока, что позволило мне определить мое местоположение.

Плато, по которому пролегала дорога, в этом месте обрывалось. Края бездны по обеим сторонам реки напоминали два подступающих друг к другу мыса. Я находился на оконечности одного из них, того, что располагался севернее. Внизу, на расстоянии десяти — двенадцати футов от скалы, имелся брод, там было так мелко, что путешественнику и его лошади ничего не стоило форсировать реку и продолжить путь.

Однако я знал, что в нескольких ярдах от этого отвесного склона очень глубоко. Прыгнуть в

воду здесь гораздо безопаснее, чем там, где меня впервые посетила такая мысль. Тогда я сомневался, что глубина достаточная, а тут мне это было доподлинно известно. Но некоторые опасения все-таки имелись. Здесь придется прыгать с большей высоты, я боялся потерять сознание от удара о воду и утонуть. Тем не менее колебания были отброшены, я положил ружье и томагавк на землю и приготовился к прыжку.

Только я собрался с духом, как был остановлен странным, едва различимым звуком, донесшимся из того места, откуда я пришел. Вроде бы голоса людей, но необычные, не похожие на те, что я привык слышать. Во всяком случае, это был не волчий вой и не рычание пумы. Их я научился безошибочно узнавать во время прошлогодних блужданий по озерам. А потому у меня возникло подозрение, что это переговариваются краснокожие дикари.

Я понятия не имел, сколько индейцев обретается в округе, и предположил, что, быть может, у хижины Деб столкнулся не с теми, которых видел в пещере. Вероятно, таких отрядов рассредоточено здесь немало, и мне удалось уловить сигнал о приближении одного из них. Все же я не мог понять, что привело их в эту глушь и на какую

добычу они тут рассчитывают.

Опять раздались голоса, уже ближе. Мои подозрения усилились. Что предпринять, чтобы обезопасить себя? Прижаться к земле и затаиться или попытаться уйти? Что, если враг, перемещаясь по краю пропасти, уже рассмотрел все окрестности вокруг скалы? Как же мне быть? На крайний случай у меня есть оружие. Но, может, я сумею избежать нового кровопролития? Стоит ли дожидаться нападения дикарей, не лучше ли предотвратить столкновение, прыгнув в воду?

Перед угрозой опасности мне следовало соблюдать осторожность, так что я сконцентрировался на разрешении этой первоочередной задачи, временно отбросив все прочие мысли. Я стоял на округлом выступе, чуть в стороне от основного горного массива, кромка которого тянулась прямой линией немного ниже, на расстоянии нескольких шагов от меня. Любое движение там не укрылось бы от моего взгляда даже в полумраке.

Я сосредоточился на этом участке. Оттуда донеслись шаги, и вскоре показались люди, идущие цепочкой друг за другом, как ходят вооруженные индейцы. Они шли вдоль кромки горы по направлению к мысу. Я насчитал семь человек.

Мне уже было ясно, что делать дальше. Если кто-нибудь из них заметит меня, я тут же вскочу на ноги, выстрелю в того, кто первым приблизится, затем брошу мушкет и прыгну в реку.

К счастью, они в полной тишине проследовали мимо, не обнаружив моего присутствия. Несколько минут я боялся пошевелиться. А когда тревога уже почти улеглась, оттуда же, что и в прошлый раз, вдруг послышались громкие выкрики. Я понял, что мне по-прежнему угрожает опасность. Видимо, вслед за передовым отрядом идут другие, и я должен быть готовым к встрече с ними.

Не выпуская из поля зрения единственный возможный для них путь, я через некоторое время различил фигуру вооруженного человека. Пока он был один, но где-то неподалеку, несомненно, находились и другие. Он приблизился, остановился, и я поймал на себе его пристальный взгляд.

Зрение у ленни-ленапе острее, чему нас. Они никогда не примут корягу или олененка за человека, равно как и человека не перепутают с корягой или олененком. И, увидев чужака, мгновенно поймут, друг он им или враг. Не подлежало сомнению, что индеец уже обратил внимание на мое распростертое тело. Но пока он продолжал

всматриваться, пытаясь определить, кто я такой, у меня еще оставались шансы спастись.

Все произошло невероятно быстро. Я заметил движение, которое от страха тут же интерпретировал в соответствии со своими дурными предчувствиями, решив, что дикарь целится мне в голову. Он находился в очень удобном положении относительно меня. С такого расстояния нетрудно было поразить цель.

Эти мысли положили конец моим колебаниям. Уже в следующее мгновение я оказался на ногах и выстрелил, после чего, бросив мушкет на землю, прыгнул с огромной высоты в реку. Ускорение, набранное в полете, сразу увлекло меня на дно. Вода не смогла погасить его.

Будь река в этом месте немного мельче, я бы разбился насмерть о каменистый грунт. А при большей глубине мне не хватило бы воздуха, чтобы всплыть на поверхность. Упав боком, я вряд ли сумел бы выжить — как минимум, потерял бы сознание от удара о воду и, скорее всего, утонул бы. Только на редкость удачное стечение обстоятельств спасло жизнь вашему другу!

Но не успел я всплыть, как столкнулся с новой опасностью. Когда моя голова показалась над водой и я пытался насытить легкие кислородом,

сверху прогремели не менее двадцати выстрелов. Настоящий огненный дождь вспорол воду вокруг меня. Несколько пуль просвистели в паре дюймов от моей головы. Я не ждал такого и, еще не успев отдышаться, вынужден был все время уходить на глубину, чтобы не попасть под обстрел. Враги палили наугад. Казалось, что гибели не избежать. Положение было отчаянное, возможности выбраться из этой переделки я не видел.

Но как только шок от неожиданного нападения прошел, мне удалось осмотреться. У противоположного берега было безопасно, и я приложил все оставшиеся силы, чтобы доплыть туда.

Между тем пули продолжали свистеть рядом со мной, и мне то и дело приходилось уклоняться от них. Я старался плыть по преимуществу под водой, лишь изредка выныривая, чтобы набрать воздуха. Потом стрельба внезапно прекратилась, вспышки больше не озаряли берег, ропот и голоса смолкли, и воцарилась тишина. Похоже, меня оставили в покое.

Глава XXII

Противоположного берега я достиг без труда, но он оказался совершенно неприступным, таким был крутым. Я плыл вдоль него в надежде встретить выступ или бухточку, где смог бы хоть немного отдохнуть и, если понадобится опять переплывать реку, собраться с силами и с духом. Мне верилось, что вскоре мелководье или какой-нибудь подводный валун дадут моим ногам опору. Но надежды не оправдывались.

Никто из тех, кого я знаю, не сравнится со мной в искусстве плавания, однако, как и у прочих людей, силы у меня не беспредельны. Я испытал невероятное напряжение, к тому же мокрая, тяжелая от воды одежда очень сковывала и замедляла мои движения. Я бы сбросил с себя это бремя, но понимал, с какими неудобствами столкнусь, путешествуя нагишом, а потому, несмотря ни на что, хотел остаться одетым. Продолжая бороться с течением, я пытался найти место, где смог бы выбраться из воды. Увы, мои поиски были тщетными, и я стал подумывать о том, чтобы вернуться к другому берегу.

Вот уж действительно судьба моя не знает аналогов! Есть ли конец испытаниям и страхам? Стоило мне спастись от одной напасти, как тут же возникала новая. Я выбрался из зловещей темницы в самом чреве земли лишь затем, чтобы перенести муки голода и встретиться с разъяренным зверем. Невероятным образом избежав смерти, тут же столкнулся с дикарями и был вынужден вести бесконечное, безнадежное, кровопролитное сражение с этими хорошо обученными воинами, которые с удовольствием вспороли бы мне кишки и вырвали сердце, умывшись моей кровью. Очередное спасение обернулось угрозой гибели в пучине потока, между необитаемых берегов, где, окончательно обессилев, я, вероятно, пойду ко дну вдали от тех, кем был бы оплакан, кому небезразличен, и никто не узнает, что со мной случилось.

Прежде я почитал воду одним из любимых мест для занятий спортом, но не только: она помогала мне расслабиться, была желанной постелью. Я мог плавать часами, наслаждаясь ее чудесной прохладой и не чувствуя усталости. Она дарила покой и отдохновение. А теперь все мои навыки хорошего пловца словно улетучились. Мышцы закоченели, приходилось делать невероятные

усилия, чтобы удержаться на поверхности.

Поначалу я двигался в воде с обычной быстротой и непринужденностью, но постепенно силы у меня совсем истощились. Мне уже не хватало дыхания, и я понимал, что во второй раз ни за что не переплыву реку. Оставалось держаться берега и высматривать подходящее место, чтобы наконец выбраться на сушу.

Силы все убывали и убывали. Я отчаянно нуждался в какой-нибудь опоре и продолжал плыть вдоль береговых скал в поисках выступа или дерева. Кустарники не выдержали бы моей тяжести. Порой я пробовал ухватиться за окаменевший нарост почвы, но он тут же осыпался, стоило лишь к нему прикоснуться.

Вскоре я заметил сосну, укоренившуюся в расщелине у воды. Ее ствол и крепкие корневые отростки были вне досягаемости, однако я решил попытаться дотянуться до низко нависавшей ветки. Может, по ней мне удастся добраться до ствола. Если не получится, тогда я погиб.

Со свежими силами я сделал бы это без труда, но как выпрыгнуть из воды на несколько футов тому, кто уже истощен до предела и еле держится на плаву? И все-таки я рискнул. На счастье, сучья оказались довольно крепкими, и, перебираясь с

ветки на ветку, я сумел осуществить задуманное.

Еще одна опасность миновала, однако я понимал, что это лишь временная передышка и моя жизнь по-прежнему под угрозой, ибо дальнейший путь не менее тяжел, и неизвестно, какие испытания уготовила мне судьба под конец. Я запрокинул голову. Пожалуй, теперь было вполне реально забраться на неприступный берег. Хотя, возможно, я опять попаду в ловушку, подобную той, из которой только что освободился. На какой-то миг мной овладело такое же отчаяние, как в подземной темнице, когда я не видел выхода, и как на вершине горы, откуда, казалось, невозможно было спуститься.

От ровной, надежной дороги меня отделяла водная гладь, но, вспоминая все пережитое за последнее время, я содрогался от одной лишь мысли, что нужно вновь переплыть реку. Теперь я испытываю стыд, вспоминая свое малодушие. Ведь сила духа, которая помогала мне до сих пор, никак не сочеталась с такой трусостью. Это было совсем не в моем характере. И вскоре отвага и стойкость вернули меня в нормальное состояние, вытеснив все недостойные чувства.

Я продолжил подъем. Ветви и корни дерева служили мне ступенями. Забравшись наверх, я

сел у обрыва, чтобы передохнуть и обдумать, с какими трудностями и опасностями еще предстоит столкнуться впереди. Вдоль реки не видно было никакой дороги. Пустота, заброшенность и где-то вдалеке несколько ферм, разбросанных на значительном расстоянии друг от друга. Достичь одной из них стало теперь для меня основной целью. Конечно, я по-прежнему хотел бы к утру оказаться в Солсбери, но, промокший до нитки, в холодную ночь, все равно не смог бы.

Я брел по гребню горы, река все время оставалась по правую сторону. К счастью, опасных подъемов и спусков больше не было, и я тешил себя надеждой, что каждая пройденная миля приближает меня к дому дяди. Как же я жаждал увидеть наконец какие-нибудь приметы близости обжитых мест! И отклик на мои чаяния не заставил себя долго ждать. Октябрьский ветер пронзительно свистел в диких травах пустоши, скудно украшенной сухими стеблями душистого кустарника и круглыми соцветиями коровяка. За пустошью раскинулось огороженное поле, на котором возвышались плотно уложенные скирды. Вероятно, где-то неподалеку и человеческое жилье.

Тому, что голосов не слышно и огни погашены,

я не удивился: в такое время люди спят. Но, подойдя к веранде, заколебался. Стоит ли стучать в дверь, тревожить хозяев, отнимать у них покой, столь сладостный после тяжелого дневного труда, столь необходимый в простой безгрешной деревенской жизни? Не поискать ли ночлега на сеновале или в амбаре?

Продолжая размышлять, я между тем осматривал дом, который являл собой пример чистоты и порядка. Сложен он был из бревен, тщательно обработанных рубанком, а не только топором и пилой. Стены выкрашены белой краской, в окнах — застекленные рамы, что в этих пустынных местах было редкостью. Обычно оконные проемы здесь никак не благоустраивали, а на ночь затыкали старыми шляпами, нижними юбками и прочим тряпьем. Поражал и фасад дома, украшенный над массивной добротной дверью карнизом с фронтоном. Все эти детали склонили меня к мысли, что в доме обитают не просто добропорядочные, зажиточные крестьяне, но, по-видимому, люди более высокой культуры, нежели большинство местных жителей.

Несомненно, я найду с ними общий язык. Не позволив им выказать милосердие и доброту, я причинил бы ущерб и себе, и им. Они будут рады

помочь мне в моем несчастье, у них я найду и убежище, и тепло, и хорошую пищу.

Однако я не хотел их беспокоить. Подумал, что, если кухня не заперта, смогу и сам найти там все, что нужно, не мешая хозяевам почивать. А нужно мне было совсем немного — теплая печь, чтобы высушить одежду и, устроившись на прогретых кирпичах, хоть немного поспать, несмотря на тягостные предчувствия и неприятные воспоминания о пережитом. Я надеялся, что смогу получить столь необходимую мне недолгую передышку от забот и тревог.

Подойдя к двери кухни, я обнаружил, что она распахнута настежь. Это было недоброе предзнаменование. У нас не принято запирать кухонную дверь на замок или на задвижку, но и оставлять совсем открытой тоже. Я осторожно вошел и увидел подтверждение моим опасениям. Несколько обгоревших бревен лежали посреди кухни. Похоже, их перебросили сюда из печи — несомненно, с намерением сжечь дом дотла.

Пол был испорчен огнем, который, видимо, своевременно погасили водой из кадки, о чем свидетельствовали оставшиеся лужи. Сама полупустая кадка стояла на печи. По всей кухне валялись осколки глиняных горшков и тарелок,

сброшенных с их законного места на полках. Я озирался по сторонам, ища кого-нибудь, кто объяснил бы, что здесь произошло, но безрезультатно.

Последняя искра в печи потухла, так что согреться не удастся, а значит, и оставаться не имело смысла. Тем не менее любопытство и сострадание к чужой беде не позволяли мне уйти. Было ясно, что несчастье уже случилось. Но, может, я сумею чем-то помочь? С этой мыслью я прошел в жилую часть дома и открыл одну из дверей, как оказалось, ведущую в спальню. Стоя у порога, я постучал, никто не отозвался.

Облака не полностью заволакивали небо, и в комнату проникал кое-какой свет. Я видел стоявшую в углу кровать, но занавеска мешала мне определить, лежит на ней кто-нибудь или нет. Несколько минут я стоял, не зная, что делать дальше, как вдруг заметил под пологом движение и понял, что там кто-то есть. Тогда я снова постучал и на всякой случай вышел за дверь. Разбуженный стуком человек застонал спросонья, послышалось тяжелое дыхание, ворчание, потом раздался голос — самый грубый из всех, какие мне доводилось слышать, неприветливый и раздраженный:

— Кто там?

Я не рискнул ответить, и разъяренный мужчина разразился гневным монологом:

— Это ты, Пег? Черт бы тебя побрал! Поди прочь! Убирайся, не то, клянусь Богом, я перережу тебе горло! Так и знай!

Он продолжал бормотать и ругаться, но уже невнятно и бессвязно. Я понял по тону, что человек этот злостный пьяница, дикий и невоспитанный. Это совершенно не вязалось с представлением, которое сложилось у меня о хозяевах по внешнему виду дома. Мои надежды встретить здесь обходительность и гостеприимство мгновенно улетучились. Бесполезно взывать к человечности и здравому смыслу такого субъекта. Я гадал, как обратиться к нему. Или лучше вообще не связываться? Мое молчание подстегнуло его разгоряченное воображение.

— Эй! Ну, иди сюда, иди! Посмотрим, как тебе понравится палка! Уж я сдеру с тебя шкуру! Научу послушанию! Тарелки будешь у меня вылизывать, дьявольское отродье! Да!

Продолжая ругаться, он вылез из постели. Стукнувшись о спинку кровати, заохал, тем не менее встал на ноги и, качаясь, заковылял к двери. Но тут опять обо что-то споткнулся, застонал и рас-

тянулся на полу.

Вступать в разговоры или пререкания с человеком в таком состоянии было бы просто глупо. С болью в сердце я развернулся и вышел во двор. Брань, которой подгулявший муж или отец осыпал тех, кому выпало несчастье жить с ним под одной крышей, всколыхнула мои чувства, я живо представил, каково приходится этим людям, и слезы сострадания потекли у меня из глаз, что напомнило мне о моей собственной судьбе. Теперь ничего не оставалось, кроме как найти убежище в каком-нибудь из хозяйственных строений, где, зарывшись в солому, я, быть может, сумею хоть немного поспать.

Но, уже подходя к амбару, я вдруг услышал крик младенца. Он доносился оттуда, изнутри. Я осторожно приблизился и приложил ухо к двери. Ребенок продолжал кричать, потом раздался голос матери или няни, которая пыталась его успокоить. Ее увещевания сопровождались душераздирающими рыданиями и восклицаниями.

— Ах, мой малыш, — причитала она. — Ну, что же ты не уснешь никак, не дашь твоей бедной мамочке покоя? Ты замерз, я знаю, тепла моего тела недостаточно, чтобы тебя согреть. Что с нами будет? Твой заблудший отец не спохватится,

даже если мы умрем.

Слова несчастной женщины напомнили мне события, проливавшие свет на семейную сцену, случайным очевидцем которой я оказался. Как раз на этом берегу реки жил некогда фермер по имени Селби — немолодой, добродушный, работящий отец семейства. Сын его, проведя несколько лет в Европе, после смерти отца вернулся в отчий дом и привез с собой жену. О нем все говорили как о чрезвычайно безнравственном человеке, а супругу его, напротив, считали воспитанной, благородной, совершенно не похожей на мужа.

Мне стало очевидно, что я забрел на ферму Селби, и теперь воочию увидел, каким унижениям и мукам подвергает несчастную женщину ее благоверный. Однако не время было думать о чужих бедах. Да и что я мог? Селби, вероятно, возвратился с пирушки, и алкогольное опьянение пробудило все худшее в его душе. Он поднял жену с постели, выгнал из дому, и, дабы избежать новых оскорблений и побоев, она была вынуждена прятаться вместе с беспомощным младенцем в амбаре. Умерить ярость обезумевшего пропойцы, утешить горемычную страдалицу, помочь ей найти выход из ее безвыходной ситуации — все это было мне не по силам. Заговорив с ней, я

лишь напугаю бедняжку, сконфужу, но не смогу даровать облегчения. Под этим кровом для меня нет пристанища. Я решил просить приюта где-нибудь по соседству. Возможно, неподалеку есть еще дома. С того места, где я стоял, начиналась тропинка, которая вела за ворота, к лугу и дальше — я надеялся, что к другому жилищу, и решил немедленно это проверить.

При всем моем желании удалиться бесшумно мне не удалось. Петли ворот предательски заскрипели, чего не могла не услышать прятавшаяся в амбаре женщина, и ко всем ее бедам добавились новые переживания. Но тут уж ничего нельзя было поделать. Закрыв ворота, я поспешил прочь, прилагая максимум усилий, чтобы идти достаточно быстро. Впереди, у дальнего края луга, что-то темнело поперек тропинки. При ближайшем рассмотрении это оказалось распростертое на земле, изуродованное топором тело юной девушки. Окровавленная, лишенная волос голова не оставляла сомнений в том, кто повинен в столь жестоком деянии. Значит, и сюда, в тихое захолустье, добрались индейцы. Расправившись с девушкой, они, согласно их дикому обычаю, унесли с собой в качестве боевого трофея ее скальп.

Опасения, посетившие меня при виде битой посуды и устроенного на полу кухни костра, подтвердились. Однако этим, похоже, ущерб и ограничивался, поскольку пьяный хозяин явно ни о чем даже не подозревал, да и мать с ребенком тоже избежали нападения. Может, что-то спугнуло краснокожих варваров, и они не успели завершить свое черное дело? Думаю, их отряд побывал тут совсем недавно, не более нескольких часов назад. Но велика ли вероятность, что они ушли восвояси и уже не вернутся? Неужели судьба снова испытывает меня, оставив одного и без оружия перед угрозой встречи с вооруженными индейцами?

Осознав свое положение, я стал очень осторожен и внимательно смотрел по сторонам. Вдоль края луга тянулся забор. Мне показалось, что возле забора что-то лежит, загораживая тропу. Дурные предчувствия тут же дали пищу моему воображению, и я заподозрил, что это затаившийся враг поджидает случайного путника.

От страха я чуть не бросился бежать, но, немного поразмыслив, понял, что на таком близком расстоянии стану прекрасной мишенью. К тому же за время моего секундного замешательства никакого движения у ограды не произошло. По-

хоже, я ошибся в своих предположениях. Ведь это могло быть просто бревно или еще одна жертва кровожадных дикарей. Чувство самосохранения диктовало мне, что следует придерживаться тропы. Отклоняясь от нее или возвращаясь назад, я рисковал заблудиться.

Все эти доводы убедили меня подойти к забору, и тут я увидел, что на тропе действительно лежит лицом вниз человек. Он был мертв. По правую руку от него валялся мушкет. По одежде и татуировке я сразу определил, что передо мной индеец, и догадался, что здесь случилось. Нападавшие встретили сопротивление, в результате чего по крайней мере один из них остался на поле битвы.

Анализировать произошедшее мне не хотелось. Слишком уж много жестокого и ужасного встретилось на моем пути за короткое время. Я очерствел. А вот мушкет мог пригодиться для защиты. Я поднял его с земли и углубился в лес, который с одной из сторон примыкал к лугу. Через лес шла проторенная дорога, что обнадеживало. Похоже, опасности остались позади.

Глава XXIII

Дорога оказалась путаной и долгой — она словно кружила по лесу во всех направлениях. То там, то тут я замечал сложенные аккуратными кучками дрова, и это меня радовало: значит, поблизости есть поселение. Потом я увидел еще один забор, граничащий с дорогой, которой местные жители, похоже, пользовались довольно часто. По ней я вышел к реке, и передо мной открылся вид на противоположный берег.

Теперь я понял, где нахожусь. Неподалеку был брод, хорошо знакомый всем путникам. У брода дорога обрывалась. Течение в этом месте стремительное, бурное, но вода едва доходит до плеч. На противоположной стороне реки дорога возобновляла свой бег, и по ней можно было пешком или верхом (но не на телеге) добраться до жилья. Она вела в глубь Солсбери. Неужели я теперь же не перейду реку и не доберусь к рассвету до дядиного дома? Почему я медлю?

Тридцать часов, проведенные без сна и на ногах, в крайнем напряжении и постоянной тревоге, что усугублялось истощением и ранами, — это могло

подорвать силы и стойкость любого человека. Много раз я полагал, что выдохся окончательно, но дальнейшие события опровергали это. Хотя впереди еще мили и мили пути, хотя я опять вымокну и сырая одежда доставит мне новые муки, хотя ветер становится все пронзительнее и холоднее, только на собственном опыте я смогу узнать, хватит ли у меня сил преодолеть этот последний отрезок пути.

Я уже подошел к воде, как вдруг на дороге чуть поодаль мелькнула тень. Человек по имени Биссет, живший поблизости от брода, был мне немного знаком. С упорством и не без выгоды он хозяйничал на своих двухстах акрах, а сын его присматривал на реке за мукомольной мельницей. Биссет был довольно прижимист и груб, но безвреден. Наверное, это он, а может, кто-то из членов его семьи. Теперь, когда у меня вновь было оружие, я чувствовал себя гораздо увереннее, поэтому окликнул путника. Он мне ответил без какой-либо досады или гнева. По голосу я понял, что это не Биссет, но, кто бы он ни был, я рассчитывал получить от него нужные мне сведения.

Приблизившись и присмотревшись к нему, я понял, что это один из работников Биссета. Мой вид его ошеломил. Да что говорить! В таком

отрепье и родные не узнали бы меня сразу, а тем более человек, по существу, посторонний.

Полагаю, вам понятно, что едва я переставал думать о своей безопасности, как снедавшие меня мысли, беспокойные, полные тревожных предчувствий, возвращались к моим близким. В том, что несчастье случилось, я почти не сомневался, но хотел знать, насколько серьезное. Мне не терпелось все выяснить, и в то же время я боялся услышать горькую правду и не мог задать прямой вопрос. А потому изъяснялся намеками и дрожал в ожидании ответа.

Не появлялись ли в последнее время в округе индейцы? — спросил я его. Не было ли с их стороны враждебных действий? Может, они уже причинили кому-то зло? Напали на путника или спалили чей-нибудь дом? Если их видели, то где, на каком берегу реки они бесчинствовали? Выше брода или ниже? Как далеко отсюда?

Когда ему удалось переключить внимание с моего вида на суть вопросов, он рассказал, что тревожные сведения об индейцах поступали и уже посланы на перехват отряды из Солсбери и Четаско, что много людей погибло, а один дом обстрелян и подожжен. Это случилось позапрошлой ночью.

Подтвердились самые ужасные мои опасения. Но толика надежды еще теплилась, и я поинтересовался, кому принадлежал сгоревший дом.

Он ответил, что имени владельца дома не слышал, а сам не выяснял, поскольку никого из живущих на том берегу все равно не знает.

— Кто-нибудь из хозяев убит? — спросил я.

— Да. Все погибли. Только девушку они увели с собой. Говорят, ее потом у них отбили.

— Это не семья Хантли?

— Хантли?.. Может быть… Нет, не помню.

Я потупил взгляд и погрузился в мрачные размышления. Все потеряно! Все, ради кого я жил, погибли от рук безжалостных убийц! Милый дом, в котором в спортивных баталиях и учебе прошло мое детство, где познал я счастливые часы трудов и наслаждений, был уничтожен огнем и мечом, и теперь на его месте лишь ужасающие руины!

Но не только то, что наполняло жизнь любовью, украшало ее, отняли у меня краснокожие дикари. Я лишился элементарных средств к существованию. Вам известно, что дядя, всегда отличавшийся исключительной щедростью и состраданием, приютил меня и моих сестер. Мы были у него на иждивении. Однако в случае смерти дяди все имущество и деньги доставались его

сыну, человеку озлобленному и завистливому. Он питал к нам лютую ненависть, и прежде всего за то, что его отец о нас заботился. Земля, дававшая мне хлеб насущный, будет теперь принадлежать тому, кто, если бы не страх наказания, с радостью подмешал бы яд в мою пищу.

А все, что представляло ценность для меня, согревало сердце и душу, бесследно исчезло. Моя комната, мои тайники, мои шкафы, книги, памятные безделушки, одежда, подарки от тех, кого я любил, — все это уничтожено безвозвратно. Как пережить такое горе?

Но ведь работник Биссета сказал, что слышал о девушке, которой удалось спастись. В нашей семье, кроме моих сестер, других девушек не было. Значит, речь об одной из них. Ей предназначен удел худший, чем смерть: эти дикари, жестокие и ненасытные от природы, будут забавляться, глядя на ее страдания, изобретать все новые и новые пытки, и остаток жизни она проведет в дикой глухомани, в рабстве и непосильных трудах. Теперь смысл моего существования сводился для меня к единственной цели: вернуть ей свободу, стать поддержкой для нее, последней, кто уцелел из нашего несчастного рода.

Погоди! Он обмолвился, что, по слухам, пленни-

цу отбили у индейцев. О! Кто же ее ангел-избавитель? Под чьим кровом она обрела пристанище? Теперь она оплакивает кончину своего воспитателя и друга. Кончину сестры. И меня, родного брата, тоже считает мертвым. Что же я не спешу отыскать ее? Объединить наши слезы в общем потоке, порадовать ее тем, что я жив, искупить мое невольное дезертирство, всю жизнь посвятив ее воспитанию и образованию!

Мне теперь был абсолютно ясен дальнейший путь. Никакие преграды, опасности и трудности уже не пугали меня. Я прервал свои размышления и, не простившись с человеком, от которого получил нужные сведения, даже не поблагодарив его, помчался к реке, прыгнул в воду и спустя мгновение был уже на другом берегу.

Дорогу я знал достаточно хорошо. Оставалось пройти двенадцать — пятнадцать миль. Сомнений, что мне не хватит сил, не было. Но я решил идти не к дому дяди, а к Инглфилду. Инглфилд мой друг. Если сестра действительно жива и ее освободили из плена, то она должна быть там. И я смогу наконец узнать свою судьбу. По этой причине, добравшись до развилки, откуда одна дорога вела к дяде, другая — к Инглфилду, я выбрал вторую.

У поворота дороги мое внимание привлек дом, стоявший справа на некотором отдалении. Занятый своими мыслями, я прошел бы мимо, не заметив его, но в окнах верхнего этажа горел свет. Это означало, что там еще не легли спать.

Владелец дома был мне знаком. Он пользовался в округе уважением и доверием. Вероятно, он сможет рассказать о недавних событиях. Я должен получить интересующую меня информацию — по крайней мере, не буду мучиться от неопределенности. От двери меня отделяло несколько минут. Горевшая свеча подтверждала, что мое появление в такой час не нарушит покой хозяев.

Возле ворот начиналась дубовая аллея, которая вела к дому. Я не думал о том, какое впечатление произведет мой внешний вид. Меня всегда видели гладко причесанным, аккуратно одетым, считалось, что я спокоен и мягок в обращении. Увы, ничего этого не осталось. Голые ноги, шея, грудь были мертвенно-бледного цвета, покрыты синяками и рубцами. А еще чудовищный шрам на щеке, всклокоченные волосы, ввалившиеся глаза, горящие лихорадочным огнем от истощения, холода и всего пережитого. Вдобавок мушкет, который я нес в руке. Да они примут меня за сумасшедшего или бандита!

Недоразумения, конечно, не избежать. И все-таки я верил, что сумею развеять их сомнения, голос и слова обнаружат мою истинную сущность и помогут исправить первое впечатление.

Парадная дверь была открыта, и я вошел. Посреди комнаты находилась жарко протопленная немецкая печь. Я бросился отогревать свои замерзшие члены и в то же время огляделся.

Две свечи горели на столе, возле них стояли бутыли с сидром и валялись курительные трубки. Судя по обстановке, тут недавно сидели мужчины. Они курили и пили, но нигде не было ни намека на какие-либо голоса, движение, тени. Я прислушался: ни сверху, ни снизу до меня не доносилось ни малейшего шороха.

Но ведь совсем недавно кто-то здесь пил, шумел, беседовал. Я ничего не мог понять — контраст был разительным. Ни одно рациональное объяснение не приходило мне в голову. Минут десять — двадцать я грелся у печки и раздумывал над странной загадкой. Затем решил осмотреть дом. Я не знал, кого могу встретить, поэтому из предосторожности не выпускал из рук ружья. Взяв со стола свечу, я осмотрел комнаты первого этажа и кухню. Людей нигде не было, но стулья и столы стояли на своих местах, и ничто не говорило ни о

каком нападении или разбое.

Прежде чем подняться наверх, я несколько раз постучал и не получил никакого ответа. Но в одной из комнат горел свет. Зная планировку подобных домов, я сообразил, что освещено не хозяйское жилье, а помещение для гостей. Там, несомненно, кто-то есть, и этот «кто-то» все мне расскажет. Я слишком мучился сомнениями, чтобы медлить и откладывать. Поэтому стал торопливо подниматься наверх.

Постучав поочередно во все двери, увы, безрезультатно, я попытался открыть хоть одну, но они были заперты, а когда подошел к комнате, где горел свет, на мой стук тоже никто не откликнулся.

Нехорошо входить без приглашения, но только так я мог узнать, есть ли кто дома, и потому, преодолевая смущение, вошел. Здесь тоже никого не оказалось, однако все свидетельствовало о недавнем присутствии людей. На обеденном столе стоял походный секретер с перьями и чернильницей. Перед ним стул, справа свеча. Столь изысканный секретер — большая роскошь в наших краях. Видимо, эту комнату занял какой-то приезжий, а остальная часть дома пустовала. И, судя по всему, это был не рядовой путеше-

ственник и не обычный, часто наведывающийся гость.

Вероятно, он где-то поблизости. Мне стало не по себе оттого, что я вторгся, да еще в таком виде, в его святая святых — туда, где он работает и отдыхает. Не лучше ли продолжить путь или, по крайней мере, подождать внизу, в общей гостиной? Так даже разумнее, потому что неизвестно, когда он вернется, да и вряд ли этот незнакомец сможет сообщить мне нужные сведения.

Рядом с письменными принадлежностями на столе были какие-то документы, и я не устоял перед преступным любопытством заглянуть в них. Сверху лежали чистые листы. Но возле секретера, напротив свечи, я заметил нечто, приковавшее мое внимание. Поддавшись мгновенному импульсу, я рванулся к столу, схватил бумаги… Когда-то я уже держал их в руках, не раз в прошлом впивался глазами в знакомый почерк. Нет, нет, чувства не обманывали меня!

Думаю, такое состояние смешанного восторга и страха испытывали в жизни немногие. Никакое чудо поэзии, никакое сказочное волшебство не сравнится с этим! То, что предстало передо мной, было невероятно, как преображение в иной облик, преодоление рубежей пространства

и времени, нарушение всех законов обыденной разумной жизни.

Недавно меня повергла в непомерное горе и недоумение утрата писем вашего брата. Их исчезновение казалось мне необъяснимым. И вот они найдены — в таком неожиданном месте, где я никак не рассчитывал их найти. Несомненно, это те самые письма. Конверты, сургуч, бечева, которой они были перевязаны, — все выглядело целым.

Какие магические силы перенесли их из моего кабинета в этот дом, где я так редко бывал, куда вообще не заглядывал в течение последнего года, поскольку близких отношений со здешними обитателями не поддерживал, и они не имели представления о моих занятиях и развлечениях, радостях и печалях? Гадать об этом было совершенно бесполезно. Да и не хозяева дома завладели письмами. Мое пропавшее сокровище оказалось у незнакомца, который похитил письма или стал их обладателем вследствие непостижимых обстоятельств.

И этот человек где-то рядом. Он покинул дом совсем ненадолго. Скоро он вернется, и если я уйду, то, возможно, никогда его не увижу. Нет, нужно побеседовать с ним. Письма целы, они опять у меня, и больше я с ними не расстанусь. Но

мне мучительно хотелось узнать, чьим происка
м я обязан тем, что долгое время был лишен их.
Я сел за стол с твердым намерением дождаться
незнакомца, ибо меня не покидало ощущение,
что от разговора с ним зависит моя судьба.

Я усматривал некую взаимосвязь между исто-
рией с письмами и трагедией, постигшей тех, кто
был мне так дорог. За пропажей писем последо-
вала череда ужасных несчастий, но, если бы их
не похитили, они бы не уцелели, разделив участь
дома, мебели и прочей утвари. Дикари привык-
ли доводить свои черные дела до конца и дома,
на которые нападают, как правило, стараются
стереть с лица земли. Не только из мести или же-
стокости, но и из предосторожности. Когда следы
ограбления и убийства уничтожены огнем, никто
не докажет, что пожар устроен умышленно, ведь
он мог произойти и случайно.

Тут ход моих мыслей был нарушен скрипом
двери внизу и звуком шагов по лестнице. Я услы-
шал биение собственного сердца и нетерпеливо
вскочил со стула. Потом в нетерпении приблизился к двери и стоял, не сводя с нее взгляда. Мне хотелось бы удовлетворить свое любопытство еще до того, как незнакомец войдет, по его тени, но положение свечи исключало такую возмож-

ность. Что ж, узнаю, кто он, посмотрев ему в лицо. Дверь открылась — и передо мной оказался человек, заменивший мне отца, воспитавший меня, друг и наставник моей юности, с которым мы долгие годы были разлучены жизненными обстоятельствами и которого я уже не чаял вновь увидеть. Да, это был Сарсфилд!

Глава XXIV

Столь непредвиденное, но желанное появление Сарсфилда повергло меня в состояние, близкое к безумию. В первый момент я замер от неожиданности, а потом поддался порыву чувств. Я обнимал его, плакал у него на груди и давал волю громким рыданиям, ибо был переполнен эмоциями, разрывавшими мне сердце. Вот так, избежав смерти, которая преследовала меня во всех формах и обличьях, я остался жив, чтобы насладиться счастьем долгожданной встречи и… чуть не умереть от радости!

Сарсфилд был серьезнее и строже в проявлении чувств, чем я. Благодаря природному скептицизму он всегда умел держать себя в руках. Сначала он меня не узнал — отпрянул, словно столкнулся с привидением или заподозрил во мне самозванца. Вырвавшись из моих объятий, он попятился и посмотрел на меня так, как будто никогда прежде не видел.

Я приписал это потере его привязанности, потому что на мгновение забыл о своем ужасном внешнем виде, который мог ввести в заблужде-

ние кого угодно, так что меня легко было принять за бандита или сумасшедшего.

Вновь разразившись слезами, я робко, еле слышно спросил его:

— Учитель. Друг. Вы совсем не помните меня? И уже больше не любите?

Услышав мой голос, он воскликнул:

— Неужели это происходит наяву?! Я не сплю? Говорите, говорите еще, помогите мне поверить, что это не сон и я не сошел с ума.

— Какие вам еще нужны доказательства, — ответил я, — если перед вами Эдгар Хантли, ваш ученик, ваш сын?

Сарсфилд отвернулся от меня и потупил взгляд. После паузы он вновь подал голос, тщательно подбирая слова:

— Я был рожден в век нигилизма. Да и по натуре своей не склонен верить в чудеса. Но теперь… Если бы от меня потребовали подтвердить в суде под присягой, что вы дважды умерли и дважды воскресли, что вы незримо перемещаетесь в пространстве и совершаете силой мысли то, что другие делают посредством мускулов, я бы подтвердил это. Как вы сюда попали? Проникли сквозь стены? Или через пол?.. Да нет же, это ошибка! Двадцать человек, и я среди них, виде-

ли ваше безжизненное тело, распростертое на земле, ваш окровавленный труп. Мы вернулись похоронить вас, однако вы исчезли. А потом словно возникли из небытия. С огромной высоты вы прыгнули в стремительный поток и неминуемо должны были погибнуть, но, бросив вызов пределу человеческих возможностей, проявили невероятную выносливость и силу. Вы умудрились всплыть на поверхность и стали быстро удаляться, направляясь к противоположному берегу. Несколько превосходных стрелков целились вам в голову… Тридцать пуль! Я тоже стрелял в вас, а я никогда не промахивался. Все убедились воочию, что вы прекратили бороться и утонули. А теперь после вашей неоднократной гибели вы возникаете, будто из-под земли, да еще и так далеко от места трагедии… Человек не в силах за столь короткое время одолеть такое расстояние, если только у него нет крыльев. Но мои глаза и уши подтверждают, что вы живы, хотя уже дважды свидетельствовали вашу смерть. Что мне думать? Чему верить?

Он замолчал. Его слова повергли меня в смятение, зато теперь многое прояснилось. Мы оба стали жертвами взаимных ошибок. У хижины Деб я потерял сознание. Сарсфилд нашел меня и

решил, что я умер.

Тот, с кем я столкнулся на мысу, не был индейцем, как мне показалось в силу моей обостренной подозрительности. Я принял за индейца кого-то из поискового отряда и своим враждебным поведением ввел преследователей в заблуждение. Не враги, а друзья стреляли в меня с берега. Чудо, что ни одна из пуль не достигла цели. Чтобы спастись, я долго плыл под водой — неудивительно, что стрелявшие, решив, будто я утонул, потеряли ко мне интерес и продолжили свой путь. Но как Сарсфилд узнал, что это я прыгнул в реку со скалы? Вряд ли последующие события могли навести его на эту догадку.

Несколько минут мы оба молчали. Затем Сарсфилд вновь выразил изумление по поводу нашей встречи и попросил меня объяснить, почему я ночью ушел из дядиного дома и как оказался здесь. Действительно ли я тот самый Хантли, которого он оплакивал на пороге хижины Деб? Тот самый Хантли, в поисках которого он облазил все горы и пещеры в окрестностях Норуолка и Четаско? Тот самый Хантли, который погиб в водах реки Делавэр?

Я не очень прислушивался к его словам и не отвечал на вопросы, погруженный в тревожные

раздумья о судьбе дяди и сестер. Сарсфилду были известны новости, хорошие или плохие, но в любом случае жизненно важные для меня. Однако мне не хватало духа спросить. Я боялся, что, если заговорю об этом, от моей и так еле тлеющей надежды не останется даже горстки пепла, а потому сумел произнести лишь имя Дяди.

Печальное выражение лица Сарсфилда подтвердило самые худшие опасения.

— Ваш дядя мертв, — с горечью в голосе сообщил он.

— Мертв?! Немилосердные Небеса! И мои сестры тоже?.. Обе?

— С ними все в порядке.

— Нет! — воскликнул я. — Не щадите меня. Ваша жалость жестока. Скажите правду.

— Я и сказал правду. Они сейчас у мистера Инглфилда.

Мне отчаянно хотелось верить ему. Мои сестры в безопасности! Но как им удалось избежать злой участи, постигшей дядю? Как они спаслись от индейских топоров и полночного пожара? Сбивчиво и не очень внятно я, пожалуй, излишне эмоционально озвучил свои сомнения Сарсфилду.

Мой друг не сразу меня понял, потом, глянув с удивлением и беспокойством, наконец сообра-

зил, в чем дело.

— Вы безумны, Хантли, — проговорил он. — Откуда такие ужасные предположения? Беспорядки действительно имели место в Четаско и в Норуолке, в Солсбери сгорела бревенчатая хижина, неизвестно — из-за налета или по небрежности хозяев, и не более того. А в вашем доме… какой пожар, какие томагавки? Там все в порядке, все цело. Да, мистер Хантли мертв, но старик пал жертвой своей отваги и своего безрассудства. Уже тридцать лет, как он уволился из армии после трех ранений, полученных в битвах, которые вели войска под командованием Брэддока, однако воинственный дух, жажда приключений жили в нем до последнего дня. По тревоге он поднял на ноги всех соседей, и они отправились на поиски индейцев. Увы! Он первый вступил с ними в схватку и единственный, кто погиб от их рук.

Теперь я уже не сомневался, что Сарсфилд говорит правду. То, что дядя погиб такой достойной смертью, при условии, что девочки живы и здоровы, скорее воодушевило меня и обрадовало, нежели опечалило или повергло в скорбь.

Как же я заблуждался! И немудрено. Разве не мое ружье было у дикарей? Откуда же они его взяли, если не из нашего дома? Оно висело у меня

в комнате на стене чулана, и чужак мог завладеть им, только похитив его. Недоумений и сомнений оставалось еще много, но главное, что сестры живы и дом уцелел. По настоянию Сарсфилда я объяснил ему причину моего загадочного бегства из дому и поведал о последующих событиях, которые, в результате, привели к этой нашей встрече.

Я начал с того, как очнулся на дне каменной темницы и пытался выбраться оттуда, затем рассказал, до чего меня едва не довели муки голода, как потом я нашел выход из пещеры, как мне удалось бежать и спасти плененную девушку, как я принял неравный бой возле хижины Деб, и о том, что было дальше: о долгих странствиях, гостеприимстве молодой фермерши, о поисках пути, ведущего к дороге, о рискованном прыжке с высокой скалы в реку, на который я решился, опасаясь за свою жизнь, — обо всех злоключениях и страхах, пережитых мною, прежде чем я ступил на порог этого дома.

— Итак, — в завершение добавил я, — по вашей просьбе я сообщил вам все, что знаю и помню. Но как случилось, что я заснул в дядином доме, а проснулся в чреве горы, каким образом это произошло, посредством человеческих козней

или сверхъестественных сил, я понятия не имею и не могу сие объяснить. У меня нет даже предположений на этот счет. Однако, если мой разум бессилен, возможно, ваши наблюдения помогут мне дорисовать картину. Разве были предпосылки того, что мы встретимся здесь? Для вас это полная неожиданность, но ведь и для меня тоже. Я полагал, что обнаружу в доме незнакомого путешественника, и уж точно не ожидал увидеть вас, Сарсфилд. Вам отчасти было известно о моих странствиях. Вы видели, как я прыгнул в реку. Стреляли в меня, когда я плыл, и, до того как услышали мой рассказ, заблуждались, принимая Эдгара Хантли за врага. Но что привело вас сюда, в дикую пустынную местность, как вам стало известно, где меня искать? Все это не менее интересно, чем то, о чем поведал вам я.

Пока я говорил, Сарсфилд слушал с напряженным вниманием и неотрывно следил за переменами в выражении моего лица. Пережитый ужас все еще не отпускал меня, вновь и вновь напоминая о себе. Неудивительно, что речь моя была яркой и страстной, словно события, которые я живописал не только с помощью языка, но и каждым мускулом тела, происходили прямо сейчас.

Когда я закончил, Сарсфилд погрузился в раздумья и продолжил беседу лишь спустя какое-то время.

— Все, что вы рассказали, Хантли, безусловно, было на самом деле, — отметил он. — Но если бы вы не сидели тут передо мной, если бы я не знал вас как прямого, откровенного человека, если бы не мой собственный опыт последних трех дней, подтверждающий правдивость ваших слов, я бы не поверил вам. Вы всецело удовлетворили мое любопытство и заслуживаете, чтобы и я удовлетворил ваше. Ну, так слушайте.

С тех пор как мы расстались, столько всего произошло! Многое уже и не вспомнить. Я обещал сообщить, как сложатся у меня дела, не раз писал вам, но ответа не получал, а потому не знаю, дошли мои письма до вас или нет. Недавно я вместе с женой прибыл в Америку. Беспокойство о вашей судьбе не покидало меня никогда. Понимая, что вы живете не так, как вам хотелось бы, я чувствовал, что в моих силах освободить вас из-под гнета вынужденных трудов и невежества нищенского существования, блага которого преходящи и сомнительны, дабы, обретя досуг, вы могли интеллектуально развиваться и совершенствоваться. Поскольку писем от вас не

было, я стал сомневаться в вашем благополучии и даже в том, живы ли вы. Чтобы развеять эти сомнения, я решил отправиться в Солсбери и что-нибудь разузнать, но досадные задержки в дороге не позволили мне закончить путешествие засветло. Ночь застала меня на тропе, ведущей в Норуолк. Благодаря нашим с вами прогулкам я превосходно знаю эту местность, так что не боялся заблудиться.

С южной стороны ко мне быстрым шагом приближался путник. Я мог бы уклониться от встречи с ним, однако ночная пора, его явное беспокойство в связи с предстоящими трудностями и препятствиями, о которых он, возможно, имел представление лишь понаслышке, — все это заставило меня остановиться и подождать его. Он прошел мимо. Облик путника показался мне знакомым. Фигурой, осанкой, жестами он очень напоминал вас, Эдгар. Сходство казалось невероятным, и я окликнул его вашим именем. Он не обернулся и не отозвался, и это насторожило меня: даже если я назвал его чужим именем, все равно он должен был хотя бы вздрогнуть или замедлить шаг, а он никак не отреагировал на мой зов. Больше я не стал его звать и продолжил путь к имению вашего дяди. Сознавая, что в та-

кое неурочное время потревожу сон обитателей дома, я тем не менее не постеснялся сделать это, но мистер Хантли, хоть я и разбудил его, встретил меня очень радушно. Однако я сразу подумал, что вы должны были встать раньше дяди. Почему же он первый вышел ко мне? Я спросил о вас, и он меня успокоил, сообщив, что вы живы, здоровы и спите. Я удивился, почему вы не поднялись на мой стук. И ваш дядя ответил, что вы страшно утомлены, поскольку несколько ночей подряд скитались в горах в поисках какого-то помешанного или лунатика, который, предположительно, скрывается в Норуолке.

Я настоял, что сам разбужу вас, ибо надеялся испытать гордость и удовольствие в момент вашего внезапного пробуждения, когда вы, открыв глаза, вдруг увидите у своей постели вашего старого наставника. Мысленно я уже предвкушал, какой это может произвести эффект. Дверь в спальню была открыта, но вас там не оказалось, о чем я поспешил сообщить мистеру Хантли и вашим сестрам. Они удивились, потом стали строить различные предположения, говоря, что это ваш беспокойный дух не дает вам покоя, что вы где-то бродите, увлеченные очередной фантазией, и к рассвету должны вернуться. Я охотно с этим

согласился, но был слишком взволнован и, не в состоянии уснуть, расположился у вас в комнате, дожидаясь вашего возвращения.

Однако утро уже давно наступило, а вы так и не появились. Мистер Хантли начал всерьез беспокоиться. Обсуждая возможные причины вашего отсутствия, мы осмотрели спальню и одежду, брошенную у кровати, вероятно, когда вы раздевались. Пальто, шляпа, теплые носки и ботинки находились там, где вы их оставили, но панталоны, которые, по словам вашего дяди, также были на вас накануне, мы не нашли. Нам казалось невероятным, что в такую холодную ночь вы ушли из дому налегке, разве что в порыве безумия или в беспамятстве. Я вспомнил, как встретился в Норуолке с вашим двойником. Он тоже был без верхней одежды и босиком. Весьма знаменательное совпадение. Но почему вы не откликнулись на свое имя? Когда незнакомый голос зовет тебя, поневоле замедляешь шаг и настораживаешься.

С каждым часом наше беспокойство возрастало. Я внимательно прислушивался к тому, что говорили ваши близкие, надеясь таким образом найти ключ к разгадке этой тайны. Наконец кто-то вспомнил, что прошлой ночью слышал,

как в большую залу залез грабитель, а также что пропали какие-то важные для вас бумаги. И вот среди догадок и предположений промелькнула одна деталь, которая мгновенно развеяла мои сомнения и все поставила на свои места. «Вообще-то, — сказал ваш дядя, — десять к одному, что это сам Эдгар ходил в большой зале, хотя он и уверял, что спал у себя в комнате».

«Ну конечно!» — догадался я. Вывод напрашивался только один: если никто не знал ни о местонахождении бумаг, ни даже о существовании таковых, значит, взять их не мог никто, кроме вас. Лишь сумасшедший или сомнамбула, блуждающий во сне, способен холодной ночью отправиться неизвестно куда фактически раздетым, а на мой зов не то что не откликнуться, но вообще никак не отреагировать. Это предположение показалось всем убедительным, однако оно же породило и крайнюю тревогу. Ведь вы пошли в Норуолк, а там местность дикая, на каждом шагу скалы, пропасти, и человеку, не управляющему своими чувствами, ничего не стоит разбиться или как минимум безнадежно заплутать. Я живо представил себе, что может с вами произойти. Каково вам будет прийти в себя на дне глубокой расселины или в непроходимой глухомани, куда

вы забрели, не отдавая себе в этом отчета? Страх — плохой помощник в принятии верных решений; стоит вам запаниковать — и вы погибли.

С каждым часом вашего отсутствия мое беспокойство усиливалось. Надо было отправляться на поиски. С этой целью мы с мистером Хантли решили собрать небольшой отряд из добровольцев. Предстояло прочесать все доступные уголки Норуолка, дикую местность за равнинами Солсбери и долину Четаско.

Едва мы снарядились в поход, как посыльный принес ужасное известие о том, что поблизости индейцы совершили вооруженный набег, застрелив прошлой ночью фермера в поле, а в Четаско сожгли дотла дом, убив или взяв в плен хозяев. По его словам, индейцы передвигались несколькими группами и всего их было человек тридцать — сорок. Он прибыл предупредить нас об опасности, а также призвать присоединиться к преследованию и уничтожению жестоких дикарей.

Ваш дядя, чей боевой задор с годами не угас, с воодушевлением откликнулся на этот призыв. К сожалению, я ничего не сделал, чтобы его удержать. Навстречу индейцам предполагалось идти той же дорогой, которую мы избрали, собираясь

искать вас, моего пропавшего ученика. Таким образом, можно было совместить две одинаково важные цели.

Инглфилд снабдил меня ружьем, мистер Хантли вооружился вашим мушкетом. Дом на то время, что мы будем отсутствовать, заперли, а ваших сестер отправили к Инглфилду, который вызвался их защищать: возраст и миролюбивый нрав, противящийся кровопролитию и жестокости, не позволили ему отправиться с нами. Мы собрали отряд из окрестных фермеров, половина людей осталась в Солсбери, а другая, в которой были мистер Хантли и я, поспешила в Четаско.

Глава XXV

— Солнце уже стояло в зените, когда мы достигли театра боевых действий. Страх и жажда мести объединили жителей Четаско, добавив им сил и упорства в борьбе с врагом, посягнувшим на их жизнь, на безопасность их близких. Разорение, учиненное индейцами, ужасало и взывало к возмездию. Дабы предотвратить повторение подобных бедствий, было решено беспощадно преследовать дикарей до полного уничтожения.

При свете дня индейцы, видимо, оставили долину и укрылись в зарослях между двумя параллельными горными грядами. На фоне освещенных солнцем вершин и долины эта плохо просматриваемая местность, лежавшая в тени, выглядела темной заплатой. Несомненно, именно отсюда враги проникли к нам и тем же путем собирались уйти по направлению к штату Огайо. А пока пережидали в укрытии, чтобы с наступлением темноты покинуть свое убежище и совершить новые злодеяния.

Мы разделились на группы, ведя поиски сразу в нескольких направлениях. Не буду вдаваться в

подробности. Скажу лишь, что зоркость и неутомимость помогли нам в конце концов выйти к расположению самой многочисленной группы этих варваров. Незаметно подкравшись к ним, когда они, не подозревая об опасности, сидели у ручья, мы уложили на месте семерых индейцев, но пятеро сбежали, а один из них, прикрывая отступление, застрелил вашего дядю, вырвав у него из рук оружие. Нам не удалось спасти мистера Хантли и отомстить за его смерть — прежде, чем мы подоспели, убийца уже скрылся вместе с другими уцелевшими дикарями, прихватив с собой в качестве боевого трофея ваш мушкет.

Гибель мистера Хантли вызвала у всех глубокое сожаление, и не только потому, что он пожертвовал своей жизнью ради общего блага. Для нас это была невосполнимая потеря, ибо мы остались без опытного проводника и бесстрашного лидера. Он знал обычаи индейцев, их боевые приемы и, как никто другой, умел выслеживать этих хитрых бестий.

Преследование продолжалось, наши отряды перекрыли индейцам пути отхода, чтобы не дать им уйти. Однако более двенадцати часов неутомимых поисков были тщетными. Мы подозревали, что Королева Мэб может помогать

своим собратьям, но в ее хижине не оказалось ни самой старухи, ни ее псов.

Между тем мы ни на минуту не забывали и о вас. Напасть на ваш след все жаждали не меньше, чем выследить дикарей. Увы, результат этих поисков был столь же плачевным: никто вас не видел и не располагал никакой информацией о том, где вы можете находиться.

Около полуночи группа из трех человек, в которую входил и я, расположилась у ручья, чтобы восстановить силы и поспать хотя бы несколько часов, но не успели мы улечься, как нас потревожил выстрел, прозвучавший, казалось, где-то неподалеку. Мы сразу вскочили на ноги и стали совещаться о том, что следует предпринять. За первым выстрелом последовал второй, третий, четвертый. Перестрелка доносилась с близкого расстояния. Звук выстрелов шел со стороны хижины Мэб, и мы поспешили немедленно туда отправиться.

Сохраняя предельную осмотрительность, мы довольно быстро вышли на дорогу, которая вела к владениям Мэб, и вскоре увидели ее хижину. Рядом толпились какие-то возбужденные люди. Признав в них своих друзей, мы уже без опасений направились прямо к ним.

А приблизившись, увидели пять распростертых на земле неподвижных тел: три трупа индейцев, еще живую, но, похоже, смертельно раненную девушку и бездыханного покалеченного белого мужчину, в котором, несмотря на то что лицо было испачкано кровью, я узнал вас, Эдгар, человека, которого искал с таким рвением.

Предыдущей ночью, примерно в то же время, я повстречал вас на дороге в Норуолк, а теперь вы были среди дикарей, в тридцати милях от родного дома, в труднодоступном месте, куда добираться очень долго, окольным путем, огибая заросли и скалистые горы. То, что вы нашли пещеру у основания утеса и сумели проникнуть в его чрево, избавив себя от длительного путешествия, мы даже предположить не могли.

Что же здесь произошло? Очевидно, наши сторонники взыскали с индейцев плату за преступления; но каким образом вы оказались среди них и откуда взялась раненая девушка? На эти вопросы у нас не было ответов.

Представьте, как возросло мое удивление, когда мне стало известно, что люди, которых мы обнаружили у хижины Мэб, пришли сюда, встревоженные, как и мы, звуком перестрелки. Вас они застали еще живым, вы сидели на земле,

сжимая в руках мушкет — очевидно, именно из этого оружия вам удалось уничтожить столько противников. Однако уже через мгновение вы потеряли сознание и повалились на землю.

Новая информация по-прежнему не давала ответов на все вопросы. Мушкет, найденный подле вас, явно принадлежал кому-то из дикарей. Каждый из них был убит одним выстрелом. Мы, находясь неподалеку, слышали четыре. Три, несомненно, поразили индейцев, а четвертый — вас, но мушкетов было всего три.

Оружие подобрали. Волею судеб среди нас оказался отец девушки, который отнес свою дочь в ближайший дом. Состояние ее сочли небезнадежным. Горе и удивление, нахлынувшие на меня в связи с вашей безвременной, загадочной гибелью, не помешали мне проявить сочувствие к несчастной девушке, ставшей невольной жертвой разыгравшейся здесь трагедии. Я всей душой надеялся, что ее удастся спасти. Кроме того, я рассудил, что история девушки может пролить свет на тайну произошедшего с вами. Пришлось прибегнуть к бесчисленным вопросам и намекам, чтобы добиться от нее связного последовательного рассказа. Много миль индейцы волокли пленницу за собой, пока не останови-

лись на отдых, укрывшись в пещере. Все легли спать, кроме одного дозорного, который должен был охранять их сон и стеречь девушку. Чем-то встревоженный, он отлучился, и в этот момент в пещере появились вы, полуголый и без оружия. Впрочем, безоружным вы были недолго, поскольку завладели томагавком и мушкетом, беспечно оставленными дозорным. А затем, перешагивая через тела спящих, вы быстро покинули пещеру.

Далее девушка рассказала о вашем неожиданном возвращении, на что она уже не надеялась. Вы освободили ее от пут и помогли ей бежать. В конце концов вам удалось добраться до хижины Деб. Вы занялись очагом, а она без сил упала на кровать и сразу провалилась в сон, из которого ее вернули в реальность сильные жестокие удары. Окинув хижину взглядом, она поняла, что вас нет, и с ужасом увидела стоявших вокруг индейцев — тех самых, от кого ей благодаря вам удалось бежать. Один выволок ее из хижины и приставил к груди ружье. Он собирался уже нажать на спусковой крючок, как вдруг неизвестно откуда прогремел выстрел, и дикарь замертво упал к ее ногам. Последующие события она помнила смутно — лишь то, что вы сумели уничтожить по очереди всех индейцев, после чего бросились к

ней, стали расспрашивать, успокаивать.

В хижину вы пришли с оружием. Это кое-что объясняло, но куда оно делось? Мы обнаружили только три мушкета, и, несомненно, они принадлежали вашим врагам.

На досуге я с грустью размышлял о предначертанной вам судьбе. Неужели я вернулся сюда лишь затем, чтобы стать свидетелем гибели двух столь дорогих для меня людей? Злой рок оборвал жизни обоих чуть ли не в один и тот же час. А может даже, дядя и племянник пали от одной руки.

И все же я вновь начал лелеять надежду на то, что вы живы. Ведь когда стрельба прекратилась и ваши враги уже были мертвы, вы продолжали двигаться, разговаривать… Да, вас тяжело ранили в бою. Но вдруг я поспешил, решив, что рана привела к фатальному исходу? Стенания девушки, горе и недоумение, переполнявшие меня, могли помешать мне правильно оценить ваше состояние, и я пришел к ошибочному выводу, которого в другой ситуации не сделал бы. Мои познания в медицине достаточны, чтобы понять, что вялые мускулы, мертвенная бледность и отсутствие пульса свидетельствуют не только о смерти, но и о потере сознания.

Еще не поздно исправить ошибку, думал я.

Нужно поскорее вернуться к хижине и осмотреть вас. В худшем случае я хотя бы заберу ваши останки, чтобы достойно предать земле.

Из двенадцати обнаруженных накануне дикарей десять уже были убиты. За двумя сбежавшими по-прежнему шла ожесточенная охота. Я не принимал в ней участия, поскольку остался выхаживать раненую девушку, и у меня появилась возможность отправиться к жилищу Деб. С восходом солнца я в сопровождении двух друзей тронулся в путь.

Когда дорога резко свернула в долину, мы были поражены открывшейся перед нами картиной. На земле лежал мертвый индеец, поверженный дважды — штыком и пулей, а рядом, вертикально воткнутый в грунт, своеобразным маяком торчал его мушкет, словно кто-то хотел привлечь внимание к этому месту. Несколько часов назад я проходил здесь, и трупа еще не было. Наши соратники вели поиски далеко отсюда. Казалось, некая сверхъестественная сила помогает нам, устраняя необходимость в применении оружия.

Мы подошли к хижине. Тела индейцев были распростерты в тех же позах, а тот, кто убил этих дикарей и сам геройски пал на поле брани, будто воскрес и вознесся. Ничего невероятного даже

в таком предположении мы уже не видели. Вы, Эдгар, застрелили трех своих противников, но оружие, с помощью которого была одержана эта победа, пропало. Восстав из мертвых, вы уничтожили еще одного врага — пулей и штыком, полученными не иначе как от сверхъестественных сил, — после чего бесследно исчезли. Ведь если бы индейца убил кто-то из жителей Четаско, нам об этом уже было бы известно.

Что теперь делать? Очевидно, вы живы. Вам хватило сил, чтобы уйти. Но почему вас никто не видел?

И каким опасностям вы могли подвергнуться, выбираясь из этой дикой местности?

Я возобновил поиски. Мы долго следовали за вами по пятам, однако до наступления ночи так и не достигли желаемого результата. Дважды мы заходили в дом, где вы передохнули и подкрепились. Во второй раз я был удивлен и обрадован сведениями, полученными от хозяйки. Она точно описала вас, сказала, что вы имели при себе ружье и собирались перейти через южные горы, чтобы кратчайшей дорогой выйти к Солсбери.

Теперь большая часть моих опасений была развеяна. Я узнал, что вы вполне дееспособны, не потеряли аппетита и в силах преодолевать

большие расстояния, а потому почти не сомневался, что уже следующим утром мы непременно встретимся. Пока же я решил присоединиться к тем, кто преследовал уцелевших врагов. По тропе, которой, исходя из полученной информации, шли и вы, я вскоре нагнал многочисленный отряд, продолжавший искать тех варваров, что прошлой ночью напали на соседнюю плантацию и убили всех ее обитателей.

Нет нужды подробно останавливаться на дальнейших наших похождениях и блужданиях. Так или иначе, следы неприятеля привели нас к дому Селби. Индейцы вломились туда, разожгли на полу костер, но потом, вероятно, были вынуждены спешно ретироваться, даже не прихватив с собой добычу. О количестве врагов мы могли только гадать. Один из них, отставший от остальных, не успел скрыться и был убит на подходе к лесу, где вы, по вашим словам, и наткнулись на него.

В доме Селби мы никого не застали, огонь нам удалось потушить прежде, чем он причинил какой-либо серьезный вред, а пьяница, которого видели вы, наверно, вернулся с ночной гулянки уже после нашего ухода.

С удвоенным рвением ринулись мы преследовать врага. Судя по всему, индейцы перебрались

на другой берег реки и поднимались в гору. Мы гнались за ними по пятам. Пережитое за минувшие сутки не могло не сказаться на мне, и, когда мы достигли мыса, о котором вы говорили, я почувствовал, что дальше идти не в силах. Долгие поиски доконали меня. Я жаждал найти вас, но понимал, что, если не сделаю передышку, то не смогу добраться до владений Инглфилда, как хотел, к утру. Два моих спутника присоединились ко мне, и мы направились сюда, к этому дому, покинутому его жителями на время, пока не минует опасность. Здесь у нас был перевалочный пункт и место встреч.

Удрученный и обессиленный, я подошел к кромке горы, отделенной расселиной от основного массива, и вдруг заметил кого-то там, где как раз в это время лежали вы. Животное не забрело бы туда и не улеглось бы в таком месте. Значит, это человек, а если человек, то, несомненно, дикарь и враг. Поэтому я приготовился открыть огонь.

Возможно, я поторопился с выводами. Нужно было убедиться в своих предположениях, прежде чем стрелять в кого-то. Малейшая задержка с вашей стороны, и все могло бы закончиться фатально. Но вы опередили меня и, вскочив на ноги,

выстрелили. Смотрите, какую дырку оставила ваша пуля в моем рукаве! Поистине, то был день чудесных спасений!

Все, казалось бы, подтверждало мои подозрения. Тут ко мне подоспели остальные, и каждый из нас горел решимостью уничтожить врага. Мы ни секунды не сомневались, что некоторые из наших пуль достигли цели, отправив вас на корм рыбам.

Я поднял и осмотрел брошенный вами мушкет. В стольких трудных путешествиях он побывал со мной, от тысячи смертей спас меня и моих друзей! Достаточно было прикоснуться к нему, и я сразу узнал свое оружие. Уезжая, я оставил его вам, а когда мы выступили против индейцев, им вооружился ваш дядя, убив которого мушкетом завладел один из краснокожих дикарей. И кем я должен был считать того, кто последним держал его в руках?

Женщина, угостившая вас хлебом и молоком, в ответ на мои расспросы коротко упомянула, что вы, когда пришли к ней, имели при себе мушкет и топор. Пока вы ели, оружие лежало на столе. Она сидела рядом и с интересом разглядывала его, а потому смогла подробно описать мне замок и стволы, из чего я заключил, что это, без сомне-

ния, мой мушкет.

Сравнивая различные эпизоды, я понял, как он оказался у вас. Один из индейцев, расположившихся в пещере, видимо, был убийцей вашего дяди. Из рассказа девушки я узнал, что, когда дозорный отлучился, вы сразу же вышли из укрытия и, перед тем как бежать, прихватили лежавшее на земле оружие — по случайному стечению обстоятельств ваш собственный мушкет.

Его два ствола, полагаю, помогли вам одержать победу в неравном бою у хижины Мэб. Видимо, он не попался нам на глаза, поскольку вы оставили его в каком-то укромном месте, а придя в сознание, снова воспользовались им. Мог ли враг завладеть вашим мушкетом, напав на вас по дороге к реке? Или это вы противостояли нам на мысу, по ошибке приняв нас за неприятеля?

И то и другое казалось одинаково ужасным. И все-таки второе предположение выглядело более вероятным. Индейцам, за которыми велась охота, приходилось прятаться, а место, где вы лежали, было совершенно открытым. С другой стороны, путь к вершине с последующим спуском к реке мог предпринять только человек, хорошо ориентировавшийся в здешних горах. Вы же расспрашивали женщину, чтобы узнать

дорогу, из чего следовало, что вам эта местность незнакома.

С тяжелым сердцем я начал осознавать горечь произошедшего. По воле злого рока мы оказались загнанными в ловушку, из которой мог выбраться только один из нас. Мне посчастливилось не погибнуть от вашей руки. Но к вам судьба была не столь благосклонна. После долгих, мучительных поисков я встретил вас, обессиленного, заблудившегося, страдающего от холода и голода, и вместо того, чтобы протянуть руку помощи, вынудил дорогого мне человека броситься с огромной высоты в реку. Только когда вы пошли ко дну, а я, сам того не зная, понес огромную утрату, мы прекратили преследование.

У меня было немало причин для возвращения в Америку. И одна из главных — отеческая привязанность к вам. Я имел за душой не только внушительное состояние, но и кое-что более ценное. Мне хотелось разделить и то и другое с вами, чтобы, окруженный любовью, вы смогли во всей полноте воспользоваться преимуществами благополучия и достатка вместе с теми, кому подарите в ответ свою любовь.

Но теперь этим планам пришел конец. Вам больше ни к чему ни моя благосклонность, ни мое

стремление к справедливости. Я лишил ваших сестер друга и опекуна. Небольшим утешением было понимание того, что я не оставлю их, возьму на себя все заботы, заменив вас, избавлю от нищеты, зависимости и унижений, на которые неминуемо обрекала их гибель брата и дяди.

К физической усталости долгих пеших переходов по дикой местности добавилось моральное опустошение, и я с удвоенной решимостью покинул отряд, дабы уединиться в этом доме. Мои спутники ушли что-нибудь разузнать о судьбе покинувших дом хозяев, предоставив мне возможность разобраться в собственных мыслях.

Я забыл упомянуть один эпизод, который произошел в промежуток времени между тем, как стало известно о вашем исчезновении, и выступлением добровольцев в Четаско. Пытаясь понять, кто ходил ночью в большой зале, мы пришли к выводу, что это тот же человек, который похитил письма. Нетрудно было догадаться, что они лежат либо в кедровом сундуке, либо где-то еще в комнате. Подобные случаи известны. Люди месяцами ищут то, что сами же спрятали, пребывая в сомнамбулическом состоянии.

Немедленно начав поиски, мы обнаружили письма между стропилами и кровельной дран-

кой. Если бы они остались там, дожди и летняя жара нанесли бы им непоправимый вред. Но благодаря догадке, побудившей нас найти их, письма не пострадали. Памятуя о том, как они дороги вам, я взял их с собой, чтобы обеспечить им сохранность не хуже, чем в запертом сейфе у вас в кабинете.

И вот, оставшись один в этом доме, я вспомнил о вашем сокровище, которым теперь обладал. Мне было неизвестно, почему эти письма представляют для вас такую ценность. Может, они как-то связаны с чем-то важным в вашей жизни? Но в таком случае возрастала и их значимость для меня. Я решил посвятить свой скорбный досуг ознакомлению с ними. Потому и положил их сюда, на стол.

Остальное вам известно. Не прошло и мгновения, как появились вы. Согласитесь, это не было похоже на обычную встречу старых друзей. Вы погибли. Я оплакивал вас, дорогого мне человека, отнятого у меня злым роком. И вдруг в сей благословенный час вы предстаете предо мной живым, отчего счастье мое в десять раз сильнее, чем если бы я просто увидел вас после долгой разлуки, не пройдя через опасности и испытания неизвестностью.

Глава XXVI

Сарсфилд закончил свой рассказ. Унижение и радость смешались у меня в душе. Теперь, когда мне стали известны события, предшествовавшие моему пробуждению в пещере, многое прояснилось. Какое объяснение могло быть более очевидным? Чем мои действия отличались от того, что я наблюдал в поведении Клитеро?

Клитеро! Разве Сарсфилд — не тот человек, у которого он отнял друга? Возлюбленный миссис Лоример, преследуемый Уайеттом? Может, это мой шанс выяснить наконец, что истинно в истории Клитеро, рассеять упорно одолевающие меня сомнения?

Стоп! Ведь Сарсфилд сказал, что он женат! Миссис Лоример была так быстро предана забвению или трогательная исповедь Клитеро соткана из лжи и бреда безумца?

Эти соображения вытеснили все другие мысли. Я пристально взглянул на моего друга и с сомнением в голосе нетерпеливо поинтересовался:

— Так вы женились?! Правда? Когда? На ком?

— Да, Хантли, я женат на прекраснейшей из

женщин. Ей обязан я своим счастьем и благосостоянием, она вернула мне уважение, достоинство и честь, даровала возможность быть благодетелем и покровителем — вашим и ваших сестер. Она жаждет обнять вас как сына. Стоит вам только захотеть, и вы станете ее сыном в полном смысле слова, это зависит лишь от вас и желания нашей спутницы, с которой мы прибыли сюда.

— Боже мой! — воскликнул я, охваченный радостным удивлением. — Кого вы имели в виду, говоря о своей жене? Это мать Кларисы? Сестра Уайетта? Негодяя, всячески отравлявшего ее жизнь? Злодея, с такой ожесточенностью донимавшего вас и несчастного Клитеро?

Последние слова еще звучали, когда Сарсфилд вдруг отпрянул, точно земля разверзлась у его ног. Лицо моего друга омрачилось ужасом и гневом. Едва обретя дар речи, он процедил сквозь зубы:

— Клитеро! Проклятие на ваши уста, осквернённые этим ненавистным именем! Не для того я преодолел тысячи миль, чтобы снова услышать его. Этот безумец здесь? Вы пересекались с ним? Он все еще ползает по земле? Несчастный, так вы сказали?! Неблагодарный мерзавец, не имеющий себе равных! Какой гнусной ложью он тут вас потчевал? Да еще, похоже, посмел произносить

священные имена Юфимии Лоример и Кларисы?

— Так и есть; но мне показалось, что он говорил правду…

— Правду?! Подлец! Правда лишь подтвердила бы, что он чудовище, дьявол… ни в одном языке мира нет подходящего определения для него! Он называл себя несчастным? Ну, конечно, жертва несправедливости! Безвинный страдалец! Что ж, давайте поведайте мне! Какими байками он вас одурачил?

— Нет! Это была исповедь, перечень преступлений и несчастий, виновником и жертвой которых он стал. Вы не знаете всех причин, всего ужаса…

— Его деяния чудовищны, гореть ему в аду! А побуждения безнравственны и омерзительны. Признаваться в собственных позорных прегрешениях, выставляя себя в невыгодном свете, не в его интересах. Уверен, что он не рассказал вам, как и с какой целью прокрался ночью в спальню своей госпожи, женщины, чье великодушие и благородство, добродетель и благотворительность поражали всех окружающих, женщины, которая воспитала его, вытащила из грязи, обеспечила этому негодяю достаток, дала образование и возможность познать бесценное счастье любви, не требуя взамен ничего, кроме благодарности и до-

стойного поведения. Не рассказал, как отплатил он этой святой женщине за доброту и участие, как жестоко прервал ее безмятежный сон, направив кинжал ей в грудь. И не было возможности ни скрыться, ни объясниться, ни уклониться. А та, кого он хотел лишить жизни, в чьей постели той ночью спала другая, стояла рядом, видела занесенное для удара оружие и слышала признание убийцы, чуть ли не гордившегося своим бесчеловечным поступком. Неудивительно, что от такого потрясения у нее случился обморок и она долго была без сознания. Мерзавец воспользовался этим, чтобы сбежать. И теперь прячется от правосудия, прекрасно понимая, что вина его безмерна. От вас он столь шокирующую правду, разумеется, лицемерно утаил, сочинив взамен лживые небылицы.

— Нет. Из списка его многочисленных прегрешений лицемерие можно исключить. Все сказанное вами мне уже известно: он был беспощаден к себе в своей исповеди. А госпожу буквально боготворил, восхищался ее добродетелями и все время повторял, как безгранично благодарен ей. О покушении на жизнь вашей жены я тоже знаю. Да, он желал и пытался ее убить.

— Как? Он и это вам рассказал?

— Он рассказал мне все. Сожалею! Но вину за преступное намерение он уже в достаточной степени искупил.

— Что вы имеете в виду? Откуда и как он прибыл сюда? Где теперь обитает? Я не могу жить с ним на одной земле, дышать одним воздухом! Неужели благороднейшая из женщин и ее дочь, ступив на далекий берег, вновь подвергают себя опасности встретить здесь своего беспощадного врага, этого приспешника дьявола?

— Увы! Сомневаюсь, что он еще жив. А если и так, то нет нужды бояться. Но он мертв. Голод и угрызения совести уничтожили его.

— Голод? Угрызения совести? Вы говорите загадками.

— Он нашел приют в дикой пустынной местности. Порвал все связи с людьми. Укрылся от мира в пещере, где морит себя голодом в ожидании смерти, о которой грезит как о единственной возможности избавиться от мучений и утешиться. Никому не под силу представить его в более черном свете, чем это делает он сам. Я пытался помочь ему избежать столь плачевной участи, но из-за собственной немощи и ошибок был вынужден бороться с целым ворохом неприятностей, свалившихся на мою голову.

Сарсфилд опять разразился проклятиями в адрес несчастного Клитеро, а отведя душу, стал расспрашивать, какими судьбами ирландец оказался так далеко от дома. Однако я больше не мог продолжать разговор. Безмерная усталость взяла верх над моим ослабевшим организмом. Рана на лице воспалилась от ледяной воды и холодного воздуха, терпеть невыносимую боль было все труднее. Я лег на пол и попросил Сарсфилда дать мне несколько часов отдохнуть.

Увидев, в каком я плачевном состоянии, он принялся упрекать себя за черствость. Потом перенес меня на кровать и стал размышлять, как мне помочь. Требовалось срочно наложить на мою рану противовоспалительный обезболивающий компресс, но в чужом заброшенном доме необходимых медикаментов не было. Ничего не оставалось, как наведаться к соседям. Возможно, у ближайшего из них, Уолтона, найдется то, что нужно.

Опасаться, что кто-то потревожит меня в отсутствие Сарсфилда, не стоило. Вот-вот должны были появиться его товарищи, с которыми он преследовал индейцев и условился встретиться здесь перед рассветом. Ферма Уолтона располагалась неподалеку. Сарсфилд обещал скоро вернуться и

оставил меня наедине с моими мыслями.

Преодолевая усталость и боль, я нашел в себе силы сопоставить ряд невероятных событий, произошедших в последние дни, и не смог сдержать слез. Слез печали по безвременной гибели дяди и слез радости за моих сестер, с которыми, слава богу, все в порядке, а также за Сарсфилда, которому, похоже, судьба наконец улыбнулась.

Думал я и о горькой участи Клитеро. Среди основных причин его мук было осознание того, что он убил свою госпожу; но она жива, ее скорбь со временем, вероятно, притупилась. Вера в таинственную роковую связь судеб близнецов и неизбежность собственной смерти в случае гибели брата оказалась всего лишь предрассудком, что наглядно подтвердили последующие события. И вот теперь в сопровождении Сарсфилда и Кларисы миссис Лоример приехала в Америку. Как это подействует на Клитеро, столь долго изводившего себя мрачными раздумьями? Поможет ли ему встреча с ней выйти из маниакального состояния, откажется ли он от одиночества, от мыслей о самоубийстве, сумеет ли наладить контакт с теми, чье негодование заслужил?

Мои размышления были прерваны донесшимся снизу шумом: видимо, пришли те двое, с

которыми Сарсфилд расстался на мысу. Голоса их звучали напряженно и озабоченно, но разговор велся не на повышенных тонах. Я слышал, как в комнате этажом ниже они двигали стулья и столы, вероятно, располагаясь на отдых после тяжелых испытаний.

Возможно, они местные, и тогда, скорее всего, знают меня. Так что мы найдем общий язык, хотя мое присутствие здесь и будет для них полнейшей неожиданностью. Впрочем, Сарсфилд скоро вернется, а пока его товарищи, похоже, не собираются подниматься наверх.

Я лежал на кровати, обводя сонным взглядом дверь, потолок, стены, и вдруг внизу раздался мушкетный выстрел. От удивления я рефлекторно вскочил на ноги.

Звук выстрела сопровождался топаньем многих людей и суматохой. Несколько человек тут же куда-то помчались, договариваясь на ходу, что пойдут разными дорогами. «Это он! — долетали до меня их требовательные, гневные голоса. — Надо его остановить!» Мгновенно забыв о слабости и боли, я сосредоточил свое внимание на том, чтобы разобраться, из-за чего весь этот шум. Мушкет был при мне, на всякий случай Сарсфилд положил его поперек кровати. Я не

мог знать, что произойдет дальше, и, движимый инстинктом самосохранения, лег с ружьем на пол, готовый отразить любое нападение.

Вскоре вблизи послышался шорох, а потом тихие шаги. У меня не было времени размышлять, что это значит; не спуская глаз с двери, я изо всех сил сжимал мушкет, дабы справиться с угрожавшей мне опасностью. Долго ждать не пришлось. Непрошеный гость осторожно вошел в комнату. С первого взгляда я понял, что это индеец и, следовательно, враг. Оружия у него не было. Осмотревшись и увидев меня, он испугался, поскольку я держал его на прицеле. После секундного колебания он подбежал к окну, вскочил на подоконник и прыгнул вниз.

Конечно, я мог остановить его пулей прежде, чем он добрался до окна, но растерянность и мое неприятие кровопролития, кроме тех безвыходных ситуаций, когда приходится защищать свою жизнь, не позволили мне без колебаний нажать на курок. Индеец скрылся, а я продолжил следить за дальнейшим развитием этой драмы. Вскоре временное затишье было нарушено выстрелами, прозвучавшими на некотором расстоянии от дома — один, второй, третий, с короткими паузами между ними, после чего снова воцарилась

тишина.

Видимо, люди из отряда преследователей привели с собой одного или даже нескольких пленников, и те попытались бежать. Других предположений у меня не было. Но что побудило индейца искать убежища в моей комнате, было неясно.

Потом послышались шаги. Кто-то прошел через гостиную и стал подниматься по лестнице. Спустя минуту дверь открылась, и я увидел Сарсфилда. Волнение и тревога отчетливо читались на его лице. Он был погружен в свои мысли и, казалось, не замечая моего присутствия, отрешенно ходил по комнате, уставившись в пол и тяжело вздыхая.

Это опечалило меня и выглядело довольно странно. Перед уходом Сарсфилд не был таким, и я решил, что он находится под впечатлением недавних событий. Движимый любопытством и беспокойством, я попытался вывести его из задумчивости и взял за руку. Говорить что-либо было бесполезно.

Откликнувшись на мое прикосновение, он обернулся и возмущенным тоном спросил:

— Зачем вы меня обманули?! Вы ведь, помнится, сказали, что Клитеро мертв?

— Да, я так сказал, потому что был уверен в этом. Вам что-то известно о нем? Он жив? О, если по воле Небес он действительно не умер, мы еще можем общими усилиями вернуть его душе мир!

— По воле Небес! — повторил Сарсфилд со страстностью, которая граничила с яростью. — Как бы я хотел, чтобы Небеса продлили его жизнь на тысячи лет, максимально отсрочив в бесконечном раскаянии избавление от мук и угрызений совести. Впрочем, уже нет смысла в подобных мольбах. Он еще дышит, но смерть, похоже, близка. Если он выживет, то опять будет творить беззакония, совершать новые преступления. Возможно, благодаря моим профессиональным навыкам ему станет лучше, но я пальцем не пошевельну, чтобы участвовать в его судьбе!

Меньше всего я мог предположить, что раненый, которого мои друзья отбили у дикарей и принесли сюда, Клитеро! Меня позвали, потому что ему требовалась срочная хирургическая помощь. Он лежал на полу, грязный, беспомощный, весь в крови. Я сразу узнал его! Худшее из зол видеть этого убийцу. Но то, что мне пришлось пережить, теперь в прошлом и, надеюсь, никогда больше не повторится.

— Вставайте, идемте со мной. Уолтон выделил

для вас комнату, поживете пока там. Прочь из этого дома! А когда восстановите силы для путешествия, прочь и из этих мест!

Я не готов был согласиться с предложением моего друга. Клитеро освобожден из плена, но погибнет без той помощи, которую Сарсфилд может ему оказать. Разве не бесчеловечно бросить его теперь? Разве он заслужил такое непримиримое отношение? То, что я слышал от Сарсфилда, не противоречило рассказу Клитеро. Сам по себе поступок Клитеро ужасен, но если рассматривать его как звено в цепи событий, то надо признать, что это не преступление, а несчастье.

Да и есть ли такой грех, который нельзя искупить раскаянием? Неужели раскаяние Клитеро не искупает его вины, гораздо меньшей, чем жестокие деяния многих других грешников? Впрочем, для оспаривания страстей, бушевавших в душе Сарсфилда, время было неподходящее. Только подробный пересказ истории Клитеро мог бы поколебать его предубеждение и умерить его гнев, однако небезопасная ситуация и отсутствие у Сарсфилда должного самообладания не позволяли мне сделать это прямо сейчас.

Пока я был погружен в размышления, решимость моего друга ничуть не ослабла. Преодоле-

вая сопротивление, он тянул меня за руку и, как назойливая муха, продолжал настаивать, чтобы я шел вместе с ним. В гостиной он ускорил шаг и старательно отводил глаза от того, на ком теперь было сосредоточено все мое внимание.

Я смотрел на Клитеро — воистину так! — который лежал, запрокинув голову, окровавленный и, очевидно, без сознания. Эмоции, вызванные этим зрелищем, пригвоздили меня к месту. Сарсфилд, поняв бесплодность дальнейших попыток совладать с моим нежеланием идти, выбежал из дому один и исчез.

Глава XXVII

Я склонился над горемыкой Клитеро, чье изможденное тело и скорбное лицо красноречиво свидетельствовали, что дикари лишь завершили разрушение, которое начал он сам. Страшная рана от томагавка почти не оставляла надежды, что искусство врачей его исцелит.

Меня переполнило мучительное сострадание. Не осознавая своих действий, я сел на пол и бережно приподнял голову бедняги себе на колени. От этого движения он очнулся и открыл глаза, его неподвижный взгляд был обращен ко мне. Ни ужаса, ни смятения, ни безумия в этом взгляде не таилось — лишь легкое удивление, которое тут же сменилось спокойствием. Это означало, что его состояние не так безнадежно, как мне показалось вначале.

Я заговорил с ним:

— Друг мой! Как вы себя чувствуете? Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Нет, — ответил он. Голос Клитеро звучал тверже, чем я ожидал, а в словах содержалось больше смысла, чем можно было предположить,

судя по его виду. — Вы уже ничем мне не поможете, добрый юноша. Конец близок. Надеюсь, страдания, что я перенес, искупили мою вину и лишь добрые дела предстанут вместе со мной перед Высшим Судией.

Я не испытываю ни страха, ни тревоги в ожидании уже близкого избавления от мук. У меня было только одно желание, и мои мольбы услышаны. Я просил ниспослать мне встречу с вами, молодой человек, хотя и не смел уповать на это. Вы пришли вовремя, чтобы услышать мою последнюю исповедь. Хочу заверить вас, что ваши заботы обо мне не пропали даром. Вы спасли меня от самоубийства, самого непростительного греха, какой я мог совершить. Я удалился в дикие дебри Норуолка и по лабиринту пещер поднялся на неприступную со всех сторон вершину одной из гор, а подземные ходы туда заложил камнями. У меня не было сомнений, что там никто не нарушит моего уединения и я в конце концов умру от голода. Ваше появление на противоположной скале не поколебало моей убежденности в этом, поскольку нас разделяла непреодолимая пропасть. И я, ничего не опасаясь, скрылся в своем убежище. Через некоторое время, пробудившись от долгого сна, я обнаружил рядом с

собой еду. Для меня было загадкой, как она тут оказалась. Может, посланник Небес принес мне хлеб насущный, чтобы спасти меня? Я не мог придумать никаких других объяснений, кроме сверхъестественного вмешательства. Ведь отвесные головокружительные скалы, глубокие бездны и перекрытые входы в пещеру делали меня недосягаемым для простых смертных.

Это предположение (впрочем, впоследствии пересмотренное) изменило ход моих отчаянных мыслей. Измученный голодом, я не сумел устоять при виде пищи и съел все, что было мне даровано. Малодушное намерение избавить себя от мук таким недостойным образом кануло в прошлое. Я решил вернуться к жизни, дабы продолжить искупать вину в труде и страданиях, ожидая, пока Господь Сам не призовет меня на Высший Суд. Ибо иначе степень моей греховности возрастет вдвое. К Инглфилду я не стал возвращаться, а предпочел поискать пристанище и работу в более отдаленном месте. Однако в моей комнате в доме у Инглфилдов осталось то, что потеряло для меня значение, когда я вознамерился расстаться с жизнью, но теперь вновь обрело ценность. Это были записки Юфимии Лоример, которые, несмотря на все испытания, я неизменно хранил в своем

сундуке и не взял с собой в горы лишь потому, что шел туда умирать. Решив жить дальше, я должен был забрать их, чтобы они по-прежнему служили мне утешением и заставляли меня страдать.

С наступлением ночи я поспешил к дому Инглфилда. Предупреждать об этом не было нужды. Я хотел, чтобы моя судьба навсегда осталась тайной для старика хозяина и его соседей. Место, где находится сундук, было мне известно и легко доступно. Без труда проникнув туда, я с ужасом обнаружил, что сундук взломан и мое сокровище похищено. Изумление, негодование и горе возродили во мне желание свести счеты с жизнью. Я направился обратно в горы, чтобы, как раньше и собирался, принять там голодную смерть. В таком настроении я пребывал до вечера следующего дня, пока, блуждая среди скал и пропастей, не увидел вдруг под одним из выступов знакомую рукопись — благой знак, не менее удивительный, чем появление пищи на вершине неприступного утеса. Эта чудесная находка вдохновила меня и вновь примирила с необходимостью влачить мое жалкое существование. Я спустился с горы, пересек пустошь и остановился в Четаско, где вскоре нашел работу. Однако мирная жизнь почти сразу была нарушена вторжением индейцев.

Когда я по обыкновению бродил во сне под луной, дикари пленили меня и, нанеся мне множество ран, впрочем не смертельных, заставили отступать вместе с ними, хотя я был так слаб, что с трудом выдерживал нужный темп. Прошло несколько часов, прежде чем отряд местных жителей нагнал их и я опять обрел свободу. Лишения, а также новые раны, полученные в схватке с застигнутыми врасплох индейцами, довели меня до моего нынешнего состояния. Но я рад, что мне недолго осталось мучиться…

В этот момент вернулись люди, освободившие Клитеро, и он был вынужден прервать свой рассказ. Нетрудно догадаться, как они удивились, увидев, что рядом с ним на полу сижу я, а его голова покоится у меня на коленях. Еще больше их удивило исчезновение пленника, которого они оставили тут связанного по рукам и ногам. Оказалось, что не все враги, участвовавшие в кровавых набегах и грабежах, были уничтожены, двоих взяли в плен и привели с собой сюда, в этот дом. Первым делом кого-то отправили к Уолтону, чтобы позвать Сарсфилда на помощь раненому, а потом занялись поисками веревки, поскольку дикари были связаны ненадежно.

Веревку нашли и одного пленника связали,

но другой тем временем разорвал свои путы, схватил лежавший рядом мушкет, выстрелил для острастки и сбежал. Все ринулись в погоню. Однако дикарь был быстр как олень, так что им не удалось его догнать.

Пока они отсутствовали, второй пленник тоже сумел избавиться от веревок на запястьях и лодыжках, поднялся по лестнице и выпрыгнул из окна моей комнаты, о чем я уже писал выше.

Встретившись со мной при таких обстоятельствах, они были заинтригованы и засыпали меня вопросами, ибо мы хорошо знали друг друга. Но я не спешил удовлетворять их любопытство, настояв, чтобы сначала раненого Клитеро перенесли в мою комнату и уложили на кровать.

Преодолевая боль, усталость и безумное желание спать, я собрался с силами и направился к дому Уолтона. Сарсфилд ждал меня у двери, а хозяева, проявив трогательную заботу, предоставили мне уютную комнату и обеспечили необходимый уход для восстановления здоровья.

Однако я не переставал думать о том, как облегчить страдания Клитеро, чье состояние было гораздо хуже моего. Он нуждался в квалифицированном лечении, и Сарсфилд лучше, чем кто-либо, мог поспособствовать его исцелению.

Я должен был уговорить моего друга оказать Клитеро необходимую помощь.

Но я не видел других возможностей растопить в сердце Сарсфилда ненависть к нему, кроме как убедив его в невиновности этого человека или вызвав жалость описанием искреннего раскаяния и неподдельных мук, терзавших душу несчастного. А значит, нужно спокойно, без эмоций, максимально точно и полно пересказать ему исповедь Клитеро.

Я попросил всех, кроме моего друга, выйти из комнаты и, настояв, чтобы он выслушал меня, не перебивая, начал с гибели Уолдгрейва. Затем я пояснил, как подозрения, вызванные странным поведением Клитеро под старым вязом, привели к нашему разговору в лесу, после чего повторил слово в слово без каких-либо изменений и дополнений то, что узнал от Клитеро. Упомянул я и о своих скитаниях в Норуолке — исключительно в качестве иллюстрации его незавидной участи.

По ходу рассказа я внимательно наблюдал за сменой эмоций на лице Сарсфилда и видел, как постепенно негодование и ярость отступают под натиском ужаса и сострадания.

Он был крайне возбужден и едва мог усидеть на месте. Когда я заговорил о том, что побудило

несчастного Клитеро прийти в спальню госпожи, Сарсфилд вскочил на ноги, заметался по комнате, а потом, затаив дыхание, замер передо мной, всем своим видом выражая нетерпение. Когда же я дошел до занесенного кинжала, пронзительного крика и руки, отводящей лезвие, он задрожал и попятился, словно кинжал был направлен ему в грудь.

Дойдя до конца истории, я умолк; на некоторое время воцарилась звенящая тишина. Скорбные мысли моего друга, похоже, были где-то далеко. Потом он все же овладел собой и задумчиво сказал:

— Да уж! Воистину, такое невозможно выдумать — ни ради оправдания, ни с целью обмана. Он несправедлив к себе. Нравственность и честь всегда были основой всех его действий и поступков, что проявлялось в безупречном поведении, благодарности и преданности. Действительно, как он отметил, мы расстались с ним у двери поздним вечером. Он также верно угадал, что я решил вернуться к миссис Лоример, чтобы открыть ей правду о возвращении Уайетта. В это время неожиданно приехала Клариса, поскольку подруга, о которой она заботилась, внезапно скончалась.

До сих пор все, кроме самой миссис Лоример, не сомневались в смерти ее брата, поэтому добрые вести о нем стали для благородной леди настоящим потрясением и воплощением сокровенных чаяний. Значит, она была права, продолжая верить, что он жив, — большего утешения и не надо! Несмотря на его порочность, зловредность, мстительность, она сокрушалась лишь о том, что он не хочет меняться, но не видела для себя никакой угрозы или опасности, исходящей от брата.

Поразительно, с какой наивностью и предвзятостью эта женщина упрямо не желала признавать то, что для всех было очевидно! Беспокойство о судьбе хитрого негодяя, который умело пользовался таким ее отношением к себе, не позволяло ей трезво оценивать ситуацию и слышать предостережения близких людей. Мне не удалось убедить ее, что надо оградить дом от его посещений, и я откланялся, пребывая в полной растерянности.

В полночь меня разбудил посыльный; он настаивал, чтобы я немедленно следовал за ним в связи с неотложным делом. Случилось несчастье, но какое — он не мог объяснить. Под спудом своих опасений я тут же подумал про Уайетта. Едва дыша от ужаса, я поспешил к дому миссис

Лоример, где меня сразу проводили в ее покои. С выражением неподдельного изумления и смятения чувств на застывшем как маска лице она в оцепенении лежала на кровати. Слезы стекали у нее по щекам, Клариса сидела рядом и держала ее за руки. Обе были неспособны говорить. Гадая о том, что тут произошло, я стал расспрашивать слуг. Мне сказали, что вскоре после того, как все разошлись на ночь по своим комнатам, раздался призывный звонок госпожи, настойчивый и тревожный. Они примчались на зов и увидели миссис Лоример на полу в глубоком обмороке, а молодую леди — объятую страхом и невыразимым волнением.

Благодаря своевременно предпринятым мерам миссис Лоример пришла в сознание, но продолжала оставаться в состоянии болезненной отрешенности. А Клитеро куда-то запропастился, я тщетно пытался найти его. По словам прислуги, он как ушел вместе со мной, так с тех пор не возвращался. Дверь во двор была открыта, и я подумал, что, возможно, он столкнулся здесь с Уайеттом и увел его подальше отсюда, чтобы тот никому не смог навредить. Не стоит и говорить, как все это подействовало на меня. До самого утра я, терзаясь сомнениями, пребывал в нервном

ожидании, пока не стало известно, что Уайетт убит на улице. Не это ли спровоцировало обморок у миссис Лоример? Я вспомнил ее слепую веру в фатальное пророчество, согласно которому она умрет одновременно с братом. Мог ли какой-нибудь свидетель его смерти сообщить ей о случившемся, проникнув без разрешения в ее комнату? Какой эффект произвело бы на бедную женщину такое известие?

Вскоре в дополнение к тому, что Уайетт мертв, я узнал, что убил его Клитеро, который вроде бы домой не возвращался и которого так и не нашли. Видимо, именно Клитеро рассказал обо всем госпоже, поскольку войти в ее комнату, не тревожа слуг, мог только он один. Если у меня и были какие-то сомнения в этом, то спустя несколько дней они окончательно рассеялись. Миссис Лоример постепенно пришла в себя, и мне открылась чудовищная правда. После моего ухода тем вечером Клариса осталась ночевать в спальне матери, и, поскольку дочь устала в дороге, Юфимия уступила ей свой альков, а сама устроилась на кровати за пологом. Среди ночи ее разбудил шум, дальше все произошло в точности так, как описал Клитеро.

Что я должен был думать? Либо он всю жизнь

лицемерил, либо сошел с ума — ничего другого мне в голову не приходило. В любом случае он вызывал у меня лишь отвращение и ужас. Я не мог спокойно слышать его имя. Иуда он или безумец — все равно чудовище. Как?! Убить брата госпожи, чья кончина грозила смертью и ей, его благодетельнице, матери, другу?! И сразу же поспешить в ее покои, чтобы завершить свой преступный план?! Занести кинжал над благороднейшей из женщин, которой он обязан всем — и счастьем, и самим существованием?!

Замысливший такое не может называться человеком. Рука дьявола направляет каждый его шаг. А если он орудие ада, то не долг ли всего человечества вооружиться против него и преследовать неустанно? Стереть с лица земли даже память о нем, чтобы он не сотворил новое зло?

Попытки найти негодяя были тщетны. Неудивительно, что он скрылся в неизвестном направлении. Остановленный за мгновение до триумфа нечистой силы, повелевающей его судьбой, он трусливо канул во тьму, бежал от правосудия, от возмездия, от укоряющего взора, который равно неотразим и когда лучится нежностью, и когда пылает негодованием.

Но как описать состояние, в котором пребыва-

ла миссис Лоример? Она воспитывала Клитеро с раннего детства. Он был ее опорой, ее утешением, ее гордостью. С недавних пор он стал ей вдвойне дорог как будущий муж ее дочери. Она не уставала восхвалять его чистоту и прямодушие. Все комплименты, адресованные ему, доставляли ей особое удовольствие: ведь он был, так сказать, ее творением, а его добродетели — следствием ее воспитания.

И вдруг столь разительная перемена! Возможно ли такое осознать?! Я понимал, что со временем она успокоится и смирится, но уже никогда не будет счастлива. Чтобы смягчить последствия этой драмы, я настоятельно советовал ей покинуть страну, с которой связано столько воспоминаний о разочарованиях и бедах. И пусть к нам присоединится Клариса: если судьба будет благосклонна к ней и она обретет счастье в дальних краях, это снимет толику тягостного бремени с души матери, чью неизбывную грусть не развеет уже ничто и никогда. Да, ваш рассказ тронул меня, пробудив во мне сочувствие. Но что теперь делать? Помочь Клитеро — значит продлить его мучения.

Моя жена никогда не вернет ему свое благорасположение. Клариса никогда не сможет даже

думать о нем без содрогания, не то что видеться с ним. От обычных недугов есть лекарства, но в данном случае все средства бессильны. Когда болезнь исходит от сознания, когда раскаяние и бремя вины снедают человека изнутри, только перестав мыслить, а значит, и жить, можно избавиться от страданий — другого лечения, увы, нет!

Я не мог согласиться с таким мрачным выводом моего друга: хоть смерть для Клитеро действительно более желанна, чем жизнь, мне все же верилось, что еще не поздно разубедить беднягу в его роковых заблуждениях. Юфимия Лоример, в чьей кончине Клитеро винит себя, на самом деле не умерла. А он считает, она мертва, что породило много зла. Измученное воображение беспрестанно кающегося грешника превратило угрызения совести в жестокую пытку. Разве мы не должны исправить эту ошибку?

Сарсфилд, пусть и неохотно, согласился с моими доводами и выразил готовность утешить умирающего, объяснив ему, что та, кого он считал своей благодетельницей и матерью, жива, хотя его поступок отнял у нее покой и мир.

Пока Сарсфилд отсутствовал, я, мысленно перебирая все произошедшее, задумался о по-

следних словах Клитеро. В его рассказе было что-то непонятное и противоречивое. Он спрятал рукопись — единственную свою драгоценность — в сундуке, оставшемся в доме Инглфилда, в той самой комнате, в которой потом и мне довелось какое-то время погостить. Когда меня не было, он вошел в комнату и обнаружил, что сундук взломан, а рукопись исчезла. Сундук взломал я, но ведь рукопись была зарыта в шкатулке под вязом. Так почему же Клитеро этого не знал, если, кроме него, никто не мог захоронить ее там?

Все, однако, прояснилось, когда я вспомнил о собственном печальном опыте. Клитеро закопал свое сокровище сам, так же как и я сам спрятал письма под стропилами. Но мы оба действовали неосознанно, во сне. Воля и чувства тут ни при чем. К каким ужасным последствиям это может привести, ввергнув человека в круговорот ужасных бед и ошибок!

Именно так и случилось с вашим покорным слугой. Ведомый не подвластными мне силами, что теперь уже очевидно, я преодолел во сне путь от своей комнаты в доме дяди до безлюдных дебрей дикой пустоши, где долго блуждал по каменному лабиринту пещеры, пока не оказался на краю глубокой впадины. Один неверный шаг,

и я, сорвавшись, полетел вниз головой. При падении я ударился и пребывал в бесчувственном состоянии всю ночь и весь следующий день.

Как мало разбираются люди в делах и побуждениях друг друга! И как часто мы сами не способны разобраться в себе! Кто бы стал искать меня в чреве горы? Могло пройти немало лет, прежде чем какой-нибудь любознательный путешественник набрел бы на мои кости.

Тут мне пришлось отвлечься от своих размышлений, поскольку вернулся Сарсфилд, сообщивший, что Клитеро все еще без сознания, однако, несмотря на его многочисленные тяжелые раны, при правильном лечении есть шанс, что он поправится.

Обрадованный этим известием, я снова воззвал к состраданию моего друга. Но Сарсфилда бросало в дрожь при одной мысли о непосредственном контакте с Клитеро. Он сказал, что, возможно, со временем произойдет какая-то перемена в его чувствах, пока же ему трудно воспринимать этого человека иначе, чем как опасного безумца, чью болезнь нельзя исцелить и чье дальнейшее существование лишь умножит скорби самого Клитеро и скорби других людей.

Видя, как он противится всему, что могло бы

помочь несчастному ирландцу, я спросил, не нуждается ли тот в хирургическом вмешательстве. Сарсфилд ответил, что ему требуются лишь обычное лечение и надлежащая обработка ран, а потому от умудренных опытом здешних женщин, умеющих пользовать травами и индейскими снадобьями, будет гораздо больше пользы, чем от профессионального врача. Эти женщины отзывчивы и милосердны, они ничего не знают о нем и не питают к страждущему грешнику никакой неприязни.

Между тем Сарсфилд настаивал, чтобы я перебрался к Инглфилду, да и мой почтенный друг уже с нетерпением ждал встречи со мной. Мои раны были поверхностными, а ночной отдых ощутимо помог мне восстановить силы. На следующий день я отправился в путь, оставив Клитеро под присмотром местных жителей.

Сарсфилд должен был ехать в Виргинию, где его ждали дела, отложенные ненадолго ради посещения Солсбери. Он предполагал вернуться не позже чем через месяц, а потом обещал взять меня с собой в Нью-Йорк. Я постоянно ощущал его отеческую заботу обо мне, и он настоятельно просил, пока мы будем в разлуке, сообщать ему обо всем, что происходит в моей жизни, словно я

действительно был его сыном. Вскоре мы прибыли к Инглфилду, где я собирался погостить вместе с сестрами до возвращения Сарсфилда.

Тем временем беспокойные мысли не покидали меня. Я думал о вас, об Уэймуте и особенно о Клитеро. Тело его представляло собой сплошную рану, он был истощен, обескровлен — словом, все оказалось хуже, чем я предполагал. Постоянно справляясь о его самочувствии, я планировал в ближайшие дни съездить к нему, чтобы он наконец узнал правду о миссис Лоример, что, как я надеялся, должно было благоприятно сказаться на нем, изменив его настроение в лучшую сторону. Поэтому я ожидал нашу встречу и предстоящий разговор с воодушевлением.

Но меня постигло жестокое разочарование. В то утро, когда я намеревался навестить Клитеро, посыльный принес мне печальную новость: хозяева дома, в котором находился больной, обнаружили, что он исчез — поднялся посреди ночи с постели и ушел в неизвестном направлении. Найти его не удалось.

Да, мой друг, должен еще поделиться с вами тем, что недавно стало известно о вашем брате. Наконец спала завеса тайны, скрывавшая обстоятельства гибели Уолдгрейва. До сих пор у меня

не было никаких догадок на этот счет, но теперь я знаю, что случилось.

Спустя три дня после описанных событий вернулась в свою хижину Королева Мэб. Ее схватили по подозрению в том, что она помогала индейцам во время их последнего набега. Под спудом предъявленных ей обвинений старуха нисколько не стушевалась, а, напротив, с бесстрашной готовностью и даже с гордостью признала свое участие в злодеяниях соплеменников, что, по ее словам, было местью соседям за издевательства и оскорбления, которые она тут же не преминула перечислить.

Речь шла прежде всего об их высокомерном поведении по отношению к ней и нежелании потакать ее нелепым прихотям и абсурдным требованиям. Жители Четаско, в отличие от населения Солсбери, не считали нужным мириться с ее «чудачествами», и мыслями Королевы Мэб завладели мечты об отмщении. Став угрюмой и раздражительной, она все больше времени проводила в одиночестве.

Иногда ее навещали соплеменники. Вот и в тот раз она приютила их отряд. Настроены индейцы были враждебно и, затаившись в хижине Деб, старались до поры до времени не привлекать

внимания к своему появлению поблизости от окрестных ферм. В силу только им известных причин они решили пока отсрочить уже намеченный набег. Однако один из них, самый злобный и кровожадный, не хотел возвращаться восвояси, не получив хоть какого-то удовлетворения снедавшей его жажды мести. Под покровом ночи он направился в Солсбери, дабы отвести душу, напав на первого встречного. Судьбе было угодно, чтобы этим встречным оказался ваш несчастный брат. Вопреки обычаю брать трофеи, убийца благоразумно не стал снимать с жертвы скальп, благодаря чему никто даже не заподозрил, что на Уолдгрейва напал индеец.

Совершив задуманное, удовлетворенный дикарь воссоединился с теми, кто ждал его в хижине, после чего индейцы ушли, но через три недели вернулись уже в составе многочисленного отряда, чтобы причинить местным жителям более существенный вред и разрушения. Королева Мэб во всем поддерживала соплеменников и направляла их, поскольку, как она потом объяснила, они бросили вызов ее обидчикам. Будучи упрямой и безрассудной, она не ушла к индейцам, а предпочла остаться в своей ветхой хижине, готовая принять любые последствия

случившегося.

Дознание по этому делу с новой силой всколыхнуло во мне отчаяние и горе, вызванные потерей друга. Но был и положительный момент: теперь я знал, кто убил вашего брата, и больше не мучил себя сомнениями, подозревая невиновного. Отчасти утешало меня и то, что убийца мертв, причем, вероятнее всего, от моей руки. Злодей, проливший кровь Уолдгрейва, получил по заслугам и уже не сможет никому навредить, правосудие свершилось.

Итак, я поведал вам о своих злоключениях, выполнив обещание, о котором не забывал ни на минуту. Как только мне удалось найти в себе силы взяться за перо, я тут же воспользовался этим, чтобы сообщить вам о том, что со мной произошло. Какие-то детали я наверняка упустил — трудно вот так сразу все вспомнить, — но надеюсь, у меня еще будет возможность дополнить рассказ, когда мне позволят здоровье и досуг.

Оглядываясь назад, я удивлен, как много времени потребовалось на это письмо. Казалось, хватит и нескольких дней, однако одну страницу сменяла другая, и так неделя за неделей, пока наконец я не приблизился к завершению моей истории. Не буду больше пытаться что-то добав-

лять, затягивая отправку письма, лучше поскорее отошлю его вам, чтобы потом уже в личной беседе обсудить все с вами и поделиться мыслями о будущем. Как только я повидаюсь с Сарсфилдом, незамедлительно навещу вас.

Прощайте.

Э.Х.

Солсбери, 10 ноября

Письмо 1

Мистеру Сарсфилду

Филадельфия.

Я прибыл десять минут назад и пишу вам прямо с причала. Боюсь упустить время, поэтому спешу известить вас о том, что произошло. Не перестаю укорять себя с тех пор, как понял, к чему привела моя опрометчивость.

Подробно я все расскажу вам завтра. Сейчас же должен предупредить вас, что Клитеро жив. Узнав местожительство вашей жены в Нью-Йорке, он, похоже, имеет тайное намерение посетить ее.

Уповаю на Небеса, чтобы этого не случилось! Надеюсь, вы сумеете как-нибудь помешать их встрече. Я же, увы, не могу ни повлиять на ход событий, ни продолжать письмо.

Э.Х.

Письмо 2

Адресат тот же

Теперь, как и обещал вчера, я готов сообщить вам подробности того, о чем упоминал в предыдущем послании. Как мне жилось у Инглфилда, вы уже наслышаны от вашей приемной дочери, поэтому я бы хотел вернуться к судьбе слуги моего почтенного друга, речь, конечно, о Клитеро, который неожиданно исчез и о котором с тех пор не было ни слуху ни духу. Вам безразлична горькая участь этого человека, Вы предпочли бы, чтобы о его существовании и невзгодах все поскорее забыли. Признаюсь, у меня к нему иное отношение. Я беспокоюсь о нем, жалею беднягу и был бы рад облегчить его муки. Не могу поверить, что недуг, от которого он страдает, неизлечим. Я хочу найти его. Хочу узнать, что с ним, и, если возможно, утешить, вдохнуть в него мужество и вселить надежду.

Инглфилд поделился со мной тем, что было известно ему.

— О да! — воскликнул он в ответ на мои расспросы. — Клитеро здесь. Этот чужеземец вновь вышел на сцену. После его исчезновения, когда

постель умирающего нашли пустой, Филип Беддингтон из Четаско сообщил мне, что в хижине Деб появился новый жилец. Поначалу я подумал, что, быть может, вернулся шотландец, который построил этот дом, но вскоре выяснилось, что в хижине обосновался мой слуга. Сам я к нему не наведывался, не имел никакого желания, однако от соседей и путников доподлинно знаю, что он по-прежнему живет там.

— Но как! — прервал его я. — Как он там живет, чем питается? Ведь сейчас зима, вырастить ничего невозможно, да и земля в тех местах неплодородная.

— В хижине Деб, — пояснил мой почтенный друг, — он только отдыхает и спит. А едой и одеждой его обеспечивают на соседней ферме, где он работает. Беддингтон обитает неподалеку и в курсе ситуации. Как я понимаю, нынешняя жизнь Клитеро мало чем отличается от той, что он вел у меня, только ночует он не на ферме, а возвращается в хижину, в силу чего общение с остальным человечеством у него совсем сведено к минимуму. Днем он столуется у своих хозяев, а ужин — как правило, кусок ржаного хлеба — уносит с собой, проводя все свободное от работы время либо в четырех стенах хижины, либо в укромных

уголках пустоши, где в одиночестве бродит куда глаза глядят, лишь бы подальше от людей.

Информация, полученная от Инглфилда, меня немного успокоила. Видимо, Клитеро уже не так печалится и отчаивается, как я думал. Может, ему постепенно удастся и вовсе освободиться от своих мрачных мыслей.

И все же, размышляя о нем, я не мог не признать, что его жизнь, хоть и стала чуть более приемлемой, тем не менее была ужасна и унизительна для человека, питавшего в юности большие надежды и наделенного множеством достоинств. Такая самоизоляция в дикой глухомани лишь способствовала его хандре и изощренным пыткам угрызений совести. Сочувствуя ему, я решил, что должен убедить скорбящего отшельника изменить образ жизни. А что лучше правды о последствиях его преступных действий могло помочь мне добиться желаемого?

Основным источником безмерной скорби Клитеро была уверенность в том, что он повинен в смерти своей благодетельницы. Одного этого было достаточно, чтобы ввергнуть его в бездонный омут глубокого раскаяния и самобичевания. Пойдя на поводу у воспаленного воображения, мы оба — и он, и я — сделали ошибочный вывод,

хотя, если взглянуть беспристрастно, из исповеди Клитеро никак не вытекало такое катастрофическое развитие событий. Но сам Клитеро, перед мысленным взором которого до сих пор стоял образ бездыханной госпожи, ничуть не сомневался, что она мертва, и никакие возражения не могли поколебать его убежденность в этом. Чтобы опровергнуть то, что он видел своими глазами, необходимо было столь же зримое и очевидное доказательство. Если он узнает, что она не просто жива, а замужем за Сарсфилдом и вполне счастлива, более того, находится здесь, в Америке, возможно, тогда кровавый призрак перестанет являться ему, лишая покоя, душа его исцелится и он вернется в мир, чтобы занять в нем достойное место, соответствующее его таланту и воспитанию. Под воздействием этих мыслей я захотел не мешкая встретиться с ним. Поскольку на следующий день дела требовали моего присутствия в Солсбери, я решил выйти в путь после полудня, чтобы к вечеру быть в Четаско и застать Клитеро, когда тот придет после работы в свое уединенное жилище.

Так я и сделал. К Беддингтону добрался уже в сумерках. О Клитеро он смог рассказать мне не больше того, что я уже слышал от Инглфил-

да. Хижина Деб располагалась в трех милях от дома Беддингтона, и я поспешил отправиться туда, чтобы успеть до наступления ночи. С этим местом у меня было связано столько ужасных воспоминаний о прошлогодних событиях, когда моя жизнь висела на волоске, что мной овладели гнетущие чувства и мысли. С трепетом в сердце я по окруженной дремучими лесами тропе быстрым шагом преодолел путь до укромного жилища Клитеро. Хижина Деб пребывала в жалком запустении. Сквозь законопаченные щели между бревнами свет не проникал, но чуть заметно сочился из-под двери и в зазорах на стыке с дверным косяком.

Посмотрев в боковую щель, я увидел, что в печи горит огонь, однако Клитеро в пределах видимости не было. Я стучал, звал — никакого ответа. Тогда я поднял щеколду и вошел. В хижине никого не оказалось.

Я предположил, что Клитеро куда-то ненадолго отлучился и вскоре вернется; возможно также, что он задержался на работе дольше обычного. Поэтому я сел на прикрытый шерстяным пледом соломенный тюфяк у печи, видимо, служивший Клитеро постелью, и приготовился ждать. Та кровать, что была тут в прошлый раз, куда-то ис-

чезла, как и прочие предметы жалкой обстановки Королевы Мэб, на которые я обратил внимание при первом посещении этой хижины. Кроме вязанок хвороста в углу, явно предназначенных для топки печи, ничто больше не напоминало о человеческом присутствии. Насколько скромными условиями может довольствоваться человек и как незначительны наши естественные потребности!

Пока я размышлял об этом и сравнивал впечатления годичной давности с нынешними, унылое завывание ветра было нарушено звуком шагов. Дверь открылась, и на пороге появился Клитеро. Выглядел он почти так же, как когда жил в Солсбери.

Застав подле своего очага незваного гостя, Клитеро был весьма удивлен и раздосадован, ибо, похоже, не узнал меня, приняв за чужака и удостоив лишь коротким негодующим взглядом, после чего с суровым выражением лица он бросил в угол котомку, которую держал в руках, и направился к выходу.

Я с тревогой внимательно наблюдал за ним и, как только почувствовал, что он намерен уйти, сорвался с места, чтобы помешать ему. Удержав его за руку, я спросил:

— Вы ведь знаете меня? Неужели вы забыли того, кто был вам другом в этом недобром мире?

Его взгляд стал более осмысленным, но потом он опустил глаза и уныло побрел к тюфяку, сев туда, где еще мгновение назад сидел я. Мне не оставалось ничего другого, кроме как пристроиться рядом с ним. Ни один из нас не решался нарушить неловкое молчание.

Я хотел осуществить то, ради чего пришел в эту глухомань, и все же не в силах был заставить себя говорить, не зная, как сообщить Клитеро невероятную для него новость. Несколько раз я уже размыкал губы, чтобы произнести первую фразу, и в растерянности не мог подобрать нужные слова.

Наконец я неуверенно сказал:

— Мой визит сюда вызван желанием снять груз с души человека, который поделился со мной своими горестями и пробудил в моем сердце глубокое сострадание. Я знаю причину и степень его уныния. Знаю, чем вызваны ужас и раскаяние, причиняющие ему нестерпимую боль. Он считает, что его друг, его благодетельница мертва.

Мои слова произвели сильное впечатление на Клитеро, чей потрясенный вид свидетельствовал, что мне, по крайней мере, удалось завладеть

его вниманием.

— Для этой благородной леди ее злой бессердечный брат был настоящим проклятием, — продолжил я. — Из-за непомерной привязанности к нему она ошибочно верила, что их судьбы неразрывно связаны и они закончат свои дни одновременно, а значит, тот, кто оборвет жизнь брата, фатальным образом будет повинен и в ее смерти. Слуга благородной леди, которого она приблизила к себе, почитая сыном и другом, защищая собственную жизнь, убил недостойного брата госпожи, в результате чего оказался в плену ложного, но неопровержимого для него убеждения, что он погубил этим и свою благодетельницу. Чтобы удостовериться, действительно ли сбылось пророчество, он вторгся в ее покои и видел, как, узнав о смерти брата, она упала без чувств к его ногам.

В глазах Клитеро вспыхнула ярость, он резко поднялся с тюфяка и негодующе воскликнул:

— Так вы для этого сюда явились?! Напомнить мне о моей вине, дабы безысходное отчаяние овладело мной с новой силой?

— Нет! — поспешил возразить я. — Меня привело к вам лишь желание устранить роковое заблуждение, из-за которого вы казните себя, по-

лагая, что стали причиной гибели самой дорогой для вас женщины, тогда как я могу поручиться, что она не умерла!

Мне удалось сказать это довольно убедительно, но гневный взгляд Клитеро ничуть не потеплел, более того, к пылающей в его глазах ярости добавилось еще и презрение.

Он молчал, и я продолжил:

— Кажется, вы не воспринимаете мои слова всерьез. Призываю на помощь Небеса, дабы развеять ваш скептицизм, убедить вас в правдивости и реальности того, что я говорю. Вы не верите мне? Не верите, что Юфимия Лоример жива, что она вышла замуж за Сарсфилда и счастлива? Что она забыла о смерти своего брата и не таит враждебных чувств к его убийце?

Клитеро посмотрел на меня с холодным презрением.

— Докажите! — потребовал он. — Докажите правдивость ваших утверждений! Поклянитесь, преклонив колена, и пусть поразит вас Господь, если вы солгали! Поклянитесь, что Юфимия Лоример действительно жива и счастлива, что она забыла об Уайетте и не держит на меня зла, сожалея о случившемся. Поклянитесь, что вы видели ее и говорили с ней, что из ее собственных уст

получили подтверждение тому, что она готова проявить сочувствие к человеку, направлявшему кинжал ей в сердце. Поклянитесь, что она стала женой Сарсфилда.

Я сложил руки на груди и, подняв глаза к небу, воскликнул:

— Да будет так, как вы хотите! Призываю Всемогущего Творца в свидетели, что Юфимия Лоример жива. Я видел ее, говорил с ней, несколько месяцев мы жили под одной крышей.

Слушая меня, Клитеро дрожал, но скепсис и презрение все еще сквозили в его взгляде.

— Возможно, — сказал он, — вы знаете, где она теперь живет? В каком городе, на какой улице, в каком доме?

— Да, знаю. Она живет в Нью-Йорке, на Бродвее, в доме по соседству с…

— Что ж, хорошо! — с неистовством в голосе отрывисто провозгласил Клитеро. — Хорошо! Вы сами подписали себе приговор, не подлежащий обжалованию и пересмотру. Да, беспечный, безрассудный юноша! Меня теперь ничто не остановит. Вы сами указали мне путь, который позволит уличить вас во лжи. Я не мешкая отправлюсь по названному адресу, чтобы воочию убедиться в обмане. Если она жива, мои пре-

грешения останутся в прошлом. Их и так было слишком много. Но если мертва, я заставлю вас поплатиться.

С этими словами он распахнул дверь и спустя мгновение скрылся из виду, оказавшись вне моей досягаемости. Я выбежал на дорогу, озирался по сторонам, звал его снова и снова, все было тщетно. Он умчался со скоростью быстроногого оленя.

Меня охватило смятение, я был в ужасе. Клитеро безумен, на это явственно указывала его бессвязная речь. Ведомый больным рассудком, он принял решение во что бы то ни стало увидеться с вашей женой. И я дал ему ключ к тому, где ее искать. Чем чревата их встреча? Клитеро — маньяк, это правда, которую нельзя игнорировать. Вашей жене трудно сохранять спокойствие даже просто при воспоминании о нем. Что же будет, когда он предстанет перед ней, опустившийся, одичавший и, возможно, движимый столь же чудовищными помыслами, как те, что некогда привели его к ее алькову?

Свои намерения он выразил довольно туманно. И все же тревожные опасения не покидают меня. Он так раскаивался в деяниях, за которые расплачивался душевными муками, так сетовал на

злосчастную судьбу, что я, не заметив пугающих свидетельств его безумия, проникся сочувствием к нему, и это привело к таким катастрофическим последствиям.

Уповаю на то, что Всевышний не оставит вас и поможет предотвратить их встречу! Я же не знаю, как это сделать. Впрочем, всегда остается надежда на чудо, какой бы призрачной она ни казалась.

Не могу смириться с тем, что моя опрометчивая оплошность сотворила это зло. Но разве возможно было предвидеть такую реакцию на благую весть? Я думал, что Клитеро стал жертвой своих ошибочных представлений о благодарности, рабом предрассудков простолюдина, не искорененных образованием, что его ввели в заблуждение фантомы, скрывавшиеся под личиной добродетели и долга. Поэтому я не готов был согласиться с резкостью ваших высказываний о нем.

Я бесспорно виноват перед вами и заслуживаю осуждения, однако прошу принять во внимание смягчающие мою вину обстоятельства. Меня переполняли столь сильные чувства, что это не позволило мне трезво оценить ситуацию. Да, я допустил ошибку, но не по злому умыслу, а из

сострадания к ближнему.

Э.Х.

Письмо 3

Эдгару Хантли

Нью-Йорк

Эдгар!

Вернувшись домой после утомительного дня, я застал свою жену с письмом в руках, она как раз собиралась его распечатать, но увидела меня и протянула конверт мне.

«По обратному адресу я поняла, от кого это письмо, — сказала она, — и, памятуя о твоих пожеланиях, уже готова была вскрыть его, но раз ты пришел, прочти сам, избавь меня от излишней информации».

Письмо было от вас. Речь шла о Клитеро. Счастливый случай спас мою жену! Не дай бог ей стало бы известно содержание письма! Мне стоило огромных усилий скрыть от нее мое беспокойство и под благовидным предлогом не позволить ей ознакомиться с вашим посланием.

Я лучше вас знаю Клитеро и, понимая, чем грозила его встреча с Юфимией, сделал, как вы можете догадаться, все от меня зависящее, чтобы

предотвратить это.

Действия, которые следовало предпринять, были для меня очевидны. Клитеро безумен и опасен, его необходимо заковать в кандалы и содержать в тюрьме как самого отъявленного преступника.

Я обратился к главному судье, моему другу, и добился предписания о немедленном аресте Клитеро, где бы тот ни находился, дабы удержать его от новых преступлений.

В отличие от Пенсильвании в Нью-Йорке не предусмотрено тюремное заключение для сомнамбул. У меня было только одно желание: чтобы этого безумца держали подальше от моей жены. К счастью, в порту в это время стояло почтово-пассажирское судно, вскоре отправлявшееся в Филадельфию. Я договорился, что Клитеро доставят на нем в штат Пенсильвания, где поместят в клинику для душевнобольных. У пирса Паулюс Хук и на причалах, куда прибывали суда из Джерси, дежурили специальные люди.

Эти меры оказались весьма эффективными. Через несколько часов после получения вашего письма, как только Клитеро ступил на землю Элизабеттауна, его схватили, препроводили на пакетбот и сразу же подняли паруса.

Я старался действовать тайком от женщин,

но, к сожалению, не учел, что вы обещали на следующий день сообщить мне подробности происшедшего, и ничего не предпринял для того, чтобы ваше новое послание не попало им в руки. Письмо вручили моей жене, когда я отсутствовал, и она его прочитала.

Вы знаете, Эдгар, в каком она была состоянии. Знаете, почему я всеми силами ограждал ее от любых опасностей и треволнений. И тут такое! Вряд ли что-то могло повергнуть ее в больший ужас. Впрочем, вполне ожидаемая реакция. А в результате у Юфимии начались преждевременные роды, она чуть не лишилась жизни, и моя самая заветная мечта была повергнута в прах. Ребенок, с появлением которого мы связывали столько надежд, родился мертвым.

Поверьте, Эдгар, это тяжкое бремя буквально подкосило меня. Трудно было удержаться от нелицеприятных слов по поводу вашего легкомыслия. Вы все делали наперекор моим советам и здравому смыслу. Постарайтесь впредь прислушиваться к мнению других и быть более осмотрительным.

Вы знали, что я разрешаю жене вскрывать адресованные мне письма; знали, что меня большую часть дня нет дома и в мое отсутствие ваше посла-

ние, скорее всего, прочтет она. Эти соображения должны были побудить вас отправить второе письмо на имя Уитуорда или Харви с просьбой передать его лично мне в руки.

Кое-что из описанного выше случилось, когда я находился на пакетботе, решив проконтролировать, чтобы Клитеро доставили в клинику для душевнобольных.

Не стану терзать ваши чувства перечислением всех подробностей его задержания и ареста. Как вы можете представить, сильный, но извращенный разум Клитеро воспротивился столь несправедливому обхождению. Все его существо восстало, и никакая сила не способна была совладать с ним. Мне выпала роль его тюремщика, тирана, для которой требовался человек, более, чем я, привычный к зрелищу страданий и насилию.

Едва мы вошли в узкий пролив, как наш безумный пленник выбрался на палубу (чего никто не ожидал, поскольку, казалось, деваться с корабля ему все равно некуда), прыгнул за борт и поплыл к берегу. Тут же спустили на воду лодку; преследователи бросились в погоню, но, когда они почти настигли беглеца, он, сделав последнее усилие, ушел под воду и больше уже не всплыл

на поверхность.

Надеюсь, с кончиной этого негодяя прекратятся наши горести и наши дурные предчувствия! Своей смертью он спас себя от зла, против которого были бы бессильны и время, и долгие годы заключения в ужасных условиях психиатрической лечебницы. Не имея больше причин продолжать плавание, я воспользовался шлюпом и уже через несколько часов вернулся в Нью-Йорк. Не теряю веры в то, что моя жена скоро поправится. Скрыть от Юфимии гибель Клитеро и подробности произошедшего я не мог. Пусть в ее жизни это будет последняя стрела из колчана бед и несчастий!

Прощайте.